

18+

ВАЛЕРА ЖЕН

КАТАРСИС

A watercolor illustration of a sunset or sunrise. A large, glowing sun is positioned in the lower center, partially obscured by the word 'КАТАРСИС' written in a bold, red, stylized font. The sky is filled with soft, blended colors of orange, red, and blue, suggesting a hazy atmosphere. The entire scene is framed by a dark, textured border.

Валера Жен Катарсис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55329327

ISBN 9785449874849

Аннотация

События происходят в смутные 90-е годы прошлого века – на фоне насильственного разрушения социалистического мировоззрения и бесконтрольного «дикого» рынка. Обнажаются ранее скрытые индивидуальные и общественные пороки, криминал проникает в государственные структуры, преступность обретает масштабы национального бедствия. Молодое поколение предоставлено само себе, и в «болоте» новых общественных отношений не видит для себя ясных и светлых перспектив, часто объединяется в преступных целях.

Содержание

ДИЛОГИЯ «хроники скрытых преступлений».	9
КНИГА i	
ПРОЛОГ	10
часть первая	21
I. ЕДИНСТВЕННЫЙ СВИДЕТЕЛЬ	22
II. ЛИЦОМ К ЛИЦУ	52
III. ПРИСТРАСТИЕ ФЕМИДЫ	139
Конец ознакомительного фрагмента.	187

Катарсис

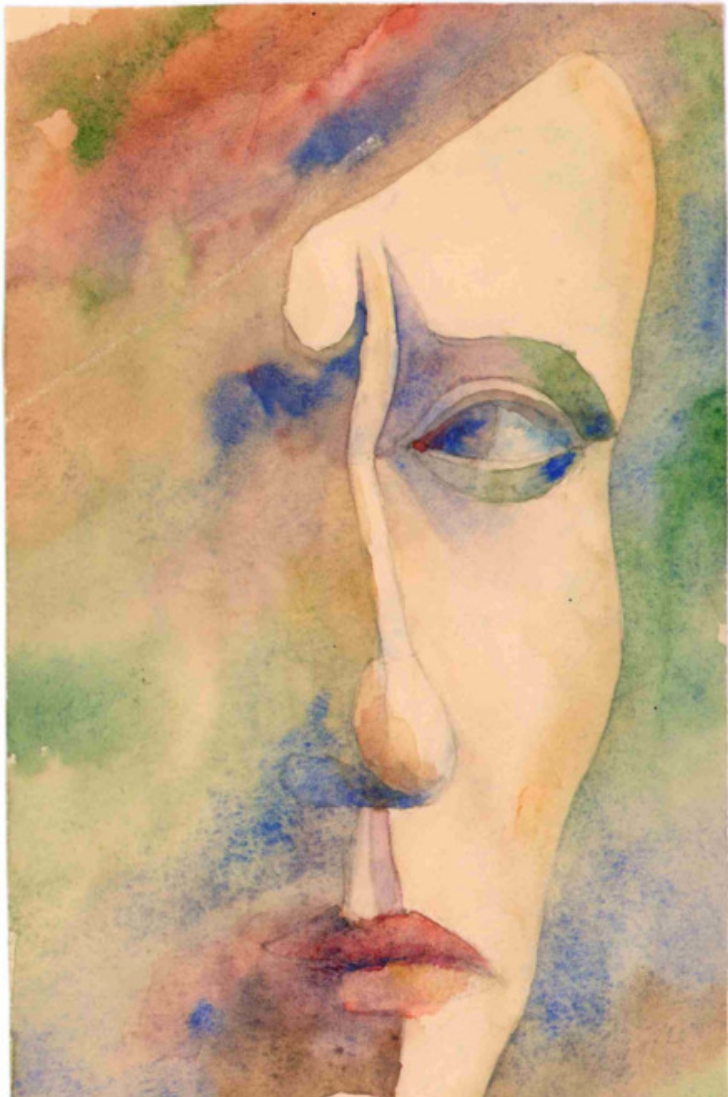
Валера Жен

© Валера Жен, 2020

ISBN 978-5-4498-7484-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Роман «Катарсис» – первая книга дилогии «Хроники скрытых преступлений». События происходят в смутные 90-е годы прошлого века – на фоне насильственного разрушения социалистического мировоззрения и становления рыночных отношений. Обнажаются человеческие пороки, криминал проникает в государственные структуры, преступность обретает масштабы национального бедствия. Разваливается промышленное производство, деградирует наука, торговля и спекуляция становятся сферой деятельности самой интеллектуальной и образованной части населения. Молодое поколение предоставлено само себе, в «болоте» политических партий и коррумпированного правительства не видит для себя ясных и светлых перспектив, часто объединяется в преступные группировки. Трагические события и, связанная с ними, душевная катастрофа – факторы, которые подвигают главных героев на совершение криминальных поступков, способных, по их убеждению, восстановить утраченную гармонию в общечеловеческом ее понимании, поверить в справедливость.*

Катарсис* (греч. katharsis – очищение) – термин «Поэтики» Аристотеля, очищение духа при помощи «страха и сострадания» как цель трагедии. В психоанализе З. Фрейда – один из методов психотерапии.

ВАЛЕРА ЖЕН

РОМАН

ДИЛОГИЯ «хроники скрытых преступлений». КНИГА i

*Путь же беззаконных – как тьма;
они не знают, обо что споткнутся.*

*Сердце человека обдумывает свой путь,
но Господь управляет шествием его.
Библия. Книга притчей Соломоновых.*

ПРОЛОГ

Сизый дым с примесью бумажного пепла разъедает глаза, выдавливает слезы, вызывает легкое головокружение. Не слишком-то приятные ощущения. Куда ни глянь, всюду непроглядная ночная стена. И все-таки, при всех сопутствующих неудобствах, есть видимость комфорта. Пусть не городские радости, но после первого, мартовского, дождя даже маломальский костер чего-нибудь да значит. Огонь привлекает, завораживает, греет и... уничтожает вредоносные микробы. Опасное и необходимое соседство – очень тонкая грань между зарождением и гибелью, красотой и уродством. Вечное стремление человечества к теплу и свету.

Две, темные со спины, фигуры маячат перед крохотным пламенем, подбрасывают клочки газет и журналов. Пытаются подсушить таким образом отсыревшие обломки ящиков из-под овощей, которых на городской свалке не считано. Добившись успеха, они присаживаются на перевернутую спинку дивана, прикуривают сигареты.

– Вымерло все, как на кладбище. Ни жратвы тебе, ни крыши над головой, – прозвучал недовольный хрипловатый бас. – В такую непогодь не мешало бы иметь какой-нибудь маломальский вагончик.

– Сам-то уговаривал, обещал ночное раздолье, – раздался в ответ женский смешок. – С самого праздника все куда-то

ходим, только радости мало. Ладно, хоть снег не растаял, запахов нет.

– Правильно обещал – небось, не впервой прихожу. Нигде не увидишь такой открытости и дружелюбности, здесь и звезды одинаково светят для всех. Никто тебя не обманет. Люди не жадные, душа немереная.

– Покажи, ха-ха, это самое.

– И покажу! – уверенно прозвучал бас. – Сейчас ветерком обдует, и на огонек люди потянутся.

– Что до той поры делать?

– Сразу видать, впервой здесь. С рассветом осмотришься – увидишь историю *homo sapiens* в чистом виде.

– Ты о рухляди?

– Даже не знаю, как сказать... всюду рассыпаны сокровища. Надо иметь такой природный ключик как воображение. Для кого-то куча строительного хлама, для других – развалины Акрополя в Афинах, а для меня так вообще величие древней Греции. – Мужчина начал ворошить палкой подсушенные дощечки, одновременно отстраняясь от снопа искр и густого дыма. – Не поверишь, я специально летал в Париж посмотреть Нику Самофракийскую. Стоит несчастная в Лувре без головы, вместо рук крылья трепыхаются – вот сейчас полетит.

– Так прямо и взлетит?

– Пусть не летает, но хуже не выглядит. Только приглядишься, всюду неповторимая история, великие создатели. Ды-

хание столетий, так сказать. А то... рухлядь.

– Говоришь ты хорошо, так удиви чем-нибудь, порадуй любимую женщину. Пока вижу, наш круиз не выходит за пределы пьяных компаний и этой огромной свалки отходов цивилизации.

– Настроение зависит от самого человека, от его душевной культуры. Небось, порыться, так много можно откопать удивительных вещей. Не веришь? А это... что в газете было завернуто? Давай-ка посмотрим, что нам предлагает городская цивилизация, все равно дровишки успели разгореться. – Мужчина склонился к толстой пачке подмокшей писчей бумаги. – Ну вот, а ты – круиз... да это никак чей-то манускрипт. Бумажка приложена – письмишко, небось.

Мужчина поднял взгляд к звездам, выглядывающим из-за облаков, потом стал всматриваться в непроглядные стороны. Не курьера ли, доставившего необычную посылку, он хотел разглядеть в кромешной тьме. Его лицо, озаренное ярким пламенем, не имело характерных черт или определенного выражения, даже возраст определялся только по голосу – далеко за пятьдесят. Женщина значительно моложе, также обезличенная. Демисезонная одежда не модная, но достаточно опрятная. Есть в людях особенная интеллигентность, легко располагающая к себе.

Он склонился над бумагами, с трудом отслоил верхний размокший лист. С минуту разглядывал мелкий убористый текст, нанесенный синей пастой – должно быть, привыкал

к незнакомому почерку. Отбросил потухший окурок, и опустил указательный палец на бумагу.

Дорогой незнакомый друг! Я благодарен Вам за нечаянное внимание к моим рукописным строкам. Не посчитайте за навязчивость, но мне доставит великую радость Ваше мнение о найденном произведении – этой выстроенной с большой щепетильностью моей личной жизни. Вы скажете, ничего примечательного быть не может – все в той или иной мере повторяется. И все-таки я смею надеяться на отличительные особенности. Всего два года высококонрастной жизни, и вдруг – большие сомнения в оценке событий и правомерности собственных поступков. Всем известно, совесть – высший судья. Именно к своей совести я прислушивался. А сомнения? Неужто надо было жить бессовестно... Поэтому я взялся за перо – с целью таким простейшим способом проследить ход своего мышления и выявить непростительные изъяны.

– Фу ты, ну ты! – фыркнул мужчина.

– Что не понравилось?

– Из таких людей получают большие зануды. Начинается где-то в начальном классе с дневниковых записей, а позже развивается в словесный понос. Просто надо жить. Ты сказала, что я для тебя второй после умершего мужа? Пусть будет так, не надо мне твоего прошлого. И меня не трогай. Если копнуть, в каждом наскребется дерьма воз и маленькая тележка. Что там еще...

Не скрою, мне бы хотелось стать объектом для всеобщего обсуждения и, возможно, осуждения, но появился риск не дожить до столь счастливого времени. На протяжении года, находясь в состоянии физического покоя, но не самоуспокоенности, я последовательно воссоздавал цепочку драматических событий, невольным свидетелем и участником которых становился сам. Надеялся таким немудреным способом, перепроверя каждый свой шаг, освободиться от морального груза. И всякий раз убеждался, я не совершал преступлений, а стремился к желанной гармонии со вселенским Разумом.

– Так самому недолго потерять разум. Говорят же умные люди: перестань переживать и учись жить заново!

– Читай дальше, философ!

Да, я считал себя орудием высших сил, потому что насилие над человеком всегда было противно моей природе. В моем случае доказывать правоту надо только с позиции своей совести, поэтому я ушел от влияния существующего миропорядка и деградирующей культуры. Хотел уединиться, чтобы оставаться предельно честным по отношению к себе и обществу. Убедился в тщетности усилий. Изрядно подпорченная действительность не приемлет независимости, я нужен ей в качестве пищи для подкрепления негативных сил. И обществу не нужна моя честность.

Следуя логике своего мышления и нравственного выживания, я не мог согласиться также с существующей судеб-

ной практикой. Она, эта практика, в большей степени сводится к сохранению видимого равновесия в обществе для сохранения властвующих структур, в своей основе является ханжеской. И Конституция выглядит привлекательной только на бумаге, не может стать панацеей от морального и физического разложения общества.

Я не хотел попусту растрачивать единственную неповторимую жизнь на лишние ценности, не хочу по той же причине лукавить, раскисаясь в собственных поступках – только бы смягчить наказание. Теперь мне жалеть не о чем. И можно ли считать обостренное чувство справедливости преступлением? Понимаю, моя рукопись, ввиду ее правдивости, становится также обличающим документом против меня, но я не стану изменять своему главному правилу – жить в согласии с самим собой.

– Письмо чудное, никак слезами проливается. Пожил бы с мое, мочился бы не только в жилетку, но и в кровать.

– Не знаю, что ты называешь этой самой жизнью, но по мне жизнь людей – это состояние души, а не тела. Не знаешь человека – не зарекайся.

– Ну, будет! Почитаем – небось, увидим.

Описывал события, имевшие место, с искренним желанием не повторить прошлых ошибок, найти себя в новом качестве. И вдруг задался вопросом: а мог бы я поступить иначе? К своему ужасу, пришел к выводу, что все время обманывал себя, в оценках ориентируясь на христианские добродетели.

тели. Множество совершаемых поступков, далеких от библейских заповедей, и даже от общепринятых стереотипов, являются вынужденными. Невозможно сохранить душевную и духовную чистоту в развращенном обществе. Обществу все равно, изнасиловали проститутку или растоптали душу светлого ангелочка, наказание для всех одинаковое. Оно, это развращенное общество, своими дилетантскими законами спровоцировало меня на самостоятельные действия для защиты себя и светлых душ от осквернения.

– Размечтался!

– Ты о чем? – не поняла женщина, подбрасывая в костер дощечки.

– Каждый день слушаю, как букашки мнят из себя. Не хватает им воображения представить себя под кустом с лопухом в руке или в карикатурной позе в подражание Кама Сутре. Нет, хотят, чтобы все увидели их значимость.

– По какой-то причине рукопись оказалась на свалке. В целости и сохранности, как будто нечаянно обронили.

– Ничего не стоит, поэтому выбросили, – уверенно пояснил мужчина.

– Может, у автора другие представления о ценностях, его интересы, не в пример тебе, направлены на духовную пищу. Он тебе даром предлагает прочесть.

– Чем ты недовольная? Я ничего не имею против. Ночь длинная, подогрев есть. – Мужчина склонился к хозяйственной сумке, выставил бутылку портвейна и продолжил: –

Попробуем духовную пищу... Ну вот, наконец-то здравая мысль...

Человечество, приняв за основу своего процветания алчность и безмерное потребление, по существу становится преступным и возвращает преступников. Природа, став объектом для бездумного истребления, не может выполнять защитных функций. Также не существует в мире сил, способных привести общество к необходимой для выживания согласованности. Я, в отличие от большинства обезумевших от жадности людей, не вмешивался в мировую грызню за иллюзорное право на сверхнеобходимые блага. Природные богатства планеты уже изначально предоставлены в достаточном количестве всем людям. В пределах разумного. Недопустимо рабовладение и эгоистичная узурпация всеобщих даров природы.

– Что-то мне все это напоминает, – раздумчиво произносит мужчина, прикуривая свежую сигарету. – Так ведь ничего нового не сказал. У нас всякий неудачник мнит из себя посланца с небес, этакого обличающего и непогрешимого оракула, обделенного и ущемленного в правах.

– Что он такое сказал... не боится умереть за свои убеждения, вон и голову подставил. – Женщина ткнула пальцем в пачку бумаги. – Говорит, охотятся за ним. У нас даже государственные деятели свои преступления и глупости сваливают на узаконенную систему, а здесь обыкновенный человек впрямую указывает на себя.

– Наверно, ты права. Вот он дальше пишет.

Мой друг, если Вам интересно знать, что именно побудило меня опасаться за собственную жизнь, то не считайте за труд прочитать найденную Вами рукопись до конца. Пусть Вас не смущает литературная неуклюжесть иных фраз. Форма изложения всего лишь отражает специфику окружающих явлений, исказить которых автор не имеет права. Не знаю наверняка, кто за мной охотится, но приманкой могли стать сведения, изложенные мной со скрупулезной точностью. Я не принадлежу к какому-нибудь преступному, или политическому, клану, в своем одиночестве являюсь легкой добычей для представителей всякой власти, не отягощенных нравственными принципами.

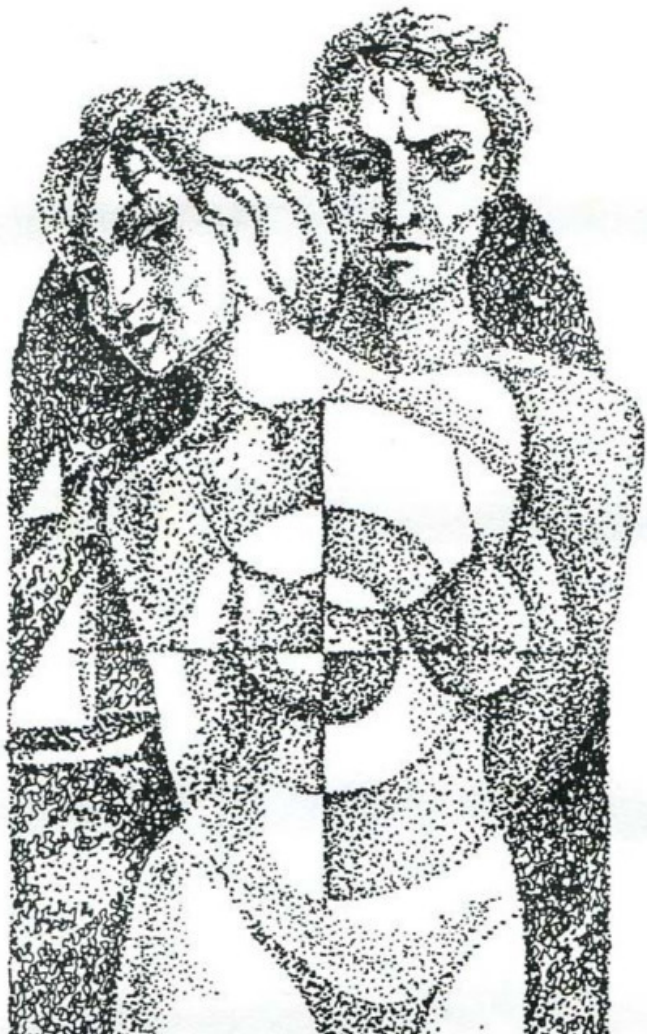
Меня разыскивают и непременно устроят физически, но если рукопись попадет в достойные руки, то моя жизнь не прошла напрасно – станет еще одним поводом для морального оздоровления общества, явится примером здорового мышления планетарного значения.

– Предлагаю бросить в огонь, всем будет легче. Уж больно высокопарно, напоминает речь какого-нибудь наивного романтика.

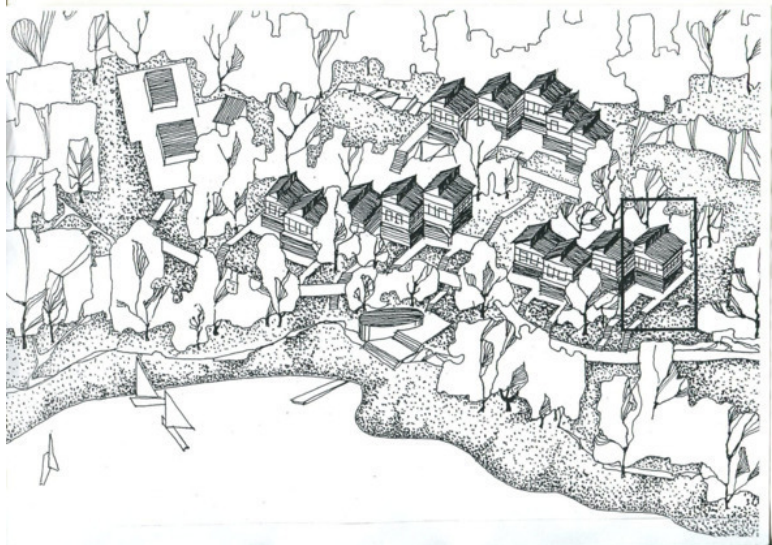
– Ты сам как-то говорил, рукописи не горят, в них – нетленная душа. И, как сказал автор, есть полезный опыт, – неуверенно высказалась женщина.

– Небось, увидим, – усмехнулся мужчина, подставляя уголок отсыревшей пачки огненному языку. – Вон как выли-

зывает, а не загорается – оставляет темные пятна, что-то выжигает. Также расправляется время с историей. Потом начнут сочинять всякую небылицу, чтобы хоть как-то связать концы с концами. Называют ее объективным судом времени, когда уже и очевидцев нет, и возразить некому. И с пепла взять нечего. Не будем изменять общему правилу. Переберем по листочку – до утра подсушим плач безымянного романтика, для растопки сгодится. Как говорится, а ну его в лету! Аминь!

часть первая

I. ЕДИНСТВЕННЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

23 июля 1989 года.

Телефонограмма, полученная в прокуратуре, сообщала:
В окрестностях туристической базы обнаружен труп Игоря Моисеевича Шкоды тчк Имеются следы насильственной смерти тчк Прошу выслать следственную группу тчк Директор базы «Лазурная гладь» Скремета тчк.

Следователь Степан Михайлович Алексин – худощавый симпатичный шатен лет сорока, с выбритым до глянца лицом и военной выправкой, тоскливо рассматривал загрубевшие пальцы, похожие на щупальца бывалого спрута. День дежурства совпал с воскресным и первым рабочим днем после отпуска. Преследовали впечатления от плавания с друзьями по северной реке, в которой на каменистых порогах мыльными хлопьями вспенивалась вода, в бурных потоках хариус напрашивался на крючок. Время от времени их длинные мясистые тела шлепались на добротный плот. Неприхотливая коптильня делала свое дело. Дело! Алексин встрепенулся. *Ах, как хороши, прекрасны северные ночи! У костра. Почти по Тургеневу. Что ж, узнаем, чем пахнет труп, как его там...*

Он указательным пальцем постучал по стакану с остатками холодного чая, желая выгнать оттуда назойливую муху. В ней виделся источник внезапного раздражения. Задумал-

ся. Телефонограмма пришла два часа назад. Сейчас двенадцать. Труп обнаружен где-то в семь утра. Время, когда любители утренних моционов, далеко не юные в своих устремлениях, червячками буравят природные ландшафты. И... следы преступления потеряли свежесть, возможно – отсутствуют. Поднял телефонную трубку, оповестил группу о выезде.

– Закусим в дороге! А то как бы нашего приятеля на сувениры не растащили, – шутливо закончил, как ему показалось. – Что? Нет, не надо. Собачку и фотоаппарат. Все!

Сборы прошли быстро, и скоро служебный «Уазик» потряхивало на ухабах. Из памяти выплывали речные перекааты, плот натыкался на острые камни, хариус клевал. По обрывистым берегам тянулись заросли девственного леса, пьянил аромат неведомых цветов. Ясное небо ослепляло своим отражением. *Как хороши, как свежи...* В плечо ткнул кинолог Лешка.

– Ты что, заснул? Смотри, какая свежесть! Каждый день бы выезжать на курорты.

– А, иди ты! – махнул безнадежно рукой. – Настоящей природы не видел.

Машина остановилась сразу за воротами базы. Водитель выдернул ключ зажигания, и, как по сигналу, зазвучала вечная симфония неувядаемой природы. *А, пожалуй, он прав. Чем не курорт? Ехать далеко не надо, всего час езды.* Слева, в двадцати метрах от въезда, простирается гладь озера, спра-

ва нависает крутой каменистый склон, поросший хвойными деревьями. К подножию прилипла деревянная постройка административного корпуса. Казалось, убрать несколько камней из-под основания, и покатится она, и покатится... в озеро.

Остекленная массивная дверь качнулась, выталкивая крупного розовощекого человека в добротном, тщательно отутюженном синем костюме и сверкающих черных туфлях. Темная непокорная прядь закрывала половину левого глаза, придавая ему вид лихого казака. Мужчина одернул полы пиджака и мигом скатился к машине. Он чувствовал себя неуютно в послеполуденную жару и едва заметными телодвижениями пытался отклеиться от плотно прилегающей одежды. Глубоко дышал, фразы вылетали под повышенным давлением – с хрипом.

– Директор, – представился он. – Скремета.

– Рассказывайте.

– Смотрите сами... – неопределенно развел руками.

– Ведите к трупу!

– Какому трупу!? – Дыхание остановилось, задержка грозила взрывом, что и произошло. – Какой труп здесь кругом трупы убивают режут пугают одни сумасшедшие старуху на *скорой* увезли сердечница дважды направлял телефонограмму а вы труп три убийства а вы труп.

Нервный директор, – про себя заключил Алексин. – Плохо владеет ситуацией, а должен быть покрепче. На вид –

лет тридцати, усики а-ля Михалков, слегка толстоватый, но ростом не обижен. Наверное, женщинам нравится. Взгляд темный, ласковый. Мне бы такие данные, а то полный контраст – невысокий, светлый, щуплый. В общем, мальчик с посеребрёнными висками. В органы внутренних дел записался, благодаря воле и выдержке. С женщинами и вовсе не ладится, хотя им нравится в мужчинах армейская подтянутость и выдержка. Самодисциплина и мешает склонить голову перед женским очарованием. Знали бы, что во мне Тургенев пропадает. Как хороши, как свежи были... Тьфу, сдался этот Тургенев. Итак, три убийства и старушка.

– При чем здесь старушка?

– Как при чем!? Наткнулась на... прогуливалась. У нее такой порядок – вставать с зарей и наслаждаться пробуждением природы. Птички там и всякое... Увидела парня, кровь... очумела. Простите, растерялась. Откуда прыть взялась. – Директор обескуражено пожал плечами. – Примчалась и чуть ли не на всю базу завопила: *Убили, убивают!* Люди рано ложатся, быстро высыпаются на свежем воздухе. Самые шустрые повыскакивали, кто в чем. Где, говорят, убивают? Она рукой показала и повалилась. Глаза закатила. Ладно, у нас врач толковый. Быстро сообразил, что к чему. Укол, потом *скорую* вызвал. Сердце, говорит.

– Очень хорошо, – невпопад кивнул Алексин. – Остальные трупы?

– А что остальные... как и полагается, в своем домике почивают. То бишь вечным сном почили.

– Что-то быстро вы на юмор переходите. То безумно тарашите глаза – несете околесицу, а теперь в вас Зощенко проснулся.

– Прикажете рыдать... Я только заглянул и сразу вылетел. Там кровящи по колено. Опять следопыты навели. Вокруг дома кровь, у крыльца – тоже. Сами увидите.

Орест Викторович Скремета уже год был директором. Месяц назад достиг христового возраста. Молодая задористость резко отличала его от коллег-директоров. Скрытое честолюбие сквозило не только из карих с поволокой глаз, но, казалось, из всех складок одежды. Модные туфли вызывающе бросали блики на все стороны: мол, смотрите, какие мы, а что выше, то и описанию не поддается. Пижон? Возможно. Коллектив любил его за расторопность, с какой он поправил запущенные дела, благоустроил территорию, вернул престиж туристической базе и помирил двух молодоженов, переваливших пятидесятилетний рубеж. С утра до вечера звучала музыка, и каждый посетитель уносил с собой приятные впечатления о «Лазурной глади» с напевами полюбившихся мелодий. Несмотря на драматичность, последнее событие, интриговало и будоражило людей, добавляя адреналина и обогащая нередко тусклую жизнь. Именно об этом подумал Алексин, а вслух сказал:

– Проводите! И еще... пригласите доктора. Может приго-

диться.

Глинобитная дорога витиевато огибает озеро, пересекает редкий лес, упирается в жилую зону. По ее состоянию видно, машины ходят здесь редко. И встречная табличка на покосившемся столбике доходчиво поясняет: *Проезд на личном транспорте запрещен! За нарушение штраф 50 руб.*

Праздные люди с интересом посматривают на прибывшую группу, не спеша уступают дорогу. Скорее, бульвар, а не дорога. За островком густого леса открывается обширная территория в виде каре с постриженными газонами и спальными корпусами. От уютных деревянных строений по склонам, через проезд, серпантинном спускаются мощенные известняком тропинки, пересекающие обширный кустарник с редкими хвойными деревьями, и выходят к озеру.

Корпус №6 занимает крайнее положение в цепочке спальных сооружений с одинаковыми фасадами и террасами в сторону озера. Из каждого домика легко обозреваются побережье с золотистым пляжем под знойным летним солнцем и противоположный берег с наклепленными гнездами баз отдыха, санаториев и профилакториев, не имеющих четких контуров из-за дальности расстояния.

Федор работал с фотоаппаратом. Иногда подменял другим – из набедренной сумки. Алексин заметил раздвоенность в интересах фотографа, вопросительно посмотрел на аппаратуру. Тот замялся, сделал вид, что очень увлечен

созерцанием домиков. Потом решил.

– Да, иногда подрабатываю на слайдах. Сам понимаешь, природа. Не часто увидишь. А тут... одно другому не мешает. И квалификация повышается.

– Повышается, говоришь? А вообще, как знаешь. Не тебя учить. Только не забывай отражать следствие добрыми иллюстрациями. Домик, чтобы как на картинах кубистов – со всех сторон! Понял?

– Ну, ты даешь! – Федор обиженно пожал плечами, в кармане пиджака мстительно построил фигу.

Домики как домики. Внешне ничем не отличаются. Блокированные. Словно опята, приткнулись друг к другу: который чуть вперед выдается, иной отстает, а в целом – дружная семейка. Кое-где террасы соединяются, что при желании позволяет общаться с соседями, не покидая пределов собственного жилища.

Корпус №6. Под окном сочная трава, чуть примятая и сдобренная приправой в виде бурых пятен на ярких листьях. Такие же вкрапления пестрят на тропинке, огибающей домик и ведущей к входу. Перед крыльцом остановились. Психологический барьер. Алексин должен войти и явиться свидетелем последствий драматических событий. Предварительный разговор с директором усиливает робость, с которой он сверлит взглядом дверь. Что там? Понятно, смерть. За ней история. Вопрос, как войти и посмотреть. Отсюда – определенная версия. Пусть интуитивная, но все-таки...

– Договоримся так... Ты, Федя, собери в пакетики травку с загадочными пятнами. А вы, – он смерил строгим взглядом кинолога и директора базы, – наблюдайте за территорией. Смотрите, где что не так. Очень любознательных людей держите подальше.

Повернул в замке ключ, приоткрыл дверь ровно на столько, чтобы только самому проникнуть внутрь, но не дать сторонним наблюдателям что-либо там разглядеть. Сумрак. Окна плотно зашторены. Спертый запах крови и смерти. Тронул выключатель. Свет ослепил кровавыми брызгами. Задержал дыхание, тяжело выдохнул. К ногам тянется алый ручеек. Всего лишь видимость оживших событий. Жутковато, но работа есть работа. Застывший кадр немого кино. Что произошло? Ответы потом, главное – ничего не упустить. *Итак, я вхожу... передо мной справа кухонный уголок. Стол, посуда, четыре стула, недоеденный ужин, пустые бутылки из-под шампанского и водки.* Дальше алые брызги сгущаются и материализуются в два подобия человеческих существ.

Разметавшееся тело молодой женщины в другой ситуации могло бы вызвать подобие восторга у большинства нормальных мужчин, но теперь своей незащищенной открытостью производит удручающее впечатление. Степан Михайлович – не исключение, он с грустью созерцает ту, которая могла послужить улучшению генофонда страны или, наконец, стать матерью здорового и красивого ребенка. Ее женственность и необычайная выразительность форм станут досто-

нением паразитирующих микроорганизмов. Ничего не останется, кроме обезличенного праха, но раньше началось разрушение духовной и культурной целостности. Платье порвано, одним лоскутом от подола бесстыдно откинулось выше пояса, открывая сгусток бурой массы. Многочисленные порезы на груди и шее, не столь страшные, смягчают впечатление от основной раны. Голова, неестественно откинута, сохраняет уложенные накануне темно-русые волосы. Взгляд никуда.

Алексин стоит в задумчивости, пытаясь воссоздать разыгравшуюся трагедию. Перед мысленным взором маячит разъяренное мужское лицо, руки сжаты в кулаки. Какое лицо? У мужчины, лежащего поблизости, нет лица. Есть кровавая запекшаяся маска. Рядом – кухонный нож. Орудие убийства? Из ревности. Попахивает откровенной эротикой, совсем ни к чему мужской труп. Самоубийство? Его поза и порядок в одежде далеки от простейшего вывода. Что еще? Ранения... так себя не изувечишь.

– Федор! – неестественно громко вырвалось из пересохшего горла.

Фотограф втиснулся в щель дверного проема, замер у порога.

– Очень не топчись. Все, как следует, зафиксируй.

– Что остальные?

– С директором сам разберусь, Алексей пусть выгуливает собаку. Дверь запри и никого не впускай. И смотри, никаких

художеств! А то слайдов ему захотелось. Совсем разболтались... врач придет – пусть приблизительно определит время смерти. Впрочем, и определять нечего, и так ясно.

Злость проявилась внезапно. Он мог бы ее объяснить, но раздраженно хлопнул дверью, и шаги его скатились с крыльца.

– Мог бы и повежливей, – недовольно пробормотал Федя и стал настраивать фотоаппарат.

Вечер.

Третий труп находился неподалеку – сразу через дорогу, в леске. Накрыт старой простыней. Рядом, у гнилого пня, развалился работник с местной кухни, с мрачным видом всматривался в пожелтевшие страницы толстой книги. При других обстоятельствах можно принять за обычного человека, ожидающего пробуждения закадычного друга. При появлении Скреметы скосил глаза на его спутника, невозмутимо пересел на пень и продолжил безобидное занятие.

Алексин приподнял простыню, минуту всматривался. Повернулся к Скремете.

– Пусть его доктор тоже посмотрит, потом все трупы отправим на тщательную экспертизу. Да... найдите соседей этих... отдыхающих, все равно что-нибудь заметили.

Причина происшедшей трагедии продолжает наполняться содержанием и становиться все более убедительной. Без сомнения, все три убийства каким-то образом связаны меж-

ду собой, а на первый взгляд картина представляется и во- все классическим любовным треугольником. Но так хочется считать для упрощения задачи, а на самом деле надо собирать доказательства и разбираться.

– Что вы знаете про... людей? – Он покосился на простыню.

Орест Викторович молчал, как бы гадая, какие люди имеются в виду.

– А что о них знать? Барышня и этот... из посетителей. Тот, другой – сторож базы. В целом неплохой парень. Так думают о нем.

– Вы считаете также о...

– Думаю-думаю, – скороговоркой перебил директор. – Считаю, в тихом болоте черти водятся... любил животных... а что еще? Все на глазах. Ничего себе такого не позволял. В пьяном виде не попадался, чужого не брал. Охотник.

– Охотник... а до чего охотник?

При банальном вопросе Скремета поморщился.

– Можно подумать, в местах отдыха всегда ищут любовных утех. Конечно, не без этого. Люди разные, но этот парень от природы. Его интересовали дикие животные.

– Зимой имеется женский персонал?

– Нет, что вы! Только сторож и... собака. Медведя завел. Выходит, не скучно ему. В прошлом году вручили цветной телевизор за безупречную работу. Можете не доверять, но пожаловаться не могу. Парень, что надо... был.

– Говорите, собака и медведь?

– Не совсем, – помявшись, заключил директор.

– Что еще?

– Иногда серьезные люди приезжали. Знаете, как это бывает... городская суета, неудачи в работе, стрессы. Вот и ездили сюда отвести душу. Располагались обычно у сторожа. Для таких случаев имелось хорошее вино, холодильник в столовой не пустовал. Парень простой, да и с любым начальством мог пофилософствовать на равных. За это любили и везли продукты и... прочие вещи.

– Женщины?

– Кто их знает! Не докладывали, а у меня дела – другие заботы. С любителями зимнего одиночества получал, при их возвращении в город, письменные отчеты, иногда разговаривал по телефону. Этим и ограничивался.

Ореста Викторовича, перспективного руководителя, раздражал разговор о его причастности к какому-либо ЧП на базе. Он всегда добросовестно выполнял свои обязанности, его персонал тоже обвинять не в чем. Хотелось забыть о печальном событии, посмотреть на всех сверху вниз и привычным колоритным басом прокричать: *Машка, иди туда, а ты, Лукерья, отнеси чайный сервиз в такой-то номер. Там постоялец Николай Федорович – директор птицефабрики. И смотри, чтобы постельное белье дышало хвойной свежестью. Получится чин чинарем – премию выпишу*. Спас от неприятной беседы доктор. Он явился в сопровождении

изможденного молодого человека в спортивном трико и сразу пустился в наступление.

– Вот, посмотрите! – Ткнул пальцем в сторону забинтованной головы спутника. – Пострадал у спального корпуса и хочет видеть следователя. Сотрясение. Едва стоит на ногах, а все туда же – в свидетели.

– Вы доктор? – остановил словесный поток Алексин и, усмотрев утвердительный кивок, добавил: – Значит, следует быть в халате. Хотя это к делу не относится. Вы займитесь трупом. Директор свободен, а с парнем перекинемся парой слов. Он хоть и с травмой, но свой долг выполняет лучше многих из нас.

Скремета с удивлением смотрел на обрадованного следователя. Кажется, до сих пор тот находился в полусонном состоянии. Появился парень, и состоялось пробуждение. В серо-голубых глазах загорелись азартные огоньки. Еще немного, и пригласит всех на известняковую дорожку – покажет, как бегают настоящие спортсмены. Чтобы его не спровоцировали на позор, директор поторопился ретироваться.

– Если потребуешь, он меня найдет. – Покровительственно положил руку на плечо кряжистого доктора. – Весь день буду в конторе.

Алексин с удовлетворением и понятным удовольствием окинул взглядом стройного паренька. Радужно улыбнулся, обнял за плечи и нежно, будто своей любовнице, пропел:

– Как я тебе сочувствую! Но, сам понимаешь, дело чер-

товски неприятное – три мертвеца, а ты живой. То есть приятно, что ты живой. Это божье провидение... чтобы знать истину. – Указал на пенек, – Садись, садись! Тебе вредно стоять. Не спеши, рассказывай обстоятельно. Представь, я – твой духовник.

Парня зовут Валерой, фамилия – Вадеев. Среднего роста, лицо голубоглазое с нормальным ртом и чуть длинноватым носом. Голос, как у Сталлоне. Есть что-то от романтика. Для себя Алексин определил его *поэтом*.

– Я люблю помечтать. Ночью становлюсь особенно восприимчивым. А тут природа, звуки... Вышел. Погулял по пляжу... Знаете, как это бывает. Позади лес, перед глазами вода в лунном освещении. И вот музыка... поднимается, ширится... Вечное противостояние – одна тема. Вода щебечет свое, а Земля создает мощный фон...

– Хорошо, полюбовался природой, а потом что произошло? – нетерпеливо перебил следователь и тут же решил, что зря. Парню надо настроиться, собраться с духом, чтобы подойти к страшным событиям ночи. – Кстати, у тебя взгляд болезненный. Расскажешь, и доктор тобой займется.

Действительно, Алексин почувствовал угрызения совести. Надо быть дипломатичней. Все-таки не каждый станет гулять с сотрясением головного мозга, но дуэт Воды и Земли... Уж не насмешка ли? Возможно, в поэтической тарабарщине тоже есть крупинцы недавних событий. Надо стараться

все нанизывать друг на друга, создавать целостную картину.

– Не бойся, продолжай.

– Чего бояться... темно было. Помню, наплыли тучи, стало прохладно. Пропал интерес к звукам. Какое-то шабутное настроение. Я направился в сторону домиков. Первым в ряду выделялся силуэтом корпус №6. Окно еще светилось – словно душа моя в крошечной тьме. Подумалось, там весело. Так бывает от безнадежной тоски. Представились красивые девушки с друзьями, появилась зависть, что ли. Пока раздумывал, в лунных проблесках появился человек в рабочем комбинезоне. Настолько неожиданно, что я замер у края леса. В руках у него высвечивалась трубка... или обычная палка. Точно не знаю. Наверное, ею меня ударили.

– Не сбивайся, говори по порядку. – Алексин всерьез опасался, как бы свидетель не растерял впечатления прошедшей ночи. Могла сказаться травма головы, и только теперь для него начинает проясняться значимость и лунного света и различных звуков, не исключая *дуэта* природных стихий. – Обо всем рассказывай, мы разберемся.

– Он кого-то или что-то искал, мне так показалось. Потом пошел в корпус или вокруг него. При всем любопытстве я не мог видеть, что он делал за домиком. Именно тогда мне пришла нелепая мысль. Честное слово, стыдно признаться! Мне взбрело в голову заглянуть в окно, посмотреть, чем там занимаются. Но прежде услышал женский крик. Страшный... знаете, какой-то смертельный вопль. – Вадеев пере-

дернулся, в глазах нездоровый блеск, как будто уже что-то видит.

А парень-то не простой, – призадумался Степан Михайлович, – *как бы не провел.* В своей практике ему впервые пришлось встретиться с лирическим изложением показаний. Даже пришла мысль о своем идиотском положении, если приходится слушать поэтический бред. Вслух сказал:

– Вот как! И ты, конечно, испугался?

– Трудно сказать. Скорее, замешкался. Не решался подойти. Предчувствие ужасного зрелища удерживало на месте. Мороз по коже пошел, брр. Наверняка волосы дыбом встали от душераздирающего вопля. Такие вот ощущения, а что там... Прошел газон, подкрался к окну, ухватился за наличник, а тот не выдержал веса, оборвался. – Вадеев приостановил рассказ, перевел дыхание, мысленно восстанавливая и вновь переживая страшные минуты. Бледность покрыла его лицо. – Тогда я здорово испугался, что меня обнаружат и растрезвонят на всю базу. Я было метнулся к лесу, но почувствовал вокруг тишину. Успокоился, а любопытство значительно возросло. Снова подобрался к окну, разглядел щель между шторами. С трудом нащупал зазор в обшивке домика, подтянулся и...

– Ну!?

– Увидел бы, но свет погас. Я не знал, что делать. Неудобная поза и пикантность моего положения не оставляли надежд на удовлетворение любопытства. Открытые действия

могли быстрее привлечь внимание. Начал всматриваться внутрь домика, но сильный удар со спины лишил меня сознания. Вот и все.

– Как все!?! – оторопел Степан Михайлович. – Ты же очнулся. И скоро. Иначе не разговаривал бы со мной о лунной ночи.

Алексин выжидательно смотрел на парня. Как бы он хотел в этот момент проникнуть в мозги свидетеля и полазить в лабиринтах его сознания. А кто бы не мечтал о сверхспособностях по обнаружению фальши в общении с людьми? Хотя чего греха таить, все знают о лживой человеческой природе и все равно попадают на обмане. Детектор лжи тоже рассчитан на усредненного человека, против великого артистизма бессилён. А глаза романтического свидетеля затуманились и ничего, кроме скорби, не выражали.

– А потом ничего не было. Очнулся. В голове чудно. Мозги – куча развинченных болтов и гаек. Кое-как поплелся к себе. Начисто забыл, куда я направлялся и почему оказался у сломанного наличника.

Уже поздно, и желудок следователя подавал позывные на ужин. Трудно с этим не согласиться. Да и парень высказался, в качестве свидетеля вполне подходит. Для себя Алексин представил дальнейшее развитие событий, даже уверился в его правильности. Со временем Вадеев очнется от романтических грез и вспомнит более существенные факты. Его можно будет использовать что-то вроде *лакмусо-*

вой бумажки, на нем проверить созданную версию. Если что не так, парень отреагирует.

Молчание затянулось. Доктор освободился и в ожидании дальнейших распоряжений посвистывал, тактично соблюдая дистанцию.

– Твоя голова требует более серьезного внимания. Теперь ты очень важный свидетель.

Алексин широко улыбнулся, невольно придавая сказанному обратный смысл. Вовремя спохватился, сердито глянул на медика. Взгляды их встретились, сразу произошло взаимопонимание.

– Будьте спокойны, я о нем позабочусь. Проведем несколько процедур, и будет, как огурчик. Не так ли, молодой человек! – скорее утвердительно, чем вопросительно произнес доктор, поворачиваясь к Вадееву. – Пара уколов, витамины и калорийная пища. Будешь здоровеньким и веселеньким.

Поздний вечер.

Воскресный день заканчивается. Несколько часов разговоров и обследований дали много информации и почти ничего конкретного. Все, как один, крепко спали, видели сны – и даже пророческие. Спальный корпус №6 оставался за пределами их внимания. Это объяснялось знойным субботним днем, водными процедурами и плотным ужином. Жизнь у всех представлялась из личных удовольствий и любовных

мечтаний. Если вначале всеобщее безразличие вызывало досаду, то к вечеру Алексин понял нелепость своих притязаний, сам с приятностью припомнил речные перекаты между крутыми берегами.

На фоне всех отдыхающих заметно выделяется личность Вадеева – тоже мечтателя, но все же бесценного свидетеля. Металлическая трубка, найденная недалеко от трупa Игоря Шкоды, является серьезной уликой и убедительным подтверждением правдивости показаний. В то же время Алексина не оставляет ощущение зависимости от единственного свидетеля, возникает подозрение, что поэтические наслоения в изложении Вадеева являются хорошо продуманным способом зомбирования его – следователя Алексина. Да, есть целенаправленная последовательность, и – никаких случайных деталей.

Иногда проскальзывает мысль, что расследование проводит Вадеев, а не профессиональный сыщик Алексин. Впрочем, такой метод работы свойствен именно Степану Михайловичу – он как бы подзадоривает, сам отстраняется и позволяет свидетелю выговориться на полную катушку. В минуты сомнений следователь пытался представить себя на месте парня и все больше убеждался в его искренности. В таком состоянии, в каком находился тот, невозможно придумать хитроумную цепь событий. Для ее убедительности требуется не только точное знание криминальной обстановки, особенностей ее изучения, но и особый дар, проверенный

на жизненном опыте. В памяти возникает открытый мальчишеский взгляд под нависающей медицинской повязкой, художественно оформленная речь. Художник? Поэт? Единственный свидетель. Так или иначе, выбора нет. Факты поданы, надо разложить их в логической последовательности. Уже потом *лакмусовая бумажка*.

Поиски каких-либо улик в доме сторожа ничего не дали. Дом как дом за исключением планировки. Большую часть занимает комната для гостей на время зимнего закрытия базы, для их удобства предусмотрен отдельный выход через просторную веранду. С целью экономии площадей и тепла кухня совмещена с прихожей. Холостяцкий дом, никаких излишеств. Можно сказать, уют без особых претензий, но в художественном вкусе нельзя отказать. Стены сложены из соснового кругляка, внутри никакой особенной отделки – если не считать те же, но уже добротнo отшлифованные, поверхности бревен. Даже чердак силами сторожа переделан в подобие летней спальни. В качестве постели хозяин предпочитал охапку соломы, покрытой чистой простыней. Во всем просматривается аскетизм. Рядом, на полуметровом обрезке строганой доски, – бумага, две книги по философии, шариковая ручка. Чем вызвана скромность в запросах, не трудно понять, ощущая пьянящий аромат лесного присутствия. Среди бумаг имеются дневниковые записи, точнее – афоризмы. Дневник приобщен к материалам дела, и по сути противоречат первоначальным выводам.

Изложенные в рукописи мысли заставляют задуматься, вносят сомнения в складывающуюся версию. Лощеная бумага и аккуратный почерк – тоже немаловажный показатель психологии автора. Степан Михайлович еще на чердаке успел вычитать несколько фраз. *С каждым прожитым днем я все больше обогащаюсь впечатлениями от гармоничного содружества флоры и фауны. История нам доносит о существовании в прошлые времена лесных разбойников, а мне все меньше верится в единство природы и зла. Показательным примером является герой народных баллад Робин Гуд. В новых условиях проживания я не просто рассказываю в своих прежних заблуждениях, а склоняюсь к мысли о присутствии только в обществе злой энергии, подчиняющей себе людей малодушных. От природы, как и сильно-го духом человека, всегда исходят добро и справедливость. Стихийные бедствия – естественная реакция на вандализм и жадность бездушной цивилизации.*

Как будто ничего исключительного, но глубина необыкновенная в понимании и практическом следовании, казалось бы, немудреной мысли. Но никто не сомневается в плодотворности даже вынужденного одиночества. В отсутствие потребительской и отупляющей городской рекламы разыгрывается воображение, формируется правильное мышление. В соседстве с девственной природой какой-нибудь маньяк стыдится самого себя – пошлое утаивает, а едва заметные положительные сдвиги раздувает до небес. На всякий

случай? Как доказать! Со слов директора Скреметы, дом построен при идейном руководстве самого Дурновцева. Поэтому небольшой, мощный известняком, дворик по периметру окружен легкими постройками для живности. Алексин с интересом рассматривал петухов с красочным оперением и экзотичного дикобраза. Даже при отсутствии хозяина он начинал попадать под его обаяние. До посещения и обыска дома Дурновцева следователь был убежден в правильности версии с главным участием сторожа, а вновь сделанные открытия становились камнем преткновения. Теперь все поиски направлены на устранение сомнений.

Доктор доходчиво разъяснил, что Игорь Шкода, обнаруженный в редких зарослях, после гибели мог еще и подвергнуться нападению зверя. Характерные следы когтей отчетливо выражены на одежде и теле трупа. При поверхностном обследовании обнаружены сломанные ребра. Повреждения приписали медведю Дурновцева. Не ясна история с собакой сторожа, но следы обоих животных потерялись. Подключили собаку Жульбу и виновника посмертных переломов нашли быстро. Отличились кинолог с Жульбой. В километре от базы Алексей пристрелил. Воспользовался двустволкой сторожа, изъятой в доме сторожа. Сам факт незначительный, если не считать поведение медведя и переживания Алексея.

– Никогда не охотился на зверя. А здесь, значит, медведь. И Жульба его не знает, ей запах нужен. А он идет, знаете, не спешит. Оглянулся. Остановился. Снова повернулся.

Вроде: *догоняйте, сколько можно ждать*. Ласково так ворчит. Ну, знаете, Жульба понимает такой голос, а человеку ли не понять животного. – Кинолог ожесточенно рубанул ладонью по воздуху. – Вспомнил трупы... осатанел. Выстрелил! Подхожу, а он морду тянет: мол, дай что-нибудь вкусное. Не поверите, заплакал, но второй патрон разрядил.

Как хороши, как свежи были розы! Тургенев был охотником. Охотник до чего? Масса вопросов, а ответить обязан он – следователь Алексин. Образ жизни и характер Александра Дурновцева высветились, но только в воображении, а на самом деле – масса загадок, учитывая их противоречия. Обычно причина смерти является всего лишь закономерным результатом цепочки многочисленных поступков – за редким исключением. Самое удивительное, нет живых участников преступления, сказочным образом замкнулся круг. Воистину, рука провидения. И этот Вадеев появился по мановению волшебной палочки – на нем, как информатора, замыкается любая версия. Алексин даже не заметил, как включил в соавторы своих домыслов мечтательного молодого человека. А почему бы и нет? Все звенья версии держатся только на показаниях единственного свидетеля. В ином случае, страшилка для любителей острых ощущений. Конечно, медицинская экспертиза скажет веское слово, но и теперь в общих чертах понятно, какое завершение получит расследование. Вот как!

Сумерки неуклонно опускаются на озеро и все окружающие строения. Небесные светила двигаются по своему неизменному пути. И сама история в сравнении с мирозданием выглядит незначительной, сторонней для всех живущих. Заключительная часть выездного марафона подходит к концу, и последняя беседа в кабинете директора является чистой формальностью – более необходимой для Ореста Викторовича, чем для следственной группы. На его лице отражаются все признаки удовлетворения: *сами убедились, я здесь не при чем, остальное – дело случая.*

Итак, сторож Дурновцев в особом психическом состоянии отправился в ночной вояж. Убил и изуродовал любителя ночных прогулок Игоря Шкоду. Конечно, с помощью медведя. Насчет собаки ничего не известно. Просто исчезла. Вопросы потом. Сторожа привлек свет в крайнем спальном корпусе. Кругом тишина, людей нет, а содеянное преступление усилило склонность к уничтожению, требовало продолжения. Может быть, он знал, кто поселился в домике, а возможно – подглядел в просвет между оконными шторами, как и пытался сделать Вадеев. Молодые красивые женщины не могли оставить его равнодушным. Вошел. Посчитал их прелести доступными, получил достойный отпор. Кровавая развязка? Почему бы и нет. Вопросы потом.

Что бы ни говорили о непостоянстве фортуны, все равно жизнь прекрасна. Клубок раскручен, в общих чертах версия готова. Пусть предварительно, но Алексин по опыту знает,

по существу ничто не изменится, разве что обрастет убедительными деталями.

Ночь подкатила мягко, как постель ласковой жены. Лесная симфония завораживает, озеро дышит своей прохладой. Вечный дуэт Земли и Воды? *Мильий «Уазик», Жульба, друзья по делу, закрытому «Делу», мы выполнили наш служебный долг. Жульба сидеть! Эй, включай свой магнитофон!* Нет приятней фырканья мотора и убаюкивающего мотанья по ухабистым русским дорогам.

Алексин спал и сладко улыбался. На него тарачился Федор. Фотографу невдомек, что «Дело» закрыто, а следователь находится под впечатлением приятных воспоминаний, когда он был совсем молодым, как свидетель Вадеев. В его сознании фрагментами отражаются события давно минувшие. Потом – красная комната, в полумраке человеческие трупы. Он ступает осторожно, чтобы не споткнуться о вытянутые ноги и раскинутые руки. Обходит скрюченное тело сторожа и оказывается перед горящей свечой у лица русоволосой женщины. Ее глаза открыты, огромные зрачки двигаются вслед его движениям, но тело находится в состоянии полного покоя. Следователь наклоняется к ее обнаженной груди, его взгляд скользит по кровоточащей ране на животе, опускается ниже. Неестественная белизна бедер завораживает, пробуждает какое-то смутное беспокойство. Он касается их дрожащими пальцами, чувствует пульсирующий холод и сексуальную притягательность. Понимает собственную

ненормальность и все равно не находит силы отвести взгляд.

Но почему так напугался Федор?.. Да, он внешне скопировал страдальческое лицо следователя, имеющего все признаки пережитого страха. А приснился Вадеев, бог знает откуда, с табельным пистолетом Степана Михайловича. Свидетель настроен игриво, и оружие в его руке болтается, будто ключ на пальце шофера. Неловкое движение, и...

– Нет. Не-ет! – в панике проснулся Алексин и, опомнившись, закончил: – А что так медленно едем? Давай, прибавь газу!

Нервная судорога перекосила лицо, руки сжались в кулаки, а тревожный взгляд направлен в скачущие неровности дороги. Что там?

21 августа. Утро.

Работа есть работа, ничего из ряда вон выходящего не произошло. Все расследования со временем становятся привычными своей непохожестью. Факты проанализированы и разложены по *полочкам*, недостающие звенья восполнены, благодаря профессиональному и житейскому опыту следователя, сделано соответствующее заключение. И все-таки Алексин не испытывает удовлетворения по той простой причине, что личный опыт не может дать однозначного и непогрешимого решения. Главное – некому предъявить обвинение, исключается возможность пострадать невинному человеку. Последняя встреча с Вадеевым в кабинете. Парень дер-

жится уверенно и даже нагло. Чуть насмешливая улыбка.

– Работаешь архитектором?

– Уже говорил.

– Выходит, еще одна лишняя профессия.

Неопределенно пожал плечами. Опять молчание. Взгляд направлен за окно, где собираются кучевые облака и стайками пролетают воробьи.

– Вы уж, Степан Михайлович, скажите откровенно, чего от меня хотите. Все вокруг да около. Похоже, в чем-то подозреваете, но боитесь ошибиться.

– Пожалуй, ты прав. Я чувствую, твоя травма не случайна, как и... твоё появление у спального корпуса. – Алексин придвинул к себе лист со свидетельскими показаниями, с легкостью в голосе продолжил: – По каким-то своим соображениям ты можешь скрывать детали злополучной ночи, но все равно я тебе симпатизирую. Мой интерес к тебе чисто психологический. Не каждый день встречаюсь с архитекторами. Ничего не произойдет, если ты немного расскажешь о себе.

– Записывайте. Попытаюсь сформулировать, если, конечно, будет интересно, – начал он монотонно. – Специалисты говорят, моя психология находится под влиянием планет Урана и Сатурна. Таким образом, поступки приобретают двойственный характер – в зависимости от расположения планет. Иногда находит задумчивость с все обостряющимся вопросом, пригоден ли я для общества, несу ли прогрессив-

ный элемент для своей нации и вообще – цивилизации. Отсюда книгокопание, поиски мыслей, подобных моим. Как-то надо оправдывать свою жизнь, хотя, по утверждению некоторых графоманов, каждому человеку отведена особая роль в обществе, без которой не будет равновесия в природе.

– Прямо-таки! – саркастически скривил рот Степан Михайлович. – Выходит, на другой чаше весов должны быть негодяи. Для равновесия. А если нет надобности в негодяях, то как же ты оправдываешь свою жизнь?

– Вы правильно поняли, или догадались, что я не случайно оказался рядом с местом преступления. И не в моих интересах что-либо скрывать. Скорее, беспокоюсь о репутации погибшей женщины – Галины. Она была моим другом, к ней стремился, ее изучал. Любил наконец! За ее насмешки надо мной, хотя и верил – однажды она очнется от своих заблуждений, прозреет и увидит меня в завершенном качестве.

– Какую завершенность имеешь в виду? Извини, перестаю понимать.

– Как известно, любое настоящее произведение должно быть законченным, как, например, готовый бриллиант. Мы сразу видим его ценность. И я такую мысль вынашивал, чтобы взять реванш в бесконечном диалоге с ней. Даже наши беседы являлись формой самовыражения. События изменили мои взгляды, и пусть она покоится без моего на то вмешательства. Другого сказать не могу и не хочу!

– Так-так, – неожиданно подобрел Алексин. – Я тебе сде-

лаю одно предложение. Ты увлекаешься литературой?

– Как сказать.

– Ну, пишешь?

– Когда-то пытался. Ничего не вышло.

– Запомни наш разговор и постарайся изложить события так, как если бы писал... рассказ, что ли. В общем, напиши произведение, а я помогу пристроить в каком-нибудь журнале. Одно условие – достоверность. Договорились?

– Однако! – усмехнулся Вадеев. – Во-первых, я не хочу говорить о Леготиной, а во-вторых, не могу допустить проникновения в ее частную жизнь.

– Считай, для меня лично. «Дело» закрыто, как тебе известно.

– Не могу обещать.

Вадеев меланхолично смотрит за окно, где облака объединяются в тучки и дружно уносятся на юго-восток. Подходит к концу август, заимствуя осенние краски и холодные дожди. И сожаления. О чем?.. Встает из-за стола, за ним поднимается Алексин.

– Ты не волнуйся! – Рука следователя дружелюбно легла на плечи парня. – У тебя все впереди. А неприятности вроде туч за окном. Проплыли, и след простыл. Снова солнце, трава – зеленее. Так-то вот. Напишешь?

– Да, пришлю.

– Жду. И будь здоров! – Алексин тяжело вздохнул и отошел к окну.

Накрапывает дождь. По водосточной трубе звенит ручеек, попадая на кучу мусора, пронизывая ее и образуя лужу карминового цвета. Она ширится, заполняет сознание, приобретает форму скрюченного человека, потом – вытянутого с откинутой рукой. Реальность уходит на второй план. Зато поворачиваются в его сторону карминовые зрачки, и Алексин знает, что ему не скрыться от возникшего образа. Если его сомнения оправдаются, он не простит себе поспешности в расследовании.

II. ЛИЦОМ К ЛИЦУ

– Человек обязан стремиться к великой цели. О, цель! Она вроде яркой звездочки, которая привлекает своими лучами, одухотворяет жизнь, придает силы для преодоления терний, – с артистическим пафосом звучит мой голос.

Галина не торопится отвечать или просто поддерживать разговор, с любопытством наблюдает за моей активной жестикуляцией. Она сама мечется, ищет весомые основания для обретения смысла. А чего? Да чтобы понять *чего* и многое другое. Меня привлекает ее стремление понять неизвестно что, элемент неопределенности только усиливает интерес к ее психологии. Неопределенность – это естественная загадочность, которую не надо нагнетать для привлечения поклонника, она уже есть.

– Вы чего, собственно, хотите, вам чего не хватает в жизни? Работа есть, девчонки на вас заглядываются. Домой придете, а там подружка попочкой вертит. У других все шиворот-навыворот, а живут. – Голос упругий, мелодичный, как у Пугачевой.

– Не знаю... беспокойно мне. Или окружающая серость давит на психику, подталкивает на действия, чреватые нештучными последствиями. Как вы посмотрите, если вдруг я начну вас душить?

– Вы что, действительно сумасшедший? – Ее вниматель-

ный взгляд останавливается на мне, а широкое с крапинками веснушек лицо каменеет.

Вот она откровенность, застывший кадр немого кино. Впору писать портрет. Тревожная дымка как символическая ширма, прикрывающая ранимую душу. Неплохо смотрятся красиво очерченные крупные губы, в минуту расслабленности становятся особенно сексуальными. Русые пышные волосы придают женственную мягкость всему облику. Мне удалось пробить брешь в ее защите, я увидел нежность и душевность безграничную. Надо бы ее разговорить. Пока мое любопытство не удовлетворено, а я сам видел, как в ее кабинет несколько раз приходил симпатичный и мужественный подполковник. Всякий раз приносил огромный букет цветов. Другая бы тараторила о выпавшем счастье, но я даже не видел радостного блеска в ее глазах.

– Покажите человека нормального! – патетически восклицаю я, вскакивая со стула и артистически простирая руку в оконное пространство.

Вообще-то интересно с ней разговаривать. Она это умеет движениями души, то есть невидимыми знаками. Вслух не хочет, сама не знает, как сказать. А я догадываюсь. Примерно так: *Какая во мне бездна! Что в ней, на что я способна, что будет со мной завтра?* Я легко могу предугадать все ее поступки и даже представить распорядок ее дня на любое время года. Конечно, моя уверенность чрезмерно самонадеянная, но тем более серые будни наполняются кра-

сочными игровыми эффектами. Да, перед моим мысленным взглядом проходит вся ее жизнь, если бы даже она противилась моей любознательности. Мало ли чего ей хочется! Наконец, я не собираюсь вести ее под венец. Ее искренность мне ни к чему, главное – я верю.

– Ты живешь с мамой? – решил я проверить свою интуицию.

– Да. А что?

– Наверняка она готовит обеды и тебя обстирывает.

– Не знаю, кто про меня сплетничает, но мы и впрямь разделили обязанности. А как иначе! Я – на работе, мама скушает. Правда, летом есть малюсенький сад, там ковыряется. Пусть. Мне ни к чему, я в ее дела не суюсь – от греха подальше. Считает, я ничего не умею.

Следующий день для нее наступил как праздник. Теплое июльское утро, птичья перекличка и смутные надежды – как у всех незамужних тридцатилетних. Впервые за лето собралась на туристическую базу. Есть такая – «Лазурная гладь». Размечталась, а в дверь звонит Зуева. Пришла выкрашенная под яркую блондинку, в пышном красном сарафане, с роскошной сумочкой через плечо. Не только зелень глаз притягивает, вся фигура – сгусток женского великолепия.

– Чего так рано прискакала? Небось, подмыться успела после своего Ленечки.

– У нас опять разлад. Что-то пронюхал. Игорь домой звонил, а этот козел рядом с телефоном оказался, – пояснила

Зуева в тон показной грубости подруги.

– Не пойму тебя, Любаша. Не любишь, а живешь. Чего, спрашивается.

– Пусть хоть сейчас катится.

Если голос у Леготиной ближе к контральто, то у Зуевой уклон к лирическому сопрано с его мягкостью и гибкостью тембра. У обеих женщин голоса хорошо поставленные, им бы еще музыкальное образование. Основательность и легкость – две составляющие для крепкой дружбы. Внешняя привлекательность гармонирует с приятностью в общении. Мне так хочется думать, ведь я никогда их вместе не видел. Мой сценарий построен на многочисленных высказываниях Леготиной, ее упоминаниях психологии и быта подруги.

– Правда, с сыном находит общий язык. Да и тому интересно. Все-таки офицер... Ох, Галка, не терплю его, – вырвался у Зуевой стон. – От поцелуев тошнит. Лезет обниматься, а я...

Собираются молодые женщины отдыхать. И судя по тому, какие вещи берут с собой, можно дополнить их психологию, духовный мир и перспективные планы. У Зуевой красная сумочка вместила только необходимую парфюмерию и серебристый купальник из эластика. Галина подбирала вещи более тщательно, учитывая все возможные случаи, возникающие во время пребывания на туристической базе. Может, хотела привлечь к себе внимание разнообразием туалетов, по-

этому воспользовалась большой плетеной сумкой, дожидаясь на выходе из квартиры.

Различие наблюдается как в одежде так и в косметике. Галине нет необходимости подкрашивать глаза, похожие на безоблачное небо, они и без того сияют на широком лице. Основное внимание она обращает на губы, не обходится одним цветом помады. *Я могу позволить себя целовать тут, тут... в губы – не люблю.* Ей жалко трудов, потраченных на сложный грим. Зуева не красит губы, если не считать ироническую подрисовку в уголках рта. Ее внимание направляется на раскосые глаза, подчеркивая их зелень и делаая нереально большими. *Экзотическая личность*, – так однажды высказалась о ней Леготина. Что она имела в виду? Понятие *личности* подразумевает, прежде всего, наличие духовности.

Хочу верить, все происходит в соответствии с моими предположениями на основе многочисленных бесед с Галиной, хотя вряд ли можно претендовать на законченные знания. Женщины – многосторонние создания, для привлечения внимания открывают лишь часть завесы над своей сущностью. Может быть, я глупый фантазер, но бесплодные дискуссии с ней наводят на мысль о присутствии невидимого препятствия для полного понимания мужчин и женщин. Самоуверенные разглагольствования сексологов и психологов, в моем понимании, – ловля блох в каком-нибудь парике, когда самого человека нет. И знания о женщинах будут обяза-

тельно неполными, а то и вовсе примитивными.

Но какие знания у молодого парня! Во мне самом уйма противоречий. Я сам бываю не готов к своим поступкам, не знаю, что выкину завтра. И уж совсем абсурдно быть уверенным в женщине и причинах ее поступков. Ее жизненный путь – клубок рваных ниток. Какие-то узелки, обрывки, относительно длинный отрезок, но во всем нет законченности. И, конечно, любой поступок женщины – крохотная часть общего клубка, а с какой стороны сущности – одному богу известно. Думаю, женщины отличаются от мужчин уже на чувственном уровне. Разница в ощущениях, а последующие роды вскрывают другие психологические различия. Невозможно даже на мгновение стать на место женщины, чтобы ощутить всю гамму ее жизненных переживаний. Но мне, как самонадеянному парню, очень хочется приблизиться к пониманию их мышления. Под действием Урана мои чувства обостряются, мозг вырабатывает энергию, которая, материализуясь, заполняет пространство вокруг загадочных пассий, посылает обратные импульсы, несущие какие-нибудь сведения. А знание – мощное оружие.

Зуева – воплощение женственности, является для меня тем садом, план которого с наивной простотой изложила Леготина. Я полюбил ее как необходимое дополнение к моей откровенной собеседнице. Привлекает кажущейся доступностью, хотя лично я ее не знал, и она никогда меня не замечала. И все-таки вошла в мир моих грез. В пятницу я часто

и бесцельно ходил из комнаты на кухню и обратно, не находил себе места. Если бы еще моя полуторка была просторной, а то вполне подходил под определение белки в колесе.

Предчувствие великих перемен в моей жизни туманило сознание, заставляло сильнее биться сердце. Не было ясности в видении перспектив, но я доверяю своей интуиции, развитой благодаря творческой деятельности, вижу свою мрачную будущность – ее притягательную бесконечность. Не могу за всех отвечать, но бездна завораживает.

Общепринято считать основными, характеризующими человека, признаками – это его поступки в экстремальных обстоятельствах. У меня иное мнение. Так называемый подвиг возможно совершить с великого испуга или при большом душевном волнении. Гораздо важнее процесс движения к решающим поступкам, размышления на пути к необратимым последствиям. В интеллектуальных брожениях происходят ошибки или отчетливо просматривается характер человека – его непростительная низость или нравственное величие. Я прочитал немало книг со скрупулезным описанием поведения людей в самых разных случаях его жизни, все равно любопытство оставалось неудовлетворенным. Поэтому, в огромной степени, интересуется Леготина, на примере которой я хотел понять всех женщин сразу. Мне без разницы, как она поступает в повседневной жизни или что говорит, гораздо важнее ее подсознательные душевные импульсы. В сложном наборе человеческих страстей людям не хочется разби-

раться в тонкостях психологии, им бы сразу, на примитивном уровне, разрешить все конфликты. Если и совершаются благородные поступки, то из дипломатических соображений. Я хочу понять не только Галину с ее подругой, но и себя через них, не испытав каких-нибудь потерь. Возможно ли исполнение простого, на мой взгляд, желания, покажет время, а пока я полон оптимизма. Думается, всякий нормальный человек сознательно проходит этап духовного и интеллектуального взросления. Немало написано книг о творческих исканиях выдающихся художников.

Моя квартира не отличается богатым убранством, но она одухотворена моим присутствием, отражает мое иррациональное мышление. Во всем опрятность и скромность, но есть легкая небрежность в расположении вещей и книг, с которыми мне приходится соприкасаться каждый день. Нет стены, на которой бы не висели мои картины, даже в ванной я расписал несколько глазурованных плиток специальными красками. И в пятницу я пересматривал свои альбомы с рисунками в поисках короткой, но емкой, фразы для определения своей психологии. Как не старался, не увидел в себе целостности. Мой образ, при взгляде со стороны, разваливается на совершенно несуразные составляющие. Пришел к компромиссному выводу: да, из совокупности различных, пусть и противоречивых, качеств и составляется моя уникальная личность.

Сколько я себя помню, у меня никогда не появлялось же-

лания стать художником. Мне не приходило в голову задуматься о красоте карандашной линии или особенном звучании акварельных красок. Весь мой опыт сводился всего лишь к поискам ответов на вопросы, которые я даже не пытался выразить в словесной форме. Мои изобразительные приемы сводятся к импульсивной передаче собственного настроения. Иррациональность для меня представляется гораздо сложнее и содержательнее, чем осмысленное нанесение цветowych пятен или штрихов. Это вроде философской поэзии, которую можно осмысливать до бесконечности. Собираясь в поездку на озеро, я приготовил пастель и акварель, этюдник поставил рядом со спортивной сумкой.

Цель самопознания уже понятна. Надо знать свои возможности в охвате окружающего мира, правильно оценивать собственные силы в случаях противостояния. В мире экономической конкуренции нелепо надеяться на человеческое благородство, отношения строятся на грани вражды. А где вражда, там повышается вероятность войны. Всюду неприязнь и зависть. И, как результат, грызня в мировом масштабе – война. Себя я считаю исключением – достаточно умным, чтобы не сомневаться в человеческой низости как сопутствующем факторе при существующем общественном устройстве. Я поверил Леготиной и ее рассказам о Зуевой. Они обе вызвали у меня интерес к себе как нетипичным экземплярам человеческой породы, не соответствующей нравственному состоянию общества. Теперь у меня появилась редкая воз-

возможность увидеть их вместе и понаблюдать за ними в естественных условиях. Итак, планы женщин становятся моими планами, и я последовал за ними теплым субботним утром в «Лазурную гладь».

Ах, лето, солнце... сказочные мечты и щенячьи радости. Рядом мелкие заботы обывателей с их повседневными заботами: что поесть, на чем и с кем спать. Здесь, на природе, отчетливо воспринимаются необъятность мира, очарование и непостижимость жизни.

Всех нас поселили в одноэтажных блокированных домиках, террасами раскрытых на солнечный пляж. Снаружи дурманит влажный цветочный воздух, а внутри пьянит аромат смоляных досок. Дерево – основной и почти единственный строительный материал на туристической базе. Журнальные столики, шезлонги, даже люстры, сплетенные из ивы, являются продолжением окружающей флоры. Холодильник и шкаф с посудой дополняют интерьер единственной комнаты на двух отдыхающих. Очень простейшие условия, хотя при входе предусмотрен кухонный уголок и символическая ширмочка из бамбуковых висюлек, перекрывающих вид на спальную часть комнаты.

Есть люди, избалованные фортуной, привыкшие жить в пяти-звездчатых отелях, они будут улыбаться над моим наивным восторгом. На самом деле у меня самого появляется повод высмеять чересчур состоятельных людей, не имею-

щих нравственных принципов и не знающих меры в жажде обогащения. В простых вещах, в открытости пространства и гармонии душ заключается здоровье человека. А все же для всех находится место, и люди, имеющие природные изыскания, не догадываются о своих недостатках.

Я радуюсь стечению обстоятельств и представляю проясненный взгляд Галины. Наверняка тема близка ей, она с улыбкой обращается к Зуевой: *Какая прелесть! Отныне и вовеки будем жить на природе, облачась в рубище и крестьянские лапоточки.* Под шуткой надо понимать легкий халатик и пляжные тапочки. *Под раскидистой хвоей будем вкушать дары природы.* Имеется в виду запах смоляных досок. Галина предлагает обедать на террасе? Жаль, я не смогу за ней наблюдать, мой домик расположен в другом конце базы. Конечно, можно перекусить в легком павильончике с приличным баром и даже неплохим меню, расположенном при въезде на базу. Это с моей точки зрения, но Галина не любит общественные столовые, не верит в чистоплотность поваров. Брезгливость к изделиям рук чужих перешла к ней от матери, работающей на нее из чувства привязанности, многолетней привычки и ответной благодарности дочери.

Разнеженный приятными впечатлениями и собственным воображением, я принялся блуждать по окрестностям базы и прилегающей территории. Начал прогулку с лесного массива. Обратил внимание на отсутствие валежника и,

как следствие, выжженных прогалин от случайных возгораний. Получил удовольствие при встрече с многочисленными фрагментами древесных и кустарниковых композиций как творческих удач самой природы. Для себя отметил редкие сочетания растительных элементов с целью вернуться к ним уже с этюдником. Лесное окружение озера и базы можно с полным правом назвать естественным дендрологическим парком. Откровенно говоря, я забыл о главной цели поездки в «Лазурную гладь», полностью попал под обаяние окружающей незамутненной действительности. Вспомнил, когда неожиданно вышел на окраину леса и увидел гряду спальных корпусов.

Может, и не вспомнил бы, но остановился как раз напротив домика Леготиной и ее подруги. За спиной лес, то есть непреходящая вечность, а перед глазами открывается панорама спальных корпусов со своими мелкими, но привычными, заботами. Вмиг сознание перестроилось, теперь для меня стали близкими простейшие человеческие радости. Я могу разглядеть столик на террасе и веселую суету моих милых женщин. Да, они стали моими, потому что никто не запретил мне так считать. Я уже с ревнивым чувством собственника присматриваюсь к соседним домикам и к праздным людям, разгуливающим по каменистым дорожкам перед корпусом №6.

На соседней террасе подозрительно замер молодой человек в модном светло-кремовом костюме. Окаменел в неук-

люжей позе, выйдя из комнаты. Ушибся дверью? Высокий белобрысый парень, как будто даже симпатичный. К нему сзади подкрался второй, темный – с ужимками паяца. Они с не меньшим вниманием, чем я, наблюдали за сервировкой обеденного стола у женщин. Нет в их лицах благородной мягкости. Передо мной воплощение чего-то мрачного и безысходного, когда не уйти в сторону и не преодолеть. Чего не преодолеть? Втемяшится в голову! Происходит обычная сцена, свойственная всем курортным местам, связанная с поисками хоть какого-нибудь развлечения. Добродушные ребята, чуть выше среднего роста, с нормальной, или даже привлекательной, внешностью. Есть в их движениях пластичность, хорошо бы смотрелась на какой-нибудь провинциальной сцене в качестве конферансье. Так хотелось думать, но я все равно чувствую отрицательную энергию, направленную на привлекательные объекты моего исследования.

Впечатление может оказаться обманчивым, тем более – мое, усиленное волнующим дыханием леса. В моем мозгу рождаются фантазии, предвосхищающие поступки чуждых мне наблюдателей. Уже нет сомнений в их низменных намерениях. Вот они о чем-то оживленно беседуют. Светлый роется в своем кошельке, вынимает монету, делает взмах рукой в сторону женщин. В то же мгновение доносится звон стеклянной посуды. Мужчины тушуются, но светлый проявляет находчивость:

– Сожалеем, но плата за вход на вашу террасу, похоже, выросла безмерно. Не позволите обогатить сервировку стола простым советским шампанским?

Мне надо слушать, чтобы предвидеть развитие событий. Наверняка эти люди – убийцы и насильники. Мне ли не знать!

– Вы так находите!?! – с некоторым вызовом реагирует Леготина, как бы бросая перчатку. – Расплата будет стоить дорого. Одной бутылкой не обойдетесь.

Итак, сделан шаг в пасть удаву. По ее лицу медленно расползается пунцовый румянец, а в глазах появляется лихорадочный блеск. Внимание смазливого парня ей польстило, ее радует предстоящее знакомство и... возбуждает. Зуева повела себя более сдержанно. Исподлобья посмотрела на темного паяца, скромно добавила:

– Конечно, пусть приходят... ближе к вечеру.

Совсем ни к чему встретить, – мысленно успокаиваю я себя, возвращаясь в свое жилище. Теперь надо законспирироваться. В перечне моего холостяцкого багажа числятся большие зеркальные очки и широкополая соломенная шляпа. Разумный способ защититься от палящего солнца дополнился возможностью оставаться пристальным наблюдателем, не опасаясь разоблачения. Я не задаюсь вопросом, зачем детский маскарад. Возможно, сказывается безмерное желание увидеть со стороны, как строятся человеческие отношения, воспринять своими органами чувств – без литера-

турных наставлений и влияния чужого биополя. Или в моем любопытстве проявляется еще что-то? Накануне поездки я пытался подвести теоретическую базу под скоропалительное решение стать наблюдателем короткого периода из жизни молодых женщин, их интересов и увлечений. Они всегда мне представлялись необычными существами, недоступными для мужского понимания. Прочитал немало книг, а видел только упрощенческую до примитивизма психологию. Выходит, сами женщины себя не знают и, соответственно, ничего правдивого не скажут. А я убедился уже в детском возрасте в непостижимости женской сущности. Теперь сложились уникальные условия для удовлетворения естественного любопытства. Моральную неправомерность своего поведения оправдываю необходимостью более глубокого познания женщин из-за необходимости каждодневного общения с ними. Я работаю в женском коллективе. Хочу я того или нет, для собственной независимости надо досконально их изучить. Любой грамотный юрист меня оправдает.

Когда появился на пляже, солнце уже замерло в зените, песчаный берег был усеян рыхлыми безвольными телами. Кое-где броско выделялись стройные загорелые фигурки, за которыми незаметно следили из-под прикрытых век. Мало движений, зато активный мыслительный процесс. Без натяжки можно снимать фильм под названием «Секс на пляже».

Мои объекты не торопятся идти на контакт друг с дру-

гом, даже наоборот – демонстрируют искушенных и уставших от любви баловней судьбы. Легко предположить, всю ночь занимались изнурительным сексом, теперь восстанавливают силы. Мускулистые тела мужчин растворились в искристой глади озера, а женщины плещутся у берега. Щурятся на солнце, перешучиваются с другими купальщиками. Иногда их ищущие взгляды устремляются далеко от берега. О чем-то они думают, чего-то желают. Остроты мимолетной любви?

Мое внимание поглощено развитием пляжного сценария, уже ничто не отвлекает от четырех фигур. Опрометчивый шаг, и я повалился на возникшее препятствие. С неммым восторгом ощущаю трепетное дыхание и волнуемое тепло юного создания, в растерянности обнявшего меня. Вместо испуга в глазах смутная надежда. Мои губы самопроизвольно коснулись алого полураскрытого цветка с перламутром идеальных зубов. Она опустила веки.

Можно ли презирать женщин, и за что? Нечаянно и внезапно попал в незащищенную брешь, впору стыдиться собственной рассеянности и неуклюжести. Но одержана тактическая победа, надо бы оценить ее масштабы.

– Как тебя зовут?

– Ирина.

– Я люблю тебя, Ирина.

– Это неправда, – шепчет она.

– Я люблю жизнь, а ты ее лучшее проявление, – безуспеш-

но пытаюсь я обмануть себя.

За лесом угасает вечерний закат, с озера веет легкий влажный ветерок. Долгий волнующий день подошел к концу. Кое-где в окнах теплится свет, привлекая мошкарку и внимание поздних гуляк. В зашторенных окнах двигаются тени обитателей спальных корпусов. Все готовятся ко сну.

Я незаметно прошел мимо террасы крайнего домика, пересек открытое пространство, остановился на краю леса – как раз напротив освещенного окна. Спокойная уверенность не покидает меня, густая растительность служит надежным прикрытием. За воротник сваливаются хвойные иголки, но я мужественно терплю вынужденное неудобство. Моему терпению способствует оскорбленное самолюбие. В течение дня я видел неприкрытый, даже наглый, флирт. Мои идеалы бессовестно попрали, и Леготина потеряла свое былое очарование. Да, она сама стремится стать добычей какого-то смазливового ловеласа. Невозможно смириться с утратой. Да, эти женщины своей неразборчивостью вынудили меня на адекватные поступки. *Ни шагу назад!* У меня тоже есть характер, я не прощаю предательства. Кажется, ежедневные размышления о женщинах сказались на мне не лучшим образом, я серьезно вжился в роль собственника.

В стороне, совсем близко, под чьими-то ногами хрустнули сухие ветки. В предчувствии возможной опасности пришлось умерить любопытство, присесть на корточки, что

в обычных условиях не вызывает сомнений в благих намерениях. В следующее мгновение кожа покрылась мурашками, мозг пронзила мысль о нереальности происходящего. Передо мной, лицом ко мне, стоял человек исполинского роста, в руке держал длинный блестящий предмет.

Все происходило, как в жутком сне. Мой рот сковало судорогой, а неизвестный ночной путешественник повторил мой путь обратно к спальному корпусу, остановился у окна. При слабом, проникающем изнутри, освещении высветилось темное испитое лицо с черными впадинами вместо глаз. Непреодолимое противоречие – мистическая внешность и обычный рабочий комбинезон. Он постоял с минуту и неслышной походкой направился в обход домика.

Я воспользовался предоставленной паузой и торопливо преодолел расстояние до окна. Странные звуки доносились из корпуса, вроде как причмокивания и вздохи. Неопределенность их происхождения меня мало устраивала. Я ухватился за середину резного наличника и подтянулся, правой ногой нащупал расщелину в деревянной обшивке. Теперь, имея опору, дотянулся до форточки и подтолкнул ее внутрь. Вместе с ней часть шторы приоткрылась, и... мой рассудок помрачился

Леготина разметалась на полу с задраным подолом, закатив глаза и судорожно цепляясь за мужской придаток паца. А он рукой сосредоточенно ковырял у нее между ног. Если бы не характерные эмоции, то я мог запросто предста-

вить себя на приеме родов.

Неожиданно в комнате, напротив окна, появился ночной путешественник. При виде сладострастного спектакля он стал глупо улыбаться и переминаясь с ноги на ногу. Его растерянность понять можно, хуже с моим неуместным, и даже аморальным, любопытством. Вот она здравая мысль! Надо бежать, скрыться от клеймящих взглядов. В следующее мгновение, должно быть – от волнения, опорная нога соскользнула, и я полетел вниз, увлекая за собой наличник – изделие местного умельца. Почти одновременно донеслись отвратительные мужские выкрики и дикий женский вопль.

Я плохо соображал, когда мчался к своему временному жилищу. Занозила мысль о моем неминуемом позоре, поэтому я быстро миновал открытую территорию, дальше пробирався через густой кустарник. Лицо саднило от множества ударов ветками боярышника, на голове ощутимо проступила шишка – результат обрушения оконного обрамления. Странно, что не потерял ориентацию, вышел рядом со своим домиком. При свете ночника я разглядел себя в зеркале и нашел похожим на кота, неудачно закончившим весеннюю охоту. Не лучшим образом выглядела одежда, несущая все признаки сомнительного приключения.

Да, я готов назвать себя скотиной, только бы стать лучше. Главное, от моей наивной любознательности никто не пострадал. Никто? Не понятна природа жутких криков в домике, а моя душа изнывает тупой болью. Наконец-то мне

стало ясно, Леготина... она была скотиной. Сладострастная и неразборчивая в достижении цели. И может ли быть безупречная честность в системе человеческих отношений? Получается, ни к чему клятвенные заверения, всем управляет его величество *Случай*. Мое счастье, я не связан любовными путами, моя голова свободна от мучительных сомнений и, как следствие, – ветвистых украшений.

Следующий мой поступок очень гармонично вписался в нагромождение глупейших и опасных ночных поступков. Я нечаянно увидел в ящике кухонного стола нож с широким лезвием, завернул его в носовой платок и выскользнул в темноту. При наплывших облаках и отсутствии наружного освещения пробираться приходилось чуть ли не ощупью, с вытянутыми вперед руками. Нож лежал в заднем кармане брюк рукояткой вниз. Воображение сыграло со мной дурную шутку, воссоздав интригующую картину из какой-нибудь *тысячи и одной ночи*, если я безудержно стремился на другой конец базы. Дьявол меня подталкивал, но с какой целью?

То и дело спотыкался о кочки, иногда проваливался в невидимые канавы и прочие землеустройства. Возможно, в темноте я ошибался направлением, и повторял один и тот же маршрут. Сделав поспешный шаг, я подвернул ногу и съехал в глубокий овраг. Перед тем, как выбраться, прислушался. Ночные шорохи заглушались моим тяжелым дыханием, но болезненно воспринимались ароматы лесных трав. От цветочного благоухания кружилась голова, появля-

лись зрительные галлюцинации. Казалось, лес расступился, и навстречу рекой пролился свет. Перед глазами явственно возникали не лучшие сцены из моей жизни, я смотрел на них со стороны, нисколько не удивляясь их порочности.

Ничто не давало мне повод рассчитывать на исключительное внимание со стороны женщин, тогда какая сила влекла меня к их корпусу? Ночное наваждение или сексуальная неудовлетворенность? В дьявольщину я не верю, мной двигали инстинкты, обостренные естественной, лишенной человеческой бездушности, природой и пляжными впечатлениями. Из-за появления непрошенных претендентов на женское внимание разыгралось воображение, и я вжился в образ обманутого любовника. Все неосознанно. Своего рода экстаз, когда прочее не имеет значения. Вот она цель – получение острых ощущений на грани сексуального удовлетворения. Стоило осознать побудительные мотивы, как действительность обрела реалистические очертания.

В состоянии аффекта я не замечал особенностей территории, но теперь, обретя здоровое мышление и ясный взгляд, заметил узкую тропинку, проходящую по кромке леса. То есть ни к чему было плутать в лесу, спотыкаясь о коряги. Выше по склону проходит мощенная прогулочная дорожка. Вся площадь между домиком и центральной аллеей сплошь покрыта газонами с отцветающими ромашками и одуванчиками. По этому зеленому покрывалу я подобрался к изувеченному окну, приподнялся на носки и заглянул в оставленную

между занавесками щель. Увы, темно и тихо. Вновь отчаяние захлестнуло сознание. И опять к нему примешивались ревность и оскорбленное самолюбие. По мне прошлись, напроць исключив из сферы своего внимания. Поворачиваясь, я увидел метнувшуюся ко мне тень, а в следующее мгновение образ разметавшейся женщины потонул в снопе рассыпавшихся искр. Как бы издалека донесся звук от собственного приземления.

Сознание вернулось вместе с психическим выздоровлением. Начисто забыл, где я и что со мной. Глаза застилала красная пелена, а голова гудела от огромного внутреннего давления. Казалось, еще миг, и мой череп разломится на тысячи осколков, унося мятежную душу, скорее всего, в преисподнюю. С трудом приподнялся, рукой провел по лицу. Видимость улучшилась, и я обнаружил на ладони кровь, липкую и тягучую. Тошнило. Наверняка прикушен язык.

Вокруг стелился легкий утренний туман, в лесу стали пробуждаться птичьи голоса, дятел с тупым упорством долбил мой затылок, расщепляя остатки здоровых мыслей. И все же, хотя и смутно, я сознавал собственную неудачу в ночных похождениях. Не в моем характере отступать перед трудностями в достижении цели. В чем она заключается, никак не конкретизировалось, она существовала на уровне эмоций. Я не мог бы ее внятно объяснить. Надо, и – все! У меня было не все в порядке, потому что я, едва держась на ногах и мотаясь из стороны в сторону, направился к входу в спальню

корпус. Отбросил полено, подпиравшее снаружи дверь, ввалился внутрь.

В помещении я споткнулся обо что-то мягкое. Падение оглушило меня, но не прибавило болезненных ощущений. Волевым усилием я заставил себя дотянуться до выключателя. Яркий свет ослепил, потом снова поплыли красные волны. Когда присмотрелся, мой рассудок вновь помрачился. Я опрометью бросился вон. Спотыкаясь и падая, добрался до своего домика, повалился на кровать и забылся в жутких видениях.

Мое забытье длилось почти до полудня. Чувствовал себя полностью разбитым, как если бы всю ночь перетаскивал тяжести или прошел через руки неумелого костоправа. Однако мозги работали исправно. Удар оказался неточным, вряд ли оставил неизгладимый след в психическом состоянии. Притупились впечатления от ночных походов, более серьезными представлялись ожидающие последствия. Имеются некоторые познания о методах расследования – пусть по детективной литературе, но достаточные для понимания собственной уязвимости. Ничего криминального не совершал, но мои следы могли оказаться где угодно. Уж мне ли не знать!

Следующие действия совершал уже в соответствии с продуманным планом – водные процедуры, чистка одежды и посещение медпункта. Врачу коротко поведал причину трав-

мы, не связывая ее с реальными событиями. Да, налетел сзади человек, ударил, а что к чему – остается гадать. Тот, в свою очередь, рассказал о чудовищном преступлении и трех трупах – Леготиной, ночном путешественнике и *Паяце*. Высказал странное мнение о необходимости таких встрясок для скучающих посетителей базы с целью поднятия жизненного тонуса.

Благодаря общительному доктору состоялось знакомство с руководителем следственной группы Степаном Михайловичем Алексиным – часто задумчивым, иногда эмоционально несдержанным. Именно его психология помогла мне убедительно изложить причину травмы и оставленные у спального корпуса следы. Мое знакомство с участниками ночного происшествия и мотивы моих поступков касались только меня и женщин. Я вообще скрыл дружеские отношения с Леготиной, а принадлежность к одной проектной фирме и одновременное появление на туристической базе объяснил редким совпадением. Увлечшись моими показаниями, следователь создавал красочную версию, которая мне очень понравилась.

Несколько лет на туристической базе жил и работал сторожем некто Александр Дурновцев. Вел тоскливую жизнь холостяка, друзей не имел. Собака и медведь скрашивали его существование, сопутствовали ему в быту, на охоте и при исполнении служебных обязанностей. От собаки медведь отличался дикостью и агрессивностью в отношении к людям.

Долгие зимы в общении только с животными не могли не отразиться на общем психическом здоровье крепкого молодого мужчины, явились идеальным условием для вынашивания планов сексуального удовлетворения. Должно быть, и сам Дурновцев при отсутствии систематического общения с людьми одичал. Желания, естественные в обычных условиях, с каждым годом обострялись и принимали уродливые формы. Последнее лето оказалось для него роковым, как и заезд жизнерадостной молодой пары – Леготиной и Шкоды, стремящихся к уединению и близкому общению. Теплые солнечные дни, привлекательные женщины на пляже усилили в стороже и без того едва сдерживаемые половые инстинкты, спровоцировали на действия, которых он здраво не сознавал. Найденный в кустах труп Игоря Шкоды с поломанными ребрами и следами медвежьих когтей подтверждает версию о ненормальной психике сторожа, его изощренном садизме. Но и этого показалось мало. Чтобы скрыть истинную причину смерти именно от медведя и свою причастность к преступлению, Александр Дурновцев нанес проникающее ранение ножом в область живота. Никому в голову не придет обвинять сторожа в убийстве незнакомого ему человека, а последующее нападение медведя на труп ничего не меняет.

Все эти умозаключения стали известны мне из отрывочных высказываний Алексина. Теперь я был очень важным свидетелем, и повязка на моей голове являлась убедитель-

ным аргументом правдивости моих показаний, вызывала у него благоговение. И травму объяснили без моей подсказки. Да, я получил удар стальной дубинкой, когда хотел выяснить, что за крики доносятся из корпуса №6. Мое мужество проявилось и в том, что я, не смотря на возможную месть со стороны преступника, не стал скрываться, а сразу же явился для дачи показаний. Действительно, почти невероятная гибель всех фигурантов ночной вакханалии мне еще не была введена. Такой вывод очень радовал следователя. При каждом симптоме моих болезненных ощущений его лицо светлело и обогащалось счастливой улыбкой. Он снисходительно ронял:

– А ты не волнуйся! Подумай, каково ему. Если мне скажут, что он в сексуальном плане был нормальным, – не поверю. Нет! Только представь жизнь в глуши с одичавшей собакой и матерым медведем... Представил? Черт-те что может случиться. Я сам находился месяц в командировке, так жена еще месяц ко мне принохивалась, не затерялся ли в складках одежды запах другой женщины. Иного не представляла, поэтому пришлось расстаться.

Ему просто – этому следователю. Он легко ставил себя на место любого человека. Также быстро распутывал клубки человеческих взаимоотношений. Нет колебаний при объяснении отпечатков пальцев на дюймовой стальной трубке, найденной поблизости от жертвы. В целях самозащиты Игорь Шкода мог пытаться ее перехватить, но получил удар

ножом.

– Конечно, обозлился, почувствовал вкус крови, поверил в свое могущество... А что ему оставалось делать? Выход один – удовлетворить звериные инстинкты. Если он сторож, то всех успел разглядеть, в том числе и одинокую симпатичную даму из корпуса №6. Крайнее расположение домика ему на руку. Мог не стучать, сразу войти. Рассчитывая на внезапность, бросился на беззащитную женщину. Промашка Дурновцева в излишней самоуверенности. Возможно, борьба началась у кухонного стола перед входной дверью. Энергичная женщина быстро оценила обстановку и проявила незаурядное мужество. Успела-таки завладеть ножом и поразить им шею преступника. Удар получился колотый и неглубокий, не принес тяжкого вреда.

Я очень хотел поверить ему, но события трагической ночи периодически возникали в памяти и сводили на нет все его профессиональные рассуждения. Мне стало казаться, что многие преступления не раскрываются по вине Степана Михайловича и похожих на него следователей.

– Итак, появился нож. Сторож осатанел, не стал церемониться. Завладеть оружием для молодого сильного человека не составило труда. Нанес несколько ответных ранений, пытался изнасиловать, но жертва сопротивлялась. Ей каким-то чудом удалось перехватить инициативу и произвести смертельный удар. – Следователь и сам удивлялся своим выводам, задумчиво добавил: – Хотел бы лично посмотреть.

Мое терпение кончилось, я обозлился.

– Товарищ следователь, не могла она сделать. Слишком неравные силы, да и крови потеряно много. Иначе не смог бы надругаться.

– Прямо-таки! Будешь на моем месте, всего насмотришься. Тогда поймешь.

Понять я обязан одно: всякая версия должна укладываться в логическую схему – легко усваиваемую, как и диетическое мясо кролика. И не надо усложнять себе жизнь. Главное – убедительно. А истинный убийца далеко, очень далеко. Теперь у мерзавца крепнет уверенность в могуществе зла и собственной безнаказанности.

Уехал я на следующий день, то есть в понедельник, вместе с санитарями и тремя трупами. Радости никакой от вынужденного соседства. Позаботился Алексин с обязательным условием пройти судебную медэкспертизу. Похоже, у него появляются сомнения в искренности моих показаний, он придумывает всякие способы удерживать меня в поле своей видимости. При его подозрениях моя голова могла бы стать объектом для более серьезного изучения, но хватило и пяти минут.

Человек неопределенного возраста с физиономией ризен-шнауцера, в роговых очках и белом халате, так энергично крутил мою голову, что легко сделал вывод: удар нанесен стальной трубкой диаметром чуть больше дюйма, но сколь-

заций. Поэтому я остался жив. А убийца – неврастеник. Будь спокойней и уверенней, лежал бы я в морге.

Мне посчастливилось, а с жертвами, как выяснилось позже, получилось сложнее. Оказывается, Александр Дурновцев долго жил. Смертельное ранение в живот его не совсем успокоило. Он произвел несколько режущих и колющих ударов Леготиной. Для верности нашел в себе силы перерезать горло несчастной женщины. Получился идеальный круг. Садист и его жертва лежали мертвыми, а рядом, в качестве заключительной точки, покоился нож. Странно, на нем нет следов. А чего в наше время не бывает? Может быть, инопланетяне побывали в домике и стерли отпечатки пальцев или просто помочились на оружие особенной жидкостью.

– Точно восстановить события невозможно, – рассудительно заметил следователь. – Если нет в живых участников преступления и свидетелей, то версия всегда будет вызывать сомнения. С твоих же слов невозможно составить полную картину тройного убийства.

Я удрученно молчал, но Алексин, мимолетно взглянув на меня, улыбнулся и похлопал по плечу.

– Да ты не волнуйся! Он и так наказан.

– А что с медведем и собакой?

– Мы это быстро обстряпали. Со зверюгами не стали цацкаться – пристрелили.

– Завидую вашей профессии. Столько всего повидать! Огромный жизненный опыт, уверенность в себе.

Мне бы так!

Он с недоумением посмотрел на меня, рассматривая мое заявление как неуместную иронию. Ему необходимо мое присутствие в качестве верного оруженосца и умного оппонента для формирования убедительной версии. Я хорошо вписываюсь в придуманную им роль, и сам стараюсь оправдать доверие – не мешаю ему в исследованиях. Часто держу в руках найденные улики, аккуратно уложенные в пакетики и кулечки, получаю важную для себя информацию. При всем старании следствию не удалось выйти на Зуеву, о приятеле Паяца тоже ничего не известно. Да, удивительно и странно. Белобрысый шутник сумел замести следы, а Зуева тоже имела веские основания не заявлять о себе. Я тем более не намерен порочить репутацию женщин, решил тактично промолчать.

Последняя беседа в кабинете Степана Михайловича. И я понял, что мои подозрения насчет его недоверия имели основания. Следователь с самого начала догадывался о моей более глубокой осведомленности касательно трагедии на туристической базе, поэтому приблизил меня к себе. Позволял рассматривать улики, иногда оппонировать и все время ждал с моей стороны какой-нибудь оплошности. Кажется, остался довольным. Благодаря моим последовательным и продуманным показаниям расследование обрело законченность.

Травма, полученная на туристической базе, явилась достаточным поводом не являться на работу. Я бесцельно

слонялся по квартире, растравливая душу бессмысленными воспоминаниями. Иногда, в порыве ностальгии, пытался с помощью акварели и пастели воссоздать правдивый образ Леготиной. Наконец понял, что меня беспокоит. Если уж я стал по собственному легкомыслию и своей мужской принадлежности соглядатаем молодых женщин, то мог бы направить хваленую интуицию на их защиту. Предчувствия меня не обманывали, но я остался пассивным наблюдателем. Позволил событиям развиваться по наихудшему сценарию. Множество преступлений можно предотвратить, если не полагаться на правоохранительные органы. Если бы еще не уголовное преследование за врожденную, и усиленную воспитанием, ненависть к обидчикам невинных людей. Неприязнь, часто ярко выраженную и оправданную обстоятельствами, рассматривают как превышение мер необходимой обороны. Тут уж пощады не жди, а какой-нибудь негодяй может и посмеяться над благородными порывами. Политики сами признают несовершенство системы правопорядка, но им все равно. Они с непонятным упрямством медлят с исправлением глупостей в существующем законотворчестве. В лучших армейских частях допускается не выполнять глупые приказы, и – правильно! Вдруг какой-нибудь сумасшедший командир прикажет биться головой об стену или поведет на бессмысленную смерть только потому, что ему перебежала дорогу черная кошка. А я обязан из-за его глупости погибать? Потому что оказался чересчур законопослушным

гражданином.

Галина, прости, если я скрытно наблюдал за тобой, бессовестно пытался проникнуть в твой интимный, сугубо личный, мир. Чувства мои обострены, но нет в них былой наивности. Я вдруг понял, как может незаслуженно и нелепо оборваться человеческая жизнь. Только потому, что какой-нибудь дегенерат оказался в плену собственной похоти. И не может быть полноценной жизни без ее логической завершенности. Засыпая, я воссоздаю ее облик, речь, мышление. Собираю обрывки бесед, подсмотренные свидания, нечаянно брошенные замечания и мимолетные взгляды. В тихие полночные часы, время космических откровений, она появляется в ореоле женской неотразимости, с неугасимым желанием высказаться о своих мечтах, выразить правду об их сладости и поделиться горечью несбыточных надежд.

ДАМА ИЗ АРХИВА.

В архивном кабинете, в самом углу, один стол и два стула. Почти все пространство занимают стеллажи с пожелтевшими от времени грудями бумаг. На фоне квадратного окна с видом на городской парк она сама чувствует себя древней старушкой с пергаментным лицом и трясущимися руками. Только свет в окне связывает с внешним миром, наводит на философские размышления. И этот своеобразный маль-

чик – уже развлечение.

Далеко ли увлекли ее психологические игры с молодым специалистом? Вряд ли. Существует запретная грань в общении, они оба ее чувствуют. А беседы происходят на уровне теоретических экспериментов. Все-то он хочет шокировать. Ну, удивить, что ли. Наверное, нравится она ему. Иначе зачем разговоры о личной жизни и взаимоотношениях мужчин и женщин. Она разговаривает с ним нарочно грубовато, чтобы не возгордился и не размечтался напрасно. И опять она не права. Ей очень хочется, чтобы его голова была занята мыслями о ней. Женщина она или нет!? А так ничего, разве что мечтатель. Ей, как женщине, интересно, какой он придумал ее, как она выглядит в его воображении.

Интригующая и загадочная? Глупец! Не понимает, что везде одно и то же. Можно бы попробовать, так ведь разочаруется. Горячий паренек, эмоциональный. Не обманет в ожиданиях. Но это он. А она? Будет презирать, и – прощай любовь! Нет, уж лучше плыть в старом корыте. Какое корыто!? Надо срочно выбираться из маленького, хотя и светлого, кабинета, менять обстановку и психологию. Неплохо поразвлечься, да где мужика найти? Одни скоты.

Подруга познакомила с приятелем своего мужа, специально для этого в гости пригласила. Сказала, перспективный мужик – тридцать пять, а уже подполковник. Ну и что? В голове квадраты и треугольники, нет загадочной романтики. И цветы дарит только потому, что так принято. Галина ува-

жает мужественных офицеров, на улице часто засматривается на стройных мужчин в тщательно подогнанной армейской форме, но предпочитает творческих людей. Или она лукавит? Красивый подполковник ей сразу понравился, она уже строила далеко идущие планы в их личных отношениях, резко пошла на сближение. Но тут ее постигло разочарование. Дима, как он представился с самого начала, не оправдал ее надежд в сексуальном плане. И куда что делось... Высокий, сильный, один его кулак стоит четырех ее кулачков. Шампанское было, увертюра длилась больше часа, так что она очень распалилась. И вдруг все закончилось. Она даже не поняла, проникал ли он в нее, и есть ли у него что-нибудь между ног. *И это все!?* – не сдержала досаду. Он своей огромной ладонью стыдливо прикрывал мужское достоинство, способное вызывать вместо оргазма только жалость. Офицерская гордость не позволяла терпеть насмешек, и он перестал к ней приходить. А как иначе?

Любаша обещает приключение. На что-то намекает, куда-то зовет. Вроде бы на туристическую базу. Обещает озеро, солнце, соблазнительные тела загорелых мужчин. Чудачка! Великовозрастная женщина, а все в романтику играет. Семья разваливается, ей все нипочем. Сын без матери растет, а у нее шашни с Игорем. Интересно, что за парень? По ее словам, отчаянный ловелас. Тошнит от дешевых прелюбодеяев, хочется большой любви. Можно и просто развлечься, да от скотских взглядов весь интерес пропадает.

Вадеев – другое дело. Так ведь разочаруется. Ему бы девочку со школьной скамьи с чистыми помыслами. А Галина – больная, согбенная, уставшая от рутинной работы, старушка. Пусть нет тридцати, но и радости не предвидится. Сама себя заточила в пыльном кабинете, а могла бы преподавать иностранные языки. Зря что ли, заканчивала пединститут? Набирается духу, а все равно есть страх перед детьми – перед юными непорочными душами, копирующими хамство и невоспитанность собственных родителей. Или причина кроется в культуре всего общества, лишённого нравственных ориентиров. Ей непонятно, как смеют в школах преподавать люди грубые и невежественные, строящие отношения с детьми в зависимости от получаемых подарков. Почему великая деградация? Еще в 1736 году В. Н. Татищев в своих инструкциях учителям уральских школ указывал не только *прилежно и внятно* учить детей чтению, письму и другим наукам, но также и обучать их *благочестивому житию и познанию полезных правил жизни человеческой*. Куда что делось...

С каких-то пор появилась неприязнь к людям. Все человечество представляется носителем инфекционных болезней из-за собственного скотства и низменных страстей. Какая уж тут любовь, только бы и впрямь заразу не подхватить. Как будто все, без исключения, школьники – не результат греховности собственных родителей. Во все времена понятие греха понималось субъективно, надо избавляться от консер-

ватизма.

Говорили о поездке давно, а удача подвернулась неожиданно. На дворе июль, жара сушит. Все располагает к пляжным удовольствиям. На всякий случай бросила между вещами бутылку водки. Пригодится на свежем воздухе, и глаза не будет мозолить в квартире. Обычно пирушки проходили за чужой счет. Да и зачем тратиться для скотов. Галина в одиночестве не пьет, ее мама – та вообще на запах не переносит. Оно и к лучшему, женщине надо быть всегда в форме. А водка размягчает, противно от водки. Раньше напитки были разнообразные и привлекательные – «Совиньон», «Янтарь», «Варна»... перечислять надоест. Взять пришлось водку.

Подбирала для поездки самые необходимые вещи, а все равно большая сумка не закрывалась. Пришлось отказаться от надувного матраса. Еще раз прошла по квартире – не забыла ли чего. Ни к чему защемило сердце, как будто и впрямь не взяла чего-то главного. Все-таки сообразила, не будет ее личной поварихи – мамы Анны. Все-то она одна готовит, чтобы не скучать на пенсии. С той же целью все домашние заботы перекладываются на материнские плечи. А как иначе? Остались у матери две престарелые подружки, и те едва передвигаются. Больше общаться не с кем, и домашние хлопоты как нельзя кстати. Правда, мама Анна не оставляет надежды заполучить какого-нибудь крепенького старичка, с той же целью устраивает многочасовые про-

гулки по городу. Галина помнит школьные годы и шумные застолья с мамиными ухажерами. Отец в ту пору сгинул где-то в колонии строгого режима, осталась пожелтевшая фотокарточка из документа. Маму понять и простить можно, но осталась обида на все человечество. За что? Невозможно быть свободным от общества, которое является носителем всевозможных мерзостей. Иногда жить не хочется, и страшно перешагнуть роковую черту. Кто совершил отчаянный шаг, уже никогда не расскажет о собственных ощущениях. Что за мерзости и какая роковая черта – пока для Галины не конкретизировалось, она просто двигалась по жизни с широко открытыми глазами.

Всех сильнее рвалась на озеро Люба, а подфартило Галине. Предприятие выделило автобус, проявило, так сказать, щедрость к женскому персоналу. Маленькое удовольствие, а приятное. Любашка на подъеме, ее желание осуществилось. Перед мужем не надо оправдываться – едет с подружкой. Смеется по пустякам, рассказывает про Игоря. О семье молчит. Скрытная. Не хочет – не надо. Есть с кем поболтать по пустякам, и ладно. Боится, на базе менструация начнется. Не искупаться, ничего... Солнце и воздух тоже многое значат – не городская духота и выхлопные газы. Похвасталась купальником. Сказала, Игорь подарил. Еще не мерила. Нельзя мужу показывать, и врать не хочется. Будто и впрямь честная женщина.

В дни заезда всегда хлопоты. Пока устроишься, три пота

сойдет. С трудом уговорили администратора записать двухспальный корпус на один паспорт Галины. Получается, вся роскошь для одного человека. А как иначе! Любка в спешке забыла главный документ. И о чем думала? Конечно, о стриптизе на пляже.

Комнатка выглядит уютной, на террасе – журнальный столик и два плетеных кресла. Галина сунула в банку с водой сноп лесных цветов, собранных у края леса, поставила на столик. Терраска преобразилась и привлекла внимание соседей – двух привлекательных ребят. По всему видать, утопают в собственных слюнях, но женщины сделали вид, что не замечают. Тут же, на террасе, решили обедать. Продуктов на два дня хватит. В крайнем случае прикупят в столовой.

Думала о пустяках, и нашло оцепенение. Не сознавала своих действий, все разговоры походило на речи глухонемых. Какие-то жесты, смех, движения глаз. Дурман от окружающего благоухания? Возможно. И позже все делала машинально – по заученному, или отработанному жизнью, сценарию. Она не помнит когда, но уверена, аналогичные ощущения ей приходилось переживать. Трудно поверить, но точно на такой же террасе ей приходилось обедать. От любой мелочи веет родным и близким. И расставаться не хочется, так вот взяла бы и умерла здесь. Откуда такая ностальгия?

А соседи ничего, мальчики и впрямь что надо! Без особых усилий склонили к пирушке с фейерверком из шампанского. Вечером. Правда, их заслуга не велика при готовности самих

женщин. Парень в светлом костюме, Юра, выглядит потрясающим, но Зуева восторгается вторым – Игорем. Что в нем нашла? Глаза цыганские, прямо не смотрит, крутится юлой. В общем-то, вечеринку можно украсить, если к обещанному шампанскому добавить бутылочку водки.

После обеда купались, издали наблюдали за великовозрастными ребяташками. Действительно, резвятся, как дети. Фигура у Игоря интереснее и в сексуальном плане привлекательней, Юра без одежды явно проигрывает. Что значит костюм а ля Рио-де-Жанейро. Черты лица напоминают знаменитого Андрея Миронова, глаза слегка навькат. И манеры общаться более театральные, чем естественные. Или в самом деле есть что скрывать. Они на своих соседок – ноль внимания. Но это похоже на игру в той же театральной манере. Уж очень пыжились, пока не уплыли к центру озера. У Галины после опыта с подполковником сложилось твердое убеждение, что мужа надо выбирать на пляже. И обязательно до знакомства, чтобы не мечтать напрасно.

Вода в последние дни хорошо прогрелась, и на берег выходить не хотелось. Разве что надо позагорать, будто и впрямь за один час можно превратиться в смуглую индианку. Но мадам Зуева не упускала случая покрасоваться в новом купальнике. *О, господи, скорей бы у нее менструация началась, а то всех женатиков отобьет.* Есть в ней разрушительная сила. Знал бы ее муж! А Галине хочется помечтать. О чем угодно, только не о работе. Жаль, нет чисто женского

пляжа. Снять бы тряпочки и отдаться солнцу на растерзание. Пусть ласкает, греет, обнимает. Одно слово – баба.

Поплескались два часика и пошли к себе в *бунгало* – обсыхать да кудри наводить. Все-таки есть перед кем выкаблучиваться. Мужички-то ничего себе, в самом расцвете лет. Пока подруга делала себе прическу, Галина накрывала стол. Потом поменялись ролями. Также по негласному правилу, по очереди, наблюдали за соседней территорией. Видели, как мальчики спорили, возможно – делили добычу, то есть Галину и Любу. Неплохо бы почувствовать себя в сильных и нежных руках. Но это так, обычные мечты неудачниц. После обязательных дел стали смеха ради тоже высказывать предположения, кто кому достанется. Зуева хотела непременно чернявого. Галине все равно, на многое не рассчитывала. Пообщаться – и то приятно. Трудно предугадать, где произойдет замыкание, какие нюансы в человеческих отношениях вызовут искру.

С приближением оговоренного часа временная эйфория сменилось апатией. Так происходит, когда мысленно переживешь все возможные фантазии, и не остается места для романтической загадочности. И какая может быть неожиданность, если даже малолетки коллекционируют порнофильмы, а современные книги насквозь провонялись мужской спермой. И эти ребяташки тоже рассчитывают на легкий успех. Только так подумалось, а *они* тут как тут. И нечаянная мысль: *Это смерть ко мне пришла*. Решила не закли-

ниваться.

Вошли. Одеколоном разит за версту. А женщины даже не догадались прихватить в поездку духи. Придется одним ароматом дышать. Юрий повел себя самоуверенно. Со знанием дела перетрогал все казенные вещи, заглянул в шкафчик с посудой. Чего-то высматривал или рассчитывал на открытие. Странно, как под кровати не заглянул. При его наглости и дотошном осмотре – не мудрено. Взгляд масляный, прилипчивый. Вороватые повадки. Такого лучше не водить к себе в квартиру, и держаться надо подальше от греха. Теперь поздно, и винить некого.

– Хорошо устроились! – Он плюхнулся широким задом на кровать.

Люба с Игорем колдовали над коктейлем и бесстыдно хотали. Из-за них Галина скрыла раздражение под маской приятной учтивости.

– Чего!?! У вас такие же условия.

– Не совсем. Нет милых женщин. – Разговор приобретал все более откровенный характер, и он не скрывал намерений. – Кстати, можем разделиться на пары.

– Интересно, как вы себе представляете. – Легкое раздражение переходило в явную неприязнь, пока внешне не выраженную.

– Такое невозможно представить. Надо испытать.

– А, так вы – испытатель.

– Что-то в этом роде.

– Значит, на дому секс преподаете. И получается?

Он смутился, заметив подвох в ее словах, не мог собраться с мыслями. Игорь и Люба вовремя подвинули стол к центру комнаты, предложили начать застолье. После беседы с Юрой внимание Галины рассеивалось и никаким образом не задерживалось на Игоре, который с особыми ужимками пытался подвинуться к ней поближе. С его лица не сходила приторная улыбка, и он все время старался поймать ее взгляд. С чего бы такая подобострастность. Наверное, почитает ее женщиной легкого поведения – доступной для удовлетворения мужской похоти. Сразу нашлось сравнение с блудливым котом. Зато Юра быстро нашел контакт с Любашкой. Терпеть невозможно, как он глазами смакует ее физиономию.

После высокопарного тоста *за плотное знакомство* ситуация показалась мерзкой. Возможно, сказались алкогольная смесь и недвусмысленные намеки, оброненные мальчиками. Ближе к финишу в их поведении стала проявляться бестолковая суетливость – непонятное состояние в условиях полной независимости. Надо к ним лучше присматриваться, а то и впрямь чего-нибудь натворят. Игорь в пьяной дурашливости соскользнул со стула и безнадежно развел руки.

– Без пяти минут директор крупного супермаркета, а сижу на полу.

– Что ж, мальчики, пора бай-бай, – пыталась Галина использовать их состояние.

– А я предлагаю прогуляться. – Юрий вопросительно смотрел на Зуеву. – Знаете, чистый воздух, звезды, лирические стихи...

Сказывался алкоголь, и парень с театральными манерами начинал Галине нравиться. Но по тому, как они заторопились, она поняла – ничего ей не отколется. Не упустила возможности съязвить:

– Иди-иди. Только смотри, чтобы на мужа не наткнуться.

Зуева поняла, рассмеялась.

– Я его к тебе пошлю развлекать. Он на железных пуговицах серенаду споеет и рядом уложит.

– Чего это!

Открыли дверь и сразу провалились в темноту. Игорь все время молчал и нелепо таращил глаза. Галина думала, как бы его спровадить от греха подальше. В каком-то смысле Зуева совершила подлость, подсунув блудливого кота. Каково же было ее удивление, когда он резво поднялся с пола, сдвинул ее в объятиях, в минуту облизал все ее лицо. Так, что сложный грим весь, без остатка, перекочевал в его желудок, она, в свою очередь, одурела от неожиданной атаки и потеряла всякую осторожность. А был этот самый контроль над собой? Да, к концу застолья потеряла к ребятам всякий интерес, а теперь появилась интрига, возросло любопытство. Недостойна она Вадеева.

Развитие событий просматривается сквозь призму пьяного сознания. Они уже вдвоем катались на ковровой дорожке

ке и делали такое, что возможно только в пьяном угаре. Кажется, она дошла до точки, когда детали поведения не имеют значения. Говорила что-то про смерть и секс как о двух полюсах человеческого существования, с одержимостью маньячки отвечала на блудливость его рук. Или ей все казалось.

И вдруг нет его. Где он? Она ушла в собственные ощущения. Они были мрачными и безысходными. Пыталась не думать, как выглядит со стороны. *Скорее, скорее!* – выстукивало ее сердце. И вот она пришла, беспощадная и роковая – ее смерть. Лезвием ножа проникла в грудь. *Куда летит моя душа?* Не знала она настоящего женского счастья. Надоело скотство. А как иначе? *Не кричи громко. Я не сука, я – несчастная женщина. Мрак поглощает меня. Вот она – черта, которую можно легко и даже незаметно перешагнуть. Очень тонкая и хрупкая грань. Уже никто не расскажет.*

ПАЯЦ ЭЛИТНОЙ СФЕРЫ.

Он только из-за Леготиной поехал на базу, иначе бы отказался. Хорошие пляжи есть в черте города, да и радости мало ехать к черту на кулички. Есть проверенные товарищи и раскрепощенные девчонки на любой вкус. Иногда возникают вопросы с деньгами, но удается уладить – были бы друзья. Главное – ему не надо изворачиваться, в течение дня он имеет право на свободу передвижения. Теперь другое дело –

поездка растягивается на два дня. И деваться некуда – охота пуще неволи. Что касается Леготиной, то с ней привычные методы не годятся. Зуева считает подругу с характером, избегает с ней знакомить. Говорит, язвительная, потом не отмоешься. Зачем сказала? Игорь не сможет успокоиться, пока не отпразднует победу. Иначе Юрка на смех поднимет: бабу не смог уломать. Пусть Любка не обижается, мужское уважение – прежде всего.

Обычно у Юрки на квартире развлекались – в командировке, так сказать. Это к сведению жены, чтобы не ревновала. Мол, изучает рынок в соседних районах – зарабатывает дивиденды у родителей. Ничего, срабатывает. Кабы только Игорь был такой смекалистый. Юрка рассказывает про мужей и жен такое... диву даешься! С этой перестройкой вся страна помешалась на сексе, причем подавай все с изюминкой, чтобы ничего надоевшего. А Леготина исключение?

С Любкой подружились давно, сдается – на почве взаимных симпатий. С началом рыночных отношений родители Игоря успели застолбить место в торговле. Зуева в ту пору занималась челночным бизнесом, продукцию сбывала через сеть магазинов семьи Шкоды. Хотела войти в крупный бизнес, так сказать, а застряла на подходе, то есть на сынке состоятельных коммерсантов. Игорь столкнулся с ней в приемной отца, наговорил комплиментов, пообещал содействие. Во всем нужна сноровка, много ума не надо. Достаточно было красиво ухаживать, дарить цветы и подарки, она и пове-

рила. У всех соблазненных женщин общая история с цветами и подарками, они помешены на спонсорах и больших членах. Как заслуженная награда за жадность вместо богатых женихов наглые *альфонсы* и смазливые проходимцы. Смехота, и только.

Игорь знает Зуеву, она без удержу. Если взбредет что в голову, то и подавай. Они с ней здорово куролесили. Что нашла в нем? Жениться на ней он никак не может, дорога в родительский бизнес ей тоже закрыта. Или она рассчитывает на его долю в бизнесе, о котором он сам только пока мечтает. Иногда бывает на подхвате в качестве экспедитора, надсмотрщика, курьера. Обязанности самые что ни есть посредственные, но родители все равно глаз не спускают. Говорят, смекалки маловато. Не хвалиться же им своими победами на любовном фронте. О, знали бы они о его недюжинных способностях! Сам часто всматривался в зеркало в поисках хоть какой-нибудь исключительности, остановился именно на интеллекте. Девушек покоряет его ум, они теряют голову от его ума. Знай муж Зуевой, не дал бы житья. Она тоже не дура, ей незачем дырка во лбу. Даже Леготина не видела Игоря – это в порядке конспирации и, как он думает, еще из-за ревности Любки. А то... *язвительная*. Все женщины одинаковые – им бы только деньги и секс. Часто ищут мужика для души – это, значит, по театрам ходить. Иногда кажется, Зуева только дразнит судьбу, играет она в какую-то опасную *непонятку*. Иногда жутковато становится, и очень хочется

лечь под бок костлявой, но спокойной, жены. Встречались у Юрки Панферова на хате.

Юрка – парень хлесткий, а поездке обрадовался, как малолетний пацан. Ему позарез хотелось в озере поплескаться, разнообразить круг женского общения. И природа располагает к интиму, нашептывает про любовь, обещает неповторимый секс. Игорь мог бы свести его с Леготиной, кабы сам на нее глаз не положил. Панферов не знает Зуеву, ему все равно с кем куролесить. И есть у Игоря должок, с которым без бабы никак не рассчитаться. А Леготина представляет уже спортивный интерес, который Игорю не в силах превозмочь. Он уверен, она пойдет на контакт. Любка пересказывала ее речи, всякие там слова, – даже олуху станет ясно, куда ее клонит. Пора утереть нос Панферову.

Не представляли, как поведет себя Зуева. Она женщина покладистая, но помешалась на Игоре. Говорит, любит. Это его-то, когда он знает ее, как облупленную. Очень сексапильная и ненасытная бабенка. Или в игру играет? Муж у нее – посредственный солдафон, вот она и бесится. Кабы знал, чьего сына воспитывает, сразу бы ушел в отставку или застрелился с горя. Им бы своего родить, так Любка притащила откуда-то чужого ребенка, выдала за родного. Рассказывала, как муж поверил в ее хитрость, теперь души в нем не чают, доверяет ей во всем. Так ли уж она симпатизирует Игорю. Нравятся ей его фантазии, она без ума, так сказать, от его фантазий. Что значит интеллект. О сноровке и гово-

ритель нечего – высший пилотаж. Жена его полная противоположность – костлявое равнодушие или еще чего похуже. Родители сосватали, рассчитывая на какие-то связи с Москвой. Вопросы бизнеса решают с невесткой, его ум не ценят, считают великовозрастным балбесом. Ничего, их старость не за горами, тогда он возьмет реванш. Юрка поможет, он чужую жизнь в копейку не ставит.

Дружки помозговали и решили на природе избавить женщин от комплексов – приобщить, так сказать, к цивилизации. На всякий случай обговорили детали. Только в одном разошлись. Панферов хотел организовать коллективный секс, чтобы время от времени можно менять партнершу, а Игорь любит чистоту в отношениях. Если имеешь с какой дело, так чтобы вся была для него. Свинство не по нему, но еще хуже невыгодное сравнение. В мечтах он представляет себя в единственном числе – обладает способностью проходить сквозь стены, проникать в любую спальню. Кабы еще взглядом подавлять сопротивление женщин, склонять к исполнению всех его причуд. У Юрки такие способности есть – развратный парень, сноровки тоже не отнять. Получилось по желанию Игоря. Его главное участие в мероприятии, и его последнее слово. Для затравки взяли три шампанского, дальше видно будет.

День заезда посвятили знакомству. Здесь Юрка выкинул свой коронный фортель. Бросил монету на стол женщинам и попал в посудину. Диву даешься – ведь случайно, а полу-

чилося, как по маслу. Мозговитый мужик. Бабоньки сразу загорелись. Природа действительно располагает.

На пляже народу – тьма, а женщины смотрели только на Игоря и Юрку, глаз не могли отвести. Можно подумать, голодняком жили на какой-нибудь галерке. И все Юрка устроил. Выпендристый мужик, умеет себя подать. Не ахти какой, а все-то у него получается. Везучий. Кабы Игорь так смотрелся. Для Зуевой все равно, а Леготина видела только Юрку в светлом костюме. Решил дожидаться вечера и взять реванш. Зря, что ли, к черту на кулички ехал, жене *пургу* гнал.

Расчеты на запасы женщин не оправдались. У них все-то одна бутылка, а три шампанского не могли расслабить их и развеять скучную атмосферу. Не получалось сближения с Леготиной. Поэтому больше подливали женщинам. И вообще на сухую иной раз лучше. Больше остроты ощущений. Другой раз проснешься – воспоминания, как из чужого сна или чего похуже. Приходится создавать условия для повторных впечатлений. Может не получиться.

Игорь с Юркой понимают друг друга с полуслова. Уселись по старому уговору, Игорь ближе к Леготиной. Правда, Зуева пыталась втереться между приятелями, но кореш перехватил инициативу, и уже через полчаса она смотрела только на него. Когда Леготина совсем захмелела, Игорь подмигнул Юрке. Кореш должен увести Зуеву на прогулку, провести разъяснительную беседу о вреде комплексов – подготовить,

так сказать, к смене партнеров. В повседневной жизни женщинам ничего не стоит прыгать из одной постели в другую, а коснись удобного случая – могут фортель выкинуть. Без подготовки никак не обойтись, тут смекалка нужна, и сноровка – тоже.

Под столом оставалась одна шампанского. Ее решили приберечь до утра – на всякий случай, если захочется снова порезвиться. Но в Любку черт вселился. Подай, и все! Ох, уж эти ее фортели, запоздалые угрызения совести. Из-за пьянок несколько раз чуть не подвела под разбирательство с мужем. Тому что, использует за место мишени.

Юрка уговаривал ее пойти прогуляться, подышать у озера, так как вид у нее болезненный, душу воротит от ее вида. Пришлось использовать последнее средство – доставать бутылку. Кабы на пользу, а то выпили зазря. Такая малость спьяну мало что даст. Отчалили. А Леготиной что – отвернулась к темному окну, думает, как бы Игоря спровадить. Та еще штучка. До чего противно устроен мир, всюду – лицемерие. По телевизору, в различных шоу, вещают о чистоте нравов, а сами судьи берут взятки и насилуют беззащитных девушек. Так что есть с кого брать пример.

Только стихли за дверью шаги, как Игорь не стал терять время – коршуном бросился на стервозную бабенку. А то, значит, не принимает его всерьез. Когда-то он любил читать разные книжонки. И, кажется, у Ромена Роллана в «Очарованной душе» есть эпизод, когда женщину, причем невестку

главной героини, таким образом застали врасплох. Остальное было делом техники.

И тут сработало. Сначала она пыталась оттолкнуть. Даже хотела выполнить запрещенный прием – сунула руку в пах. Боль почувствовал невозможную, из-за этой самой боли укусил ее. Потом чуть от смеха не стал давиться. Она расстегнула ему брюки и ощупью изучала содержимое.

Так они кувыркались долго, но ближе она не подпускала, старалась больше распалиться. Зуева тоже в этом плане требовательная, любит разыгрывать игры. Не понимает, с чужими женами время на пустяки не теряют. Не дай бог, муж заявится. Тогда простым анекдотом не отделаешься, жди чего похуже. Юрка, тот уже залетал под холостой выстрел. В упор. После месяц на больничном плюс стрижка наголо из-за выжженных проплешин. Споровки не хватило. Смехота, и только.

До трусиков добрался, но к этому времени так раскочегарился, что взял и рванул. Диву даешься, какие были трусики, впервые такие видел. Тут уж они взаимно занялись массажем. У Леготиной глаза закатились. Хрипит. Скоро деньги предложит за удовольствие. Говорит: *Игорек, давай начинай, а то умру*. Дуреха! И совсем это не *умру*, а умора. Он сам готов был сократить время, кабы под окном что-то не громыхнуло. Потом услышал шорох за спиной, от резкого движения головой едва не свернул шею. Увидел, и в глазах потемнело. При входе, рядом с кухонным столом, какой-то олух с бле-

стящей трубой пучится. С какой галерки свалился...

Леготина ни на что не реагировала, она часто дышала и не двигалась. Только ее рука продолжала блуждать в его паху. А Игорь перепугался. Не хотел оказаться в поле зрения чьего-нибудь мужа, а сейчас... будто уже *ствол* направили. В голове пустота, толком разглядеть не успел. Может, и не труба, а действительно ружье. Тогда уж точно дело – труба. Отскочил от Леготиной и, как есть – в приспущенных штанах, бездумно двинулся на детину. Не понимал, куда и зачем направляется, слово нехорошее на языке вертится – *ужас, ужас...* Шел будто кролик в пасть удава. А здоровенный олух по-идиотски улыбается, но по мере сближения угрожающе поднимает трубку.

Кабы рядом Юрка был, но теперь Игорь не видел спасения, сознавал свою обреченность. Бессмысленно оправдываться или ждать пощады. Вот-вот начнется истерика. Он ошалело схватил со стола кухонный нож и, не останавливаясь, погрузил лезвие в живот удивленного детины. Тот скорчился, помедлил и, с той же идиотской улыбкой, повалился на пол. За спиной верещала Галинка. Для Игоря ее крики выше сил. Он подскочил к ней, заорал:

– Заткнись! Заткнись, сука! –левой рукой ударил по выпученным глазам.

Его внезапная озлобленность еще больше разворошила ее голосовые связки, а он не сознавал, что делал. Страх перед неминуемой расплатой и крах всех надежд, связанных

с торговым бизнесом родителей, парализовали способность к здравому мышлению. Он уверен, за дверью стоит еще дюжина оскорбленных мужей, все ждут своей очереди для реванша.

– Замолчи, потаскуха! Вот тебе, вот еще... – При каждой фразе тыкал ножом.

На мгновение опомнился. Но то, что увидел, производило угнетающее впечатление. Как прохуdivшийся сарай в дождливую погоду. Вместо стекающей воды – кровь. Зрелище вновь оглушило его, вызвало на действия совсем необъяснимые. Потому что он поднял с пола металлическую трубку и выбежал из домика.

Первое, что ему пришло в голову, – затаиться в кустах и посмотреть, какие события развернутся вокруг. Занозисто свербила мысль: *Я убил, я – убийца!* Это была страшная пропасть, в которую он скатился, не виделось зацепки, чтобы выкарабкаться назад. Немного успокоившись, он решил дождаться Панферова, чтобы вместе помозговать, как выкрутиться из ужасной заварухи. Почему-то губы шептали: *Подлец... подлец, сучье вымя!* Вроде заговора против красной чумы.

Из его укрытия хорошо просматривалась территория перед корпусом №6, но со спины подступала мрачная стена хвойного леса. Он с опаской оглянулся и увидел, как от деревьев оторвалась размытая в темноте мужская фигура. Человек осмотрелся по сторонам и уверенно направился к окну.

Что ему надо!? Теперь Игорю мерещилась опасность со всех сторон, до появления кореша он обязан охранять спальный корпус от чужих глаз. И пока любознательный тип всматривался в зазор между шторами, Игорь подкрался и одним прыжком оказался рядом. Человек пикнуть не успел, как получил удар по голове той самой трубкой. Человек? Звук раскалывающегося яйца. Подумалось: *Одним яйцом меньше.*

Опять затаился в кустах, прислушался. Темно и тихо. От страхов и сырости знобило. Чтобы размяться, пошел в сторону озера и натолкнулся на Панферова. Его светлый костюм заметно выделялся на фоне темного леса. Игорь здорово обрадовался, но тот, увидев приятеля, шарахнулся в сторону.

– Ты что, спятил!?! Посмотри на себя!

После длительного нервного напряжения его слова вызвали у Игоря истерические рыдания. Он сел на голую землю.

– Юрка, я – убийца! Помоги мне. Ты знаешь, я для тебя устроил эту поездку. Ты ведь развлекся, да? Любку тебе отдал, хотел родительский бизнес с тобой поделить. Ты же мой кореш, и мозговитый. Я для тебя...

– Молчи, подонок! – Панферов подошел, схватил несчастного парня за грудки, оторвал от земли.

Состояние у Игоря, как после большого заплыва, когда отданы последние силы. Панферов понял, отпустил его, прошептал на ухо: *Прости!* И тут Игорь почувствовал режущий удар в живот, такого фортеля предвидеть было невозможно.

Кабы возразить, но не хватает воздуха. Его сознание угасало так же, как и последние ощущения от влажной травы и колючих веток.

ПТИЦА В СИЛКАХ.

Никто никому не давал твердых обещаний, но иначе деваться некуда. Дома – муж, ребенок и повседневные бытовые заботы, а душа томится по вольному воздуху. Конечно, сын не при чем, но семейные узы с каждым годом становятся все более жестким узлом, когда невозможно расправить грудь и, пусть на мгновение, почувствовать себя свободной птицей. Подсознательно разрастается страх от безысходности. Но почему обреченность!?

В разводных судебных процессах легко расставляются акценты, но дома воинствующий муж изо дня в день читает назидательные лекции о жестких армейских нравах, исключая разговоры о свободах и демократических правах. И что такое Армия? Необходимое зло? Развеялся миф о солдатском великодушии, надо думать о будущем ребенка и собственной защите от семейного рабства. Еще остается непокорный дух и возрастает ненависть к домашнему тирану. Для кого-то материальные затруднения становятся поводом для разочарования, но Любе представилась возможность проявить личные коммерческие способности. При скудном жалованье российского офицера муж был вынужден

смириться с неконтролируемым заработком жены. На смену поучениям пришла другая крайность – тягостное молчание и подозрительные взгляды.

Поступки совершаются часто назло. Не во вред кому или чему, а назло врагу. Да, всегда есть враг. Сидит глубоко в сознании и олицетворяет неприятные стороны жизни. Связь с Игорем – прыжок в бездну как способ порвать с психологической зависимостью от могильной серости. Поездка на туристическую базу – тоже протест против серой повседневности. Для безопасности и полноты ощущений Любе требуется надежная ширма, а лучше Галинки быть не может. Муж только рукой махнул: *Катись, куда хочешь*. Она отвезла сынишку к матери и сразу отправилась к подруге на работу. Целый час обсуждали детали поездки, но Люба ни разу не упомянула об Игоре. Галина – дама серьезная, презирает дешевые шашни и примитивных людей. На что уж видный подполковник Дима, и тот не стерпел ехидной насмешки, потерялся безвозвратно. Смотришь в глаза подруги и видишь твердые скалы, холодное безоблачное небо. Есть в ней спокойная уверенность в себе. Но это так – с первого взгляда, пока ее не расшевелил достойный человек. Она, как и вся природа, не способна на предательство, на нее можно положиться.

Не получилось без курьезов. Перед самым отъездом Игорь пошел на попятную, ссылаясь на крайнюю занятость и подозрительность жены – этой мегеры с ослиными ушами,

прикрытыми тремя волосками. Как Люба обозлилась! Посоветовала искать другой сад, ловить глупее птичку. Проговорилась о Галке – ее неустроенности и неприязни к мужчинам. Он сначала молчал, а потом выдал:

– Если ты с подругой, то я с Юркой Панферовым. Скажу, с приятелем отчаливаю на рыбалку, и жена будет сговорчивее. Ей что, только бы не куролесил и не натворил чего похуже.

Неприятно хохотнул, что придало его словам скотскую направленность. Сразу пропал интерес к совместной поездке, угасло настроение, остатки которого поддерживались за счет традиционных встреч и необходимости сохранять деловые отношения с его родителями. Стала задумываться, кому старается досадить. По сути, муж сам страдает, куда уж хуже. Всякая душевная боль имеет причинно-следственную связь, и виной всему она. Отсутствие с ее стороны искренности не может пройти незамеченным для близкого человека, вызывает оправданное недоверие мужа. Получается, и зло определяется ей самой, и никому не может быть дела до ее переживаний. Но упоминание о приятеле разожгло любопытство. Сказалась заинтересованность в судьбе Галины.

– Он тоже ищет райских птичек?

– Панферов? Вроде того. Не олух какой-нибудь, мозговитый по женской части. Быстро оболтает, ему сноровки не занимать. Твоя подруга подойдет.

– Трудно сказать, кто кого приберет к рукам. Ей палец

в рот не клади.

– Мы с ним вышли из возраста, чтобы пальцами пользоваться, – цинично хмыкнул он.

Омерзительный мужик. И шутки пошлые. Она сразу его раскусила, поэтому, как бы в подтверждение своей порочности, продолжала сохранять близкие с ним отношения. Надоело тоскливое однообразие, поэтому согласилась. О своих планах подруге ничего не сказала. Галина сообразительная женщина, откровенное сводничество ее быстро отпугнет. Не считает себя святошей, но от сомнительных знакомств держится подальше, все-таки любовь на первом месте. Или... должен быть еще какой-то серьезный интерес.

С самого начала события разворачивались по задуманному плану, то есть удачно инсценировали нечаянное знакомство. Приятель Игоря одет шикарно, сам белокурый. На пляже многие заглядывались, Галка – не исключение. Что задумали мальчики, женщины не могли догадываться, но с удовольствием включились в предложенную игру. Люба решила быть внимательной к Игорю, но за столиком он подсел к Леготиной. Пришлось довольствоваться ухаживанием Юры. Тот весь благоухал, находился в особом состоянии, что называется у животных брачным периодом. Искоса поглядывал на Галинку, но все комплименты доставались Любе. После застолья галантно предложил прогулку по ночному пляжу. Обронил несколько поэтических фраз, театрально закатывал глаза. Кажется, всерьез решил ее закадрить.

В то же самое время Игорь изображал разомлевшего от выпивки простака, не способного связать пару слов.

Предложение Юрия и фиглярство Игоря таили в себе какие-то нечистоплотные намерения. Подумалось о роковой ошибке, но Люба тут же отмела чудовищную мысль. Зная ее характер, вряд ли Игорь станет рисковать. Но попытки изменить характер событий ни к чему не привели, ребята проявили изобретательность и настойчивость в достижении цели. Не ссориться же, в самом деле, на глазах подруги. Если догадается о сговоре, тогда всем не покажется мало. Еще оставалась на нее надежда – она сама разгадает подвох, окажет достойный отпор. С белокурым *театралом* Люба как-нибудь разберется, навек будет помнить, как недооценивать женщин.

Луна ярко высвечивалась, и лишь иногда ее прорезали тонкие ниточки облаков. За спиной шелестели деревья, у ног плескалась вода. Каждой клеточкой своего существа Люба чувствовала эту манящую колыбельную песню. Ей взгрустнулось, она заплакала. В эти мгновения она почувствовала себя крохотным ребенком перед мудрой вечностью, все самое светлое у нее впереди. Всего лишь минута надежды, потом – жалость к себе.

– Ну-ну, – ласково обнял ее Панферов.

Она пуще разревелась. Почему-то ей казалось, со слезами выходит вся скверна, которая накопилась за годы душевной неустроенности. Рассматривала себя в качестве эксперимен-

тальной модели. Зачем, спрашивается, кому-то и что-то доказывать? А жертвой стал ни в чем неповинный муж. Теперь она особенно остро чувствовала свою ничтожность. И когда Панферов стал недвусмысленно и покровительственно прижимать ее, не выдержала. Кулаками оттолкнула и побежала к лесу.

Когда она поняла, что он не найдет ее, то успокоилась и решила выйти к своему домику. Оказалось не так просто. Луна спряталась за сгустками облаков, кругом темная стена леса. Решила идти наудачу, все равно должна выйти на какую-нибудь тропинку, а все дорожки, так или иначе, связаны со спальными корпусами. Пробираться приходилось осторожно, чтобы не поранить сучьями ноги, обутые в легкие боножки.

Остановилась, чтобы успокоиться и скорректировать направление, но услышала сквозь шелест листвы хруст веток и чье-то тяжелое дыхание. Для другой женской психики было бы чересчур, но она только притаилась. Всякий лес имеет право на свою ночную жизнь. Может, крупный зверь ломится через кусты. Чуть позже увидела человека, похожего на бесформенную кляксу. Если бы не шумовые эффекты, могла все посчитать зрительной галлюцинацией. Но теперь ей все равно, после пережитых впечатлений хотелось быстрее добраться до постели и, наконец-то, решить для себя возникшие за последние годы вопросы. Жить по-прежнему она не может, обманывать мужа – тоже. Единственная радость –

сын, ее надежда и смысл любой деятельности. И совесть! То есть она в ответе перед ним за каждый свой поступок.

Присмотрелась. Сквозь кусты пробирается обыкновенный, в темноте ни чем не примечательный, парень. Правда, его поступь отличается звериной упругостью сродни повадкам хищников. Мало ли какие игры могут разыгрывать посетители туристической базы, и этот не исключение. Она как замороженная наблюдает за его передвижениями. Вот он исчезает с ее глаз, и одновременно доносятся приглушенные чертыханья. Опять появляется. Должно быть, выбрался из ямы, в которую по неосторожности свалился. Пошел дальше, а Люба украдкой следует за шелестящей поступью, надеясь быстро выйти к спальным корпусам.

Внезапно ориентирующие звуки стихли. В следующую минуту темная стена расступилась, и она оказалась на краю леса. Перед ней стоит все тот же лесной путешественник, но одновременно, на фоне открытой местности и спальных корпусов, она видит другого человека. При бледной вспышке луны он кажется сказочным божеством с карающим железом в руке. В том, как он передвигается, нет ничего подозрительного. Человек явно кого-то разыскивает, ничего не опасаясь. Если бы не ночь, можно подыграть ночному искателю: *Не меня ли разыскиваешь, а? Я тут стою. Уже и сомнений нет, что заезжая молодежь включилась в неведомую ночную игру. Сомнения? И тут она почувствовала напряжение – не какое-нибудь, а пугающее. Все вокруг нее дышало*

ожиданием неминуемой беды.

О том, чтобы немедленно и открыто идти к домику, нечего и думать. Она обратилась в слух, а ее зрение обострилось. С каждой минутой беспокойство возрастало. Промелькнула мысль, не смотря ни на что, бегом пересечь открытую поляну и, ворвавшись в спасительный корпус, закрыться изнутри. Что-то удерживало от скороспелого поступка. Предчувствие какого-нибудь несчастья? Да нет же, все как обычно, только ночь будоражит воображение. На самом деле человек мирно потоптался на месте, а потом крупными шагами направился вокруг домика, намериваясь в него войти. *Конечно, потерял друга, а теперь расспрашивает посетителей базы,* – так подумалось ей. Тем более, в их корпусе гостеприимно светилось окно.

Молодой человек тоже пришел в движение. Пригибаясь и оглядываясь по сторонам, он рывками продвигался к освещенному окну. Страдальческое выражение худощавого лица усиливалось мертвенным освещением луны. Любе даже показалось, что она воспринимает происходящие события как бы с мифологическим оттенком. Есть мученические лики и карающий жезл, еще существуют коварные происки сатаны. Забавная аналогия вызвала улыбку и желание быстрее рассказать Галине о ночных впечатлениях.

Все бы ничего, но теперь ей жаль парня. Его повадки стали напоминать раненного животного, идущего к своему логову, занятому врагами. Она также подумала, он не имеет

права этого делать, логово – не его. Поняла смехотворность своего предположения. Он сам враг и должен унести свои ноги, пока жив здоров. Но парень ей понравился. Скорее, забавляли его смятение и повышенная осторожность после появления человека с жезлом. Те же самые ощущения испытывала она. Что-то их роднит. Иначе не стала бы изучать обстановку, избегая возможной встречи с нагловатым Юриком и ничтожным человечком Игорем.

Последующие поступки парня озадачили ее гораздо больше, уже не оставляли места сочувствию. При всех неприятностях появился повод порадоваться, когда его поползновения накрылись сорванным наличником. Он схватился за голову и в таком скорбном виде исчез в кустах. В домике тоже загрохотало. Очень похоже на семейные разборки, но в случае с Галиной скандальный вариант исключается. Уж такая она женщина, ей не зачем поднимать шум, может взглядом испепелить. Тогда что? Надо бы срочно попасть в домик, но Люба не может тронуться с места. Ее насторожили странные звуки. И есть вероятность столкнуться с лунным божеством, куда-то же он делся. После душераздирающих криков возникла мертвая тишина. Мертвая? Посеянная тревога увеличивается в масштабах, и страх парализует ее всю. Не в силах передвигаться, она опускается у дерева лицом к открытому пространству.

При других обстоятельствах она бы обязательно оценила достоинства горного пейзажа. Не менее живописно выглядят

группы спальных корпусов. Окинула беглым взглядом окружающую красоту, а все внимание сконцентрировала на загадочных явлениях, происходящих вокруг нее. Не появлялось какого-нибудь вразумительного объяснения, за подсказкой тоже обратиться не к кому. Для пущей таинственности сгущается ночь, стирая границы леса и спальных корпусов. Иногда из-за облаков выкатывается луна, высвечивая редкие фрагменты происходящих событий. Например, из спального корпуса в направлении леса мелькнула полусогнутая мужская фигура и растворилась в темной чаще.

Она бы могла так до рассвета просидеть под деревом, но ее начал пронизывать холод. Воздух становился влажным, усиливался ветер. Налицо все признаки надвигающегося дождя. От непривычной позы ноги затекли, приобрели бесчувственную мягкость. К ночному лесу она привыкла и даже видела в нем несомненную защиту, но пора было наведаться в спальный корпус. Невозможно бесконечно находиться в состоянии тревожного ожидания, необходимо срочно встретиться с Галиной и развеять мрачные предчувствия. Смущает длительное отсутствие ночного искателя с таинственным жезлом, но он мог уйти в другую сторону от домика. Поэтому поднялась, сделала пару пробных шагов для восстановления чувственности ногам. Уже страха не было, присутствовала обыкновенная осмотрительность. Она сначала услышала, потом увидела любознательного парня. Снова, как и в прошлый раз, он свалился в яму – ту же са-

мью. Послышалось знакомое недовольство, и она, не смотря на собственные переживания, невольно улыбнулась. *Только бледнолицый может дважды наступать на одни и те же грабли.* Удивилась своей снисходительности по отношению к парню, он опять вызывал сочувствие. Постаралась в общих чертах запомнить фигуру и голос, днем обязательно найдет и учинит допрос. Что это за бессовестность такая – тайно подсматривать за хорошенькими женщинами.

Он вышел из-за деревьев и быстрее, чем прежде, приблизился к окну. Наверное, сказывался приобретенный опыт. Ее забавляла и возмущала его самоуверенность. Но и успокаивала. Присутствие странного парня не порождало гнетущего страха, интуитивно она чувствовала даже психологическую защиту. Да, и выжидала момент, чтобы кашлянуть для острастки. Но пока он вглядывался в окно, над ним блеснул знакомый жезл. Послышался треск, и молодой человек, к которому только что зародился интерес, рухнул в траву у окна. Конечно, Люба искренне посочувствовала печальной судьбе ночного следопыта, потому что не разглядела должным образом хулигана. Хотя... да, чуть позже она могла бы назвать Игоря. Откуда у нее уверенность? Есть, только ему присущая, вороватость в движениях. Но что все это значило, и почему жезл из одних рук перекочевал в другие? Она в растерянности. Ночь представлялась театром абсурда, нелепостям не было конца.

Она неуверенно топталась на месте, не решаясь пойти

к жилищу. Непонятные силы контролируют территорию. Что-то случилось с Игорем, по его вине пострадал незнакомый человек. Также не объявился Юрий. Вряд ли стоит испытывать свою судьбу. Также невозможно предугадать результат ее появления в корпусе. И она понеслась дальше от злосчастного места – вглубь зарослей. Надеялась в темной чаще встретить Панферова, как будто его законное место среди диких зверей. И думала о нем с симпатией – как единственном человеке, способном оградить ее от опасности. Забыла о своем пренебрежительном отношении к ухаживаниям, не вспомнила о насмешках над его кривляньем, не имеющим ничего общего с театральным искусством.

Сделала круг и опомнилась на прежнем месте – на краю леска. Снова открытое пространство и безмолвие. Или она оглохла? Возможно, ей все почудилось после водки и шампанского, и пришло запоздалое отрезвление. Для всех наступило время глубокого сна, ей тоже пора пригреться в постели. Домик погружен во тьму, как и его внутренности. Представила беспокойство Галинки, ее переживания из-за множества неприятных предположений. Ребятки показали себя не лучшим образом, теперь ей что угодно может взбрести в голову. Невысокое мнение подруги о нравственности Любы хорошо известно. Из Галины получился бы настоящий офицер, порядочность и честность – ее принципы. Нет, Люба не станет объясняться или оправдываться, все равно не поможет.

Она уже подходила к домику, когда в его окнах неожиданно вспыхнул свет. Инстинктивно приостановилась. Через минуту дверь хлопнула, мимо пробежал любознательный незнакомец. Одна рука приложена к затылку, другая часто рассекала воздух. *Да что же такое!?* – кажется, вслух возмутилась уставшая от потрясений женщина и, отбросив всякие сомнения и страхи, смело пошла вперед. На стук никто не откликнулся, и у самой заскребло на душе. *Уж не с Юрием ли она гуляет?* – с надеждой предположила она, хотя время и погода были явно не для прогулок.

Вошла ничего не опасаясь. Спокойно прихлопнула за собой дверь. Рассчитывала оказаться в одиночестве, но... очень заблуждалась. Повела взглядом по комнате и только тогда оказалась в настоящем театре абсурда. Она могла бы посчитать картину какой-нибудь удачной инсценировкой для фильма ужасов, если бы не крайний натурализм. Галка лежала во всей своей красе, если таковой считать кровь. В двух метрах от Галины, лицом вниз, распластался крупный мужчина в комбинезоне. Всюду кровь. К дверям вели кровавые отпечатки обуви большого размера. Усомниться в достоверности пугающего зрелища не представлялось возможным.

Позже она задавалась вопросом, почему ее не охватила паники. Легко находилось объяснение. Она уже заранее настроилась на трагедию, испытывая тревогу при наблюдении за событиями вне спального корпуса. Сильно повли-

яло неадекватное поведение Игоря. Нормальный человек в обычных условиях не станет бегать по ночам и размахивать железными предметами. Казалось бы, знакомый, привлекательный в своем многообразии, мир проявлял агрессию, и она сама ожесточилась. Ничто ее не пугало, но раздражало большое количество крови. Раньше ей не приходилось сталкиваться с последствиями кровавых драм, и ужасное зрелище выглядело просто бутафорным. Орудие убийства валялось рядом с Галиной – в глубине комнаты. Погибла? И как смириться... Старалась собраться с мыслями, но расслышала стон. Повернулась и увидела, как правая рука мужчины подтягивается к туловищу. Он еще жив, его можно спасти. Живой!?

Мгновенно нахлынули все накопившиеся за ночные часы переживания. Главными фигурантами мрачных картин, закрепившихся в ее сознании, становятся Игорь с металлической дубинкой и труп Галки. Она уверена, весь кошмар связан со стонущим человеком, лежащим у ее ног. Его никто не звал. Он ворвался в хрупкий мир человеческих отношений, размахивал непонятно каким орудием. И он не лунное божество, а ночной разбойник. Игорь сумел его обезвредить, но Галину спасти не успел. Вот голова повернулась в ее сторону и... она не могла поверить. Забыла о подруге и туристической базе, в памяти всплыли другие эпизоды ее недолгой жизни, которые на протяжении восьми лет она вытравливала из сознания. Она видела те же ненавистные черты лица, ко-

которые часто возникали в самых дурных снах. Наконец-то, ее фантазии, возникавшие в минуты грустных воспоминаний и душевных страданий, близки к воплощению.

Она не спеша поднимает нож, с минуту рассматривает блестящее лезвие с кровавыми потеками у рукоятки. Обычный столовый нож, необходимый в любом мирном хозяйстве. Стал орудием убийства? Неведомые силы стоят за кровавыми явлениями. Какие силы? И теперь нож не случайно оказался в ее руках. Все обстоятельства складываются так, как она и представляла себе в последние годы. В ее праве отказаться от нездоровой фантазии и тем самым сохранить душевную боль. И появилась редкая возможность смыть ее кровью. Сомнения длятся недолго, перед ужасающим зрелищем нет сил на милосердие. Она склоняется и с маху вонзает лезвие между шеей и ключицей ночного видения.

Предсмертный хрип не отпугнул ее. Страдания виновника загубленных судеб должны стать успокоительной музыкой не только для нее, но и для всех его жертв. Ей хочется, чтобы Галина слышала мучительные стоны своего убийцы, испытала душевное удовлетворение. Во всей природе должно быть равновесие, иначе теряет смысл любой достойный поступок. Жаль, агония продолжается недолго. В последующей тишине она с любопытством разглядывает кровь, стекающую из-под рукоятки ножа. И вдруг сознает совершенную глупость. Если до сих пор она понятия не имела о кровавой трагедии в спальном корпусе, то теперь даже этого доказать

невозможно. Свидетель скончался по ее вине. Мог бы и сам умереть, но она взяла в руки нож. Единственное, что приходит в голову, – это пойти к раковине и смыть отпечатки своих и чужих пальцев. Закончила работу, повернулась и... чуть не падает в обморок. Перед ней, засунув руки в карманы светлых брюк, стоит Панферов. В лице ничего человеческого. Холодный, беспощадный взгляд.

– Как ты напугал! – с трудом справилась она с непослушным языком.

Он взглядом изучал ее, потом процедил:

– Никогда не предполагал познакомиться с убийцей. К ножу не прикасайся, пусть лежит в раковине.

Панферов театральным жестом достал из кармана пиджака носовой платок и занялся орудием убийства. Все на профессиональном уровне, как если бы официант протирал бокалы.

– Как себя чувствуешь, детка? Не правда ли, удачная охота. – При наличии двух трупов его цинизм, казалось, не знал предела. Он обдумывал каждое слово, иногда повторялся. – А я шел, шел... решил заглянуть. Очень надеялся, девушки не уснули, а у меня в душе просветление. На память приходят поэтические строчки, хотел поделиться впечатлениями. Вижу, в окнах свет...

Говорил он связно, но думал даже не о словах, а о том, как поступить дальше. Кинься с ножом, она бы испугалась, но не удивилась. Уж очень спокойным и самоуверенным вы-

глядел он. Обошел трупы, методично склоняясь и оттягивая веки. Разыгрывал из себя спеца по медицинской части. Остановился, опять же, в театральной позе – упершись в кухонный столик, с сознанием собственного превосходства.

– Слушай, детка, почему бы нам ни совокупиться? Кругом тишина, и близко никого нет. Ты баба что надо. Стоит скинуть трусики, и – кайф обеспечен. Узнаешь вкус в экстремальных условиях.

Она стояла поблизости, и он успел перехватить ее предплечье. При попытке вырваться он заломил ее руку так, что от боли она согнулась пополам. Сопrotивляться невозможно. Затем быстрым движением задрал подол, и началось... Слезы бессилия застилали ей глаза. Но такая ли она слабая? И она уже спокойно терпела надругательство. Он мог делать с ней все что угодно, потому что она боялась смерти, скорой и бессмысленной. Жизнь обретала особый смысл. Именно теперь.

Он знал, что она – убийца. Когда кончилось надругательство, шлепнул ее по ягодице и оттолкнул от себя. Взамен обретенной свободы она попала в плен навязчивой идеи нового убийства. Ей хотелось зарезать его, как грязную свинью. Силы пока неравные, и она будет ждать своего часа. Пусть пройдет месяц, год... время уже не имеет значения. Он должен умереть, но и она обязана созреть для совершения заслуженной казни. Опыт у нее появился, и существует некая объективная справедливость, во имя и благодаря которой она

воспользовалась ножом. Так она убеждала себя в необходимости очередного преступления и с некоторым удовольствием смотрела на будущую свою жертву. И вряд ли возмездие можно считать преступлением. Кто следует библейским заповедям, тот выше надуманных законов.

– Теперь я тебя люблю! – как можно ласковее сказала ему.

Он улыбнулся.

– Любовь у тебя какая-то странная, но об этом потом. Теперь будем *сваливать*. Ты регистрировалась перед тем, как здесь поселиться?

– Нет. Галка свой паспорт показывала.

– Я тоже нет. Пока собираешься, я тут кое-что приберу, чтобы *легавые* не докопались.

– А Игорь?

– Нет Игоря. Потом объясню.

Рассвет не заставил себя ждать. На удивление быстро развеялись густые облака, их обрывки уносились далеко за горизонт. Природа подавала наглядный пример своевременного бегства. На фоне багряного небосклона неподкупным свидетелем замер темный силуэт леса. Ветер и зловещие цвета могут являться характерной реакцией только на человеческую гнусность. Впрочем, смешно искать высокую духовную культуру, ее не было во все века. Да, есть искорки ее проявления, но по крупному счету она, эта культура, не выдерживает испытания властью и деньгами. И существует она толь-

ко в узком кругу выдающихся людей, помешавшихся на либерализме и милосердии. Поэтому климат на планете меняется не в лучшую сторону. Духовный – в большей степени.

Панферов забежал в свой корпус и вынес толстый портфель.

– Это все! Даже распаковаться не успел, – обронил на ходу. – Хотел убедиться, есть ли смысл оставаться еще на день. В моем случае пустая трата времени —непростительная роскошь.

При их, очень разумных, опасениях база и лес вмиг остались далеко позади. Под ногами расстилалась пустынная асфальтовая дорога. Теперь можно было бы не торопиться, но оставалось много скрытых от них фактов. О трупах в спальном корпусе знает ночной следопыт. Что ему еще известно? Если о своем приятеле Панферов молчит, то со своей стороны он уже все продумал. Еще важно не попасться кому-нибудь на глаза, о своем пребывании на базе тоже нельзя проговориться. Когда остановили *попутку*, день уже рассиялся вовсю. Времени было достаточно, чтобы следопыт успел поделиться своими наблюдениями с администрацией базы. Не трудно представить всеобщий переполох.

В ее поведении появилась нервозность, Панферов выглядел более спокойным. Они оба часто поглядывали на спидометр и зеркало заднего вида. Водитель «Газели» заметил их состояние, он то и дело поворачивался к ним, как бы прицениваясь, иногда задавал незначащие вопросы. Панферов

отвечал односложно, лишь изредка бросал несущественные фразы о плохой дороге, изнуряющей жаре и прочих пустяках, сознательно искажая голос. Однако водитель, в одиночестве проделавший дальнюю дорогу, оказался не в меру разговорчивым и любопытным. Панферов предложил помолчать по причине личных неприятностей.

Молчание затянулось, и Люба углубилась в собственные размышления. Думала о сыне, муже... рассматривала руки, не осталась ли на них кровь. Задремала. Сдавленный хрип пробудил ее. Она встрепенулась и сразу же посмотрела на своих спутников. Сама сидела позади, и жуткое зрелище предстало во всех подробностях, усугубляя и без того мрачное состояние.

Панферов одной рукой обхватил шею водителя, другой придерживал руль. Затухающие звуки могли означать, что одним трупом становится больше. Прояснилось, почему Панферов долго выбирал машину. На крайний случай искал слабую жертву. Водитель своей общительностью и сметливостью сам себя приговорил. Люба тоже на волоске от смерти, не в ее силах что-нибудь изменить. Хотелось глянуть в зеркало, чтобы окончательно убедиться, как сильно она постарела и... поседела. Ей всего-то двадцать четыре, и вот – уже трижды рядом с ней дыхла смерть.

Панферов свернул на обочину, с четверть часа наблюдал за проезжающими машинами, опасаясь преследования и возможных свидетелей. О чем-то еще размышлял. Воз-

можно, взвешивал вероятность предательства со стороны Зуевой. Наконец спокойно пояснил:

– Видишь ли, детка, он опасный свидетель, на него все равно выйдут. А теперь шито-крыто, бояться некого. Людей на базе много, нас не заметили.

– А Игорь?

– Что Игорь... не скажет, у него рыло в пуху... было.

Похоже, он все рассчитал, а спорить с ним опасно. Она понимала, кем для него является. Подъехали к озеру, где берег обрывался круто вниз. Юрий вышел из машины, подал ей руку.

– Помоги столкнуть.

Вдвоем они легко сдвинули машину с места, и она с радостным фырканьем покатилась подальше от них. Минут пять пузырилась вода. Не осталось следов машины, если не считать примятой травы и там же нескольких масляных пятен. Сидели на берегу и смотрели вдаль, стараясь увидеть что-то за горизонтом. Да разве дано человеку видеть за пределами своего кругозора.

До города ехали на стареньком «Москвиче». За квартал до ее дома расстались с водителем и друг с другом. Когда она сделала шаг в сторону, Панферов зацепил пальцем ее поясok, с угрожающей интонацией произнес:

– Мы с тобой увидимся, не правда ли?

– Может быть. – Он так посмотрел, что она поторопилась придать интонациям мажорность: – Да, конечно. Обязатель-

но!

Наконец-то она вырвалась. Ноги несли ее прямо к дому. Хотелось быстрее увидеть ребенка и... мужа. Ее жизнь круто меняется, и муж должен знать, с какой непорядочной женщиной он делит постель. Она не может допустить, чтобы ни в чем неповинный человек прожил единственную и неповторимую жизнь в обмане. Галина была бы ей довольна. Любе не страшно думать, что будет потом, наконец-то, она обретает душевную свободу. Пусть ощущение временное. Она уже никогда не сможет простить себе гибель подруги.

ПОТОМОК ВЕЛИКОГО ОРДЕНА.

Самые крупные жизненные планы, пусть даже хорошо просчитанные, часто выглядят утопичными. Всякие грандиозные планы, как и мечты, имеют свойство растягиваться во времени и сопровождать всю жизнь. На длительном непростом пути нередко приходит разочарование, а вместе с ним появляется неуверенность в собственных силах. Юра не может позволить себе такой слабости. В предчувствии депрессии он закупает ящик хорошей водки, приглашает из своего окружения девицу и на четыре дня уходит в запой. Всегда все повторяется в одинаковых пропорциях – водка, развлечения и похмельный синдром. После вынужденной процедуры он, казалось, родился заново и силы чувствовал свежие – нерастраченные. И вот снова назревало депрес-

сивное состояние, но появилась возможность прокатиться в «Лазурную гладь». Мероприятие так себе, но в качестве альтернативы примитивному и болезненному запою могло сгодиться.

Как и полагается крупному и перспективному гегемону, каждый его шаг должен иметь серьезное обоснование. А в случае с поездкой на озеро подумалось о соратниках. Он обязан использовать любые возможности для общения и расширения своего влияния. Великие замыслы требуют крепкой опоры, а рядом мелкая шушера. Игорь неплохой парень в обывательском понимании, но не орел. Зависит от Зуевой. Она держит его крепко, да и он ее бизнесом связал. Какой-то смешной четырехугольник. Юра спит с его женой, а у Игоря шашни с Зуевой – пока ее муж на службе. Никто из них не видит дальше своего носа. Удобно и безопасно.

Сын богатеньких родителей, а в качестве карточного долга предложил подружку. Думает, теперь сам Панферов у него будет в долгу. И это из-за какой-то бабы. Дурак! Если бы только знал, сколько у Юры детей гуляют под чужой фамилией. Он и сам не мог бы сосчитать. Не любит возвращаться на старую тропу. Это как на войне, нельзя засиживаться на одном месте, чтобы противник не пристрелялся. Одно-го случая хватило, теперь придерживается железных правил. Это Игорю смешно. Понятное дело – дурак, ему бы опыта побольше и нервы покрепче. Чуть что – сразу истерика. Сколько не присматривался, так и не решился привлечь к работе.

А квартирные кражи – интеллигентное дело, психологом надо быть, а не слюнтяем.

Что касается Юры, то он презирает мелких людей. Для себя сделал выводы и поставил задачи, наблюдая за лидерами политических партий и высшим руководством страны. Не просто было сколотить даже маленькое окружение из преданных людей. Чиновникам среднего ранга проще – им всего-то нужны единая политическая ориентация и деньги, а их непорядочность и жуликоватость – естественные качества, необходимые для карьерного роста и личного обогащения. Труднее найти достойных и уверенных в себе ребят, то есть смелых бойцов. В первую очередь присматривался к Игорю, но испытал разочарование. Находка для *легалых*, и – только. Даже его смерть не оправдывает провала. Пытался представить экстремальную ситуацию, когда неожиданно появляется хозяин квартиры и застает его на месте преступления. Растеряется. В панике начнет искать другой выход. А какой может быть выход, если высоко и балкона нет. Тут надо спрятаться и подготовиться к атаке. Таким образом, чтобы на память свою фотокарточку не оставить. Позже спокойно взять все, что присмотрел. Потом ищи-свищи. Нет, плохой из него соратник, в команде Панферова самое слабое место. В квартирной философии ничего не смыслит. Ему бы только детские книжки читать, а мир, скрытый за десятью замками, не для его слабых мозгов. Дурак – одним словом. Такими же ничтожествами остаются все *домушники*, озабоченные толь-

ко материальной выгодой. Самое место им – тюрьма.

В последние годы приложил немало усилий для поиска и объединения крепких и энергичных парней в одну идейную группу. Только общая цель и безоглядная вера в успех могут накрепко сплотить людей. Никаких моральных принципов, но при всем обязательна преданность своему идейному вдохновителю и духовному наставнику, готовность отдать за него жизнь. А какая может быть идея? Раньше интересовался деятельностью известных бандитских группировок. Все они так или иначе *погорели* из-за отсутствия высокой идейной подготовки и обязательной присяги. Нарушение дисциплины должно жестоко караться, но великая идея сильнее страха.

Попала в руки книга Горбовского и Семенова «Закрытые страницы истории», увидел Юра Панферов возможности огромные, власть неограниченную. Для его случая появился пример, достойный подражания. В одиннадцатом веке в горах северного Ирана был основан орден ассасинов. По мнению авторов, его последователи могут быть живы по сей день. Именно, живы! Почему не он? Ему подсказывает внутреннее чутье, он как раз из их числа. Психология у него такая, и не возникает сомнений в принадлежности к великому ордену. Да, его значительность распространяется на окружающих людей. Про Игоря говорить нечего, выюном крутится – только бы угодить. Слабый человек, ему нужна физическая и моральная поддержка. Уже есть проверенные

ребята, попавшие под влияние Панферова, ведется их подготовка к присяге в согласии с уставом. Малейшее отступление карается смертью. А Игорь, не смотря на свою ничемность, обладает серьезной информацией, при очевидной угрозе может всех подставить. Тогда все планы насмарку. Приходится держать под контролем, чтобы не сболтнул где лишнего. Не может Юра решиться на убийство. Все потому, что ничего не может с собой поделаться, осталась в нем крупица жалостности. Теперь он работает над собой, кует железный характер. Хорошим примером работы над собой может стать украинский националист Бандера. Уже в детские годы одной вытянутой рукой, на весу, мог душить котов. Сильная власть – это религия, то есть влияние на человеческие души. Поездка на озеро станет проверкой его волевых качеств и способности подчинять себе новых людей.

Иногда задумывался о всевозможных исторических хитроspлетениях, о совмещении в одном лице наглого стяжателя и, например, крупного политика. Задавался вопросом, может ли великий человек проявлять прямо противоположные жизненные позиции. Пришел к успокоительному выводу: все властители – в первую очередь негодяи и воры, лишённые каких-либо принципов. Историки мало говорят о низости какого-нибудь деятеля, они с умилением смакуют, например, прогрессивное значение Македонского, упуская его карательную функцию, укравшую жизни множества невинных детей и, возможно, будущих спасителей челове-

чества от неминуемого апокалипсиса. Все – мерзавцы, хотя и в разной степени. Если жена наставляет Игорю рога, то она его обворовывает на доверии. Также можно говорить о взятках и других мошенничествах. Несбыточные обещания политиков – самый поганый вид лохотронства, то есть опять воровства, лицемерие – необходимое качество всякого политического деятеля. Есть несомненное преимущество у всякого лидера, его не смеют судить за разбазаривание общенародной собственности и мошенничество в виде лживых предвыборных обещаний.

Пожалуй, из Юры получится непревзойденный идеолог и предводитель огромной армии морально неустойчивых молодых людей, стремящихся к красивой, часто развратной, жизни. Зыбкая почва, не имеющая крепких корней, зато перспективная основа для тайной организации, в которой можно привить самые паскудные взгляды. Чтобы достичь результата, не надо просить или требовать, достаточно давать в изобилии женщин и транквилизаторов. И Юра будет использовать для достижения великой цели любые средства и обстоятельства.

Да, есть свой Устав, но всякая серьезная организация требует также своей отличительной символики. За информацией далеко ходить не пришлось – публичная библиотека находится рядом с кинотеатром, где он работает фотографом. Для своего предприятия Юра использовал проект Рериха, так называемого Знамени Мира. Неважно, какой Ре-

рих, главное – картинка. На белом полотнище, как символ вечности и единения, изображается красная окружность с тремя красными кружками внутри. Единение и вечность – вот что привлекло в первую очередь. В плагиате тоже обвинить трудно. При современном невежестве мало кто знает о каком-то Рерихе, а тайная организация Панферова умеет хранить свои секреты. О совести и вовсе говорить смешно, у всех рыло в пуху. Фашисты тоже украли для свастики древний символ плодородия и солнца, никто их не осуждает.

В подтверждение серьезности своей идеологии Юра сделал на левой груди наколку полюбившейся эмблемы. Круг диаметром около десяти сантиметров, в котором размещаются три маленьких кружочка. Один кружок в виде скрученного трехголового змея, два других кружочка представляют собой плотно составленные латинские буквы. Никто бы не додумался до смысла двух фраз, а для него они как бы лейтмотив всей жизни. *Ad gloriam* и *Ipse dixit* означают ни что иное как *Во славу* и *Сам сказал*. Сам! Он не вспоминает тех, кто его родил – всякие родственные и духовные связи ослабляют человека. Он – сам! Так Юра становится образцом для своих единомышленников. Человек может стать сильным, если в нем здоровый дух. Это он сказал! Из-за дня в день происходит пропагандистская работа, расширяется сфера проникновения его идеологии и закрепляются полезные знакомства. В его кругу не обязательно углубляться в теорию, достаточно практическое проявление силы. Ес-

ли бы кто намекнул Юре о его склонности к примитивному фашизму, он бы только отмахнулся. Он – сам!

С женщинами получилось по плану, но Зуева перебрала «Шампанского» и захотела высоких чувств. Подавай любовь с большой буквы, и чтобы соловьи пели. Расхныкалась. Дермо-баба! В общем-то, шлюха. Даже уламывать не стал, когда побежала. Насколько понял, сама должна вернуться, своего не упустит. Хотя бы в отместку Игорю, пока тот с Леготиной любовь крутит. Надо было парню раньше думать, когда Юра предлагал коллективный секс. Вроде и бабоньки подходят, да куда ему... так, все по мелочам. Слюнтяй – одним словом. А теперь что?.. Только скрылась Зуева, пошел поближе к воде – отвлечься и успокоиться. На озеро приятно смотреть, жизнь в нем особенная. Мрак неизвестности, загадка природы. С неводом бы – за рыбой сюда, чтобы загадочное однообразие не надоело.

Ночь углубилась, погода вконец испортилась. Решил пройти кратчайшим путем, через лесок, и в спешке соскользнул в яму. Ладно, удачно приземлился – на руки. Не поранился, не испачкался. Думается, еще в прошлом году дерево выкорчевали, и теперь часть корней злобно торчала из грунта, маскируясь в редких пучках травы. Когда выбирался, нащупал в траве нож. Присмотрелся и приятно удивился. Точно таким же молодые женщины кромсали колбасу. Наверное, грибники обронили. Прихватил с собой для

фокуса. Вам не кажется, барышни, что вы перебрали? Ясно – двоится.

Кто-то в лесу шалит – ветки так и трещат. Может, лось крушит все на своем пути? Пока раздумывал, он сам вышел навстречу – этот лось Игорь. Вид сумасшедшего. С бабой, что ли, не справился? Или натворил чего. Даже в темноте видно – руки в крови. Барана резал? Так ведь не способен. Что-то бормочет, но для понимания хватило двух слов. Зря он придумал поездку на озеро, теперь вся работа насмарку. Уже завтра *легалы* нагрянут, и ниточка потянется к его организации.

Нож вошел, как в масло. С собой не стал брать, а лишь вытер травой рукоятку и забросил подальше – в сторону озера. Не хватает еще ломать голову над его происхождением. Надо исходить из того, что Юра вообще здесь никогда не появлялся. Самочувствие нормальное. Удивился: зарезал приятеля, а переживаний никаких. Знать, и вправду никудышный человек Игорь. Давно надо было укреплять окружение, начинать жить в новом качестве – без прошлого, но с великими перспективами. Мир необъятен, и затеряться в многолюдной толпе ничего не стоит, никто не узнает его прошлого и настоящего. Он, потомок древних ассасинов, сам станет легендой для своих потомков.

Размышлял о великих свершениях и как-то сразу оказался перед спальным корпусом. Из приоткрытой двери лазерным лучом пробивался свет. Вошел тихо. Первое, что уви-

дел, – это свою беглянку. Она напоминала Юдифь с известной картины. Только вместо меча держала в руке нож. Глаза сумасшедшие, поза испуганной лани, у ног – убитый ею человек. Леготина разметалась у окна, вся в кровище. Неподвижный поблекший взгляд. Зрелище до ужаса живописное, и картина могла бы получиться потрясающая. К сожалению, никто не оценит, какой художественный дар пропадает в Панферове. Да Винчи для работы трупы откапывал, а тут сама жизнь предоставляет готовый материал.

Юра всегда презирал Игоря за малодушие. Если приятель паниковал или опускался до истерики, он готов был его убить. И вот случилось. Но Зуева его растрогала. Ее беспомощность пробудила в нем первобытные инстинкты. Хотелось принести боль, в полной мере испытать власть. Хотя бы в отместку за поведение на природе. Прежде всего, изнасиловать! Прямо здесь, в этом деревянном курятнике. Силой взять то, чего не удалось завоевать артистическим талантом и великодушием.

Мозг работал в соответствии с обстановкой – по-военному четко и быстро. Обдумал все возможные комбинации последующего развития событий. Единственное правильное решение – немедленное исчезновение, чтобы не оставлять фотокарточку. Зуеву придется взять с собой. Не убивать же в самом деле, и не в его интересах оставлять сынишку без матери. Хотя бы в память о приятеле. Позже видно будет, как с ней поступить. Уже забрезжил рассвет, когда они покинули

«Лазурную гладь». Шли не оборачиваясь, чтобы не видеть кровавых следов. Но это так, образно выражаясь. То есть он всегда чувствует себя истинным художником.

Она не удивилась, когда водитель «Газели» оказался в смертельных объятиях. Только прошептала тихо: *Жалко Костю*. Так он представился. А как выглядел... низкорослый, крепкий паренек... Панферов очень не разглядывал, никак не проявлял себя. Важно не дать прочесть мысли. Любое поведение выдает характер и состояние человека. Мозг Юры – вроде математической машины, никаких эмоций, холодный расчет. Любая оплошность может стать серьезной вехой, указывающей маршрут их следования.

Опасность может исходить от Зуевой, болтливость женщин как притча во языцах. Уже подсознательно появляются сомнения в ее молчании. Вдруг надоеет ходить по краю пропасти, появится желание отказаться от борьбы со своей совестью. Совесть? Он может убрать женщину в любое время. Не трудно назначить свидание в тихом месте, а вернуться одному. Со временем разберется. Не валить в одну кучу! И людьми нельзя разбрасываться. Зуева, с ее внешностью и психологией, может ему сгодиться в качестве рекламы. Сексуальные отношения только упрочат сотрудничество.

Он часто анализировал свои поступки, размышлял о равнодушии к чужой жизни и пришел к оптимистичному выводу. *Мне надо было стать военным человеком, из меня*

мог бы получиться неуловимый разведчик. Бесстрастный взгляд, хладнокровие и расчетливый ум – лучшие качества для подрывной деятельности. Еще лучше являться создателем тайного ордена и обладать великой властью. Судьба сложилась иначе, он стал вором и убийцей.

III. ПРИСТРАСТИЕ ФЕМИДЫ

Сентябрь.

В последнее время Алексина угнетала широкая гамма чувств морального свойства. Вроде как благополучно отчитался, а закрытое *Дело* не оставляет в покое даже во сне. Все обстоятельства проведенного расследования выглядят подстроенными и, соответственно, результаты – неубедительными. Всему виной единственный свидетель. Можно возмущаться запоздалыми угрызениями совести, но все равно, при всех имеющихся уликах и свидетелях, у него не было выбора. Еще бы понять, что его беспокоит больше – оскорбленное профессиональное самолюбие или сам свидетель Вадеев – как основной поставщик информации. В ответах есть существенная разница, а неуверенность в их правильности нарушает душевное равновесие, выводит из себя. Подсознательно он чувствует причастность Вадеева к событиям на базе, никак не может смириться с его независимостью. Конечно, трудно представить романтического молодого человека в качестве виновника жестокой расправы, но он, являясь реальным и единственным свидетелем ярких эпизодов из отношений фигурантов *Дела*, вполне мог ввести следователя в заблуждение. Сам признался в особом отношении к погибшей женщине и в желании не ворошить о ней память. Чтобы устранить мучающие сомнения, надо перепроверить все

факты, а главное – разобраться до конца в личности самого свидетеля. Наконец, почему бы и не стать частным детективом по собственной воле? Жизнь многообразна в своих проявлениях, учебниками по юриспруденции не обойтись. Нельзя вмешиваться в частную жизнь, но он станет ее наблюдателем. Остается вопрос технического характера – как всюду поспеть. И все же, при его одержимости, появляются силы и время, казалось бы, ни откуда.

Созданная на фактах и домыслах версия с участием трех лиц – результат личного творчества. Много деталей из личных наблюдений Алексин сознательно утаил из-за невозможности найти им объяснение. Погибшие люди могут быть с теми же характерами, о каких свидетельствуют родственники, коллеги и подсказывает фантазия следователя, но нельзя характеры занести в протокол как безупречные мотивы преступления. Все улики являются косвенными. А кухонный нож? Послужил орудием убийства, но нет отпечатков пальцев. Значит, был хотя бы еще один человек, заинтересованный в сокрытии истины. Личность Дурновцева опять же порождает множество предположений, но не дает четких ответов. В закрытом *Деле* имеются блистательные характеристики с места работы Вадеева, но нет объективного подтверждения многих его показаний.

Кто он, своеобразный парень? А внешние проявления являются отражением внутренней, духовной, жизни и сферы общения... Уже кое-что. Есть интуитивная уверенность

в жесвидетельстве и его признание в сознательном умалчивании личных отношений с Леготиной. Может оказаться так, что он сам косвенно замешен в гибели людей, и отпечатки на ноже могли быть его. Благодаря именно Вадееву, идеально замкнулся круг преступлений. Уже вызывает подозрение, а полученные показания и улики сформировали всего лишь логически правильное заключение. Алексин по опыту знает, любому, даже закрытому *Делу*, можно добавить еще несколько других версий – пусть менее убедительных, но имеющих право на существование. При наличии других возможных схем недопустимо делать окончательных выводов, надо искать новых фигурантов. Если Степан Михайлович и решился закончить следствие, так только потому, что является противником случайных жертв. Он не из тех, кто делает карьеру на количестве осужденных, и совесть марасть не станет.

Официальная версия развития событий замыкается на стороже. С позиции психиатрии наиболее возможный вариант. Только вероятный, но не обязательный. Экспертиза не обнаружила отпечатков на ноже. Уже это, при наличии трех мертвецов, вызывает сомнения, предполагает участие, по меньшей мере, четвертого участника трагедии. О нем обязательно сообщил бы Вадеев. Если не он, то кого искать и по каким признакам? Бессмысленность дальнейшего расследования заставила свести концы с концами. А профессиональная неудовлетворенность является разрушительным

началом в закрытом *Деле*. И самолюбие.

Трудности представляла работа по наведению справок. Любые обращения на предприятие или в РОВД, по месту жительства Вадеева, могли вызвать нежелательные вопросы и вызвать отрицательное отношение к поползновениям в частную жизнь. Ладно бы Алексин использовал служебное положение, но в его случае недопустима огласка частного расследования. А станет он говорить о своих сомнениях, его тут же выгонят из следственных органов за несоответствие. Пусть окольными путями, но информация получена. И ничего исключительного.

Уединенная жизнь государственного служащего, холостяка, поглощенного творческой работой, не представляет особого интереса. Можно забыть про него и заняться своими делами, и вдруг, то есть в сентябре, у Вадеева появляется подружка – Зуева Любовь Николаевна, мать восьмилетнего мальчика. Степан Михайлович испытал нечто похожее на зависть, хотя никогда не признается в собственных слабостях. Да, отдаленно напоминает известную актрису Ирину Скобцеву, но только при мимолетном взгляде. Есть в ней заметная азиатская экзотичность. И красавицей назвать нельзя, но этническая смесь придает ей исключительную привлекательность. Что нашла в простом архитекторе?.. Рассталась с мужем в конце августа. Выходит, та еще дамочка, небольшой срок – и уже амуры. Не очень утешительно для бывшего мужа – профессионального военного и не слишком суще-

ственно для следователя. Ее частная жизнь ограничивается общением с ребенком и Вадеевым, занимается перепродажей и поставкой товаров в магазины. Наметился основной треугольник ее перемещений – квартира, Вадеев и кинотеатр на краю города.

Как будто удача повернулась к Алесину привлекательной стороной – в прямом и переносном смысле. В общении с любимой женщиной могут выявиться пока не известные, скрытые от следствия, психологические тонкости в характере и поведении Вадеева. Не будет же он в ежедневном общении всегда носить маску. А в порядочности парня трудно сомневаться. И вообще, при собственной личной неустроенности чертовски интересно наблюдать за влюбленными людьми, часто делающими глупости. И ошибки?

Алексин понимает незначительность своих возможностей, не выходящих за пределы внешнего наблюдения, поэтому взял за правило фиксацию новых лиц в окружении Вадеева и его подружки Зуевой. Фотографии помогут в опознании людей и, в некотором смысле, понимании особенностей психологии фигурантов расследования. Ходил, расспрашивал, фотографировал, а один воскресный день посвятил печатанью фотографий и размышлениям. Разложил снимки в хронологической последовательности. Взял, как говорится, голову в руки и обомлел. Результаты превзошли ожидания.

Без сомнения, обнаружился след организованной бандит-

ской группы. Все ее члены выполняют те или иные необременительные функции, связанные с деятельностью кинотеатра и охраной его территории. В качестве лидера выделяется по-спортивному сложенный молодой человек с яркой внешностью и обходительными манерами, а рядовые члены группы выполняют исполнительские функции и защищают тыл своего вожака. В сущности, схема иерархии ничем не отличается от какой-либо другой организации с криминальным уклоном. Он бы мог усомниться в правильности выводов, но почти все эти люди участвовали в судебных процессах, связанных с квартирными кражами. Не участвовали в преступлениях, а выступали в качестве нечаянных свидетелей. То есть разыгрывали заранее отрепетированные спектакли. Иначе и быть не может, потому что все преступления остались нераскрытыми. Вот как!

О роли молодой женщины в деятельности бандитов можно только предполагать. Скорее всего, наводчица. По всем признакам, Вадеев находится в неведении относительно ее связи с бандой. Может, ему отведена роль жертвы? Не верится, чтобы Зуева держала его в заблуждении из-за великой любви, есть в ее окружении более привлекательные мужчины. Что-то за их отношениями кроется. Сам факт существования неуловимой группы имеет значение для понимания криминальной обстановки в городе, но не открывает завесы над летними событиями.

Алексин часто сосредотачивался на впечатлениях, связан-

ных с туристической базой. Вспоминал все детали расследования, разговоры с единственным свидетелем. В такие минуты, несмотря на сопутствующие сомнения, в нем крепла симпатия к молодому человеку, и появлялось опасение за его судьбу. Очень даже возможно, Вадеев скрывает информацию с целью самосохранения или сам докапывается до истины, не доверяя следствию. Его трепетное отношение к репутации Леготиной тому свидетельство. Степан Михайлович приходит к решению – на свой страх и риск продолжить исследование сферы жизнедеятельности своего подопечного, при необходимости обеспечить ему защиту.

В городском УВД неспокойно. Убийство племянника одного из сотрудников явилось причиной для проверки деятельности управления по обеспечению правопорядка в городе. Всплыли недоработки, отдельные промашки всех подразделений силовой структуры. Самым лучшим вариантом реабилитации является положительный результат в поисках убийцы и вообще плодотворная работа по всем направлениям.

Обнаружился факт, что погибший Юрий Панферов промышлял сбытом краденого. Ну и что, сам на воровстве не пойман. По горячим следам убийцу найти не удалось, но деятельность самого Панферова тоже представляет особый интерес для следственных органов. Его криминальные дела выделены в отдельную статью, а расследование убий-

ства ни к чему не приводило. Сам дядя, старший лейтенант милиции, забыл сон и пищу, кружил в районе убийства, искал свидетелей и возможные улики.

Ничего удивительного, если Алексин припел к этому делу Вадеева. Конечно, умозрительно, а для уверенности необходимы доказательства. Получалось не просто, даже следователю потребовалось разрешение для доступа к собранным материалам. Свое желание он объяснил профессиональным интересом к общей криминальной обстановке в городе. Учитывая связь Панферова с фигурантами других уголовных дел, другие следователи тоже не прошли мимо открывшихся фактов его преступной деятельности. Как ни странно, дядя Юрия быстро проведал о действиях Алексина, позвонил и напросился на личный прием.

– Панферов Вячеслав Михайлович, – представился он, размашистым жестом протягивая руку.

Румяное лицо старшего лейтенанта выражало слащавое самодовольство, не вязалось с кряжистой фигурой немолодого уже человека, понесшего тяжелую душевную утрату. Широкая зубастая улыбка в сочетании с колючим взглядом из-под нависающих бровей вызывала недоверие. Зато хорошо пригнанная казенная форма смягчала ощущение коварства, придавала его облику жизненную основательность.

– Прими соболезнование! – как можно трогательнее произнес Степан Михайлович.

– А, брось! – отмахнулся старший лейтенант. – Не будем

играть в прятки. Объясню, почему я здесь, в твоём кабинете. – При последних словах обнажилась его зубастость, а глаза весело воззрились на собеседника. – Любое расследование придет к заключению: племянник – парень дерьмовый. И, конечно, получит информацию о моих с ним отношениях. Не очень близкие, но родственные.

– Чем же я привлек твоё внимание?

– Своей заинтересованностью в этом деле. – Панферов замолчал, раздумывая и одновременно доставая сигарету из медного портсигара. Неторопливо продолжил, делая заметные паузы между словами: – Начну с того, э-э, что мой родной брат служил на севере, там же дослужился до полковника, а незадолго до смерти доверил мне своего сына. Мог бы не принимать близко к сердцу, но его мать, э-э, умерла еще раньше. Деньги на квартиру племянника брат перевел, так что и отказываться было поздно. Усекаешь? Не отрицаю, мне тоже перепало, и я, как мог, опекал парня. Мы были с ним, э-э, тесно связаны. Не всегда справлялся, в чем теперь убеждаюсь. Но честно признаюсь, мне совсем ни к чему наблюдатели моей частной жизни. Я сам найду убийцу, э-э.

Как не раскладывай, но Панферов имеет право на защиту личной жизни от излишней любознательности. Алексин вынужден пойти на компромисс, но обязательно с выигрышем.

– К этому делу у меня исследовательский интерес. В городе из рук вон плохо, а где-то корни.

– Понимаю, – кивнул дядя, усаживаясь на единственный стул и, опять размашисто, закидывая ногу на ногу. – Есть преданные своему делу люди.

– Если ты познакомишь меня с имеющимися материалами, я останусь нейтральным зрителем, не стану вмешиваться в ваши, как ты сказал, родственные отношения.

– Э-э, пожалуй, – как бы соглашаясь, промычал дядя. – Кое-что у меня есть.

Алексин рассматривал фотографию, сделанную на месте, где нашли труп. Лицо обезображено, одежда залита кровью, рука в спасительном стремлении уцепилась за ступеньку лестничного марша. Убийство совершено традиционным способом. По словам Панферова, жертву заманили в темный подъезд жилого дома и оглушили кирпичом, каким обычно подпирают тамбурные двери для ее устойчивости и обеспечения вентиляции. Добили тем же способом. Доказательствами являются рентгеновский снимок основания черепа и медицинское заключение. Что еще?

– Если такая уверенность, то где кирпич?

– С собой не принес, – усмехнулся Панферов и раздавил окурком о крышку портсигара. – А вообще-то находится в розыске. Я сам этим занимался, добросовестно обыскал ближайшую территорию.

Он заспешил, оправдываясь ограниченностью во времени и необходимостью заниматься розыском, для которого его никто не уполномочивал. Можно догадаться, куда в поис-

ках движется неутомимый Вячеслав Михайлович. Конечно, к дружкам Юрия. И не напрасно. Не мокрушники, но на след вывести могут. Сами не убивали, иначе бы труп не нашли. В качестве свидетелей привлекать опасно, могут всплыть подробности неблагоприятной деятельности жертвы. Компромат – на дядю. Что старший лейтенант покрывал племянника, Алексин не сомневается. Именно этим объясняется успешная деятельность воровской компании.

Можно уверенно предположить, через приятелей племянника Вячеслав Михайлович подберется к Зуевой. Дальше след потянется и к Вадееву. Вероятность невеликая, но возможная. Если преступление готовилось заранее, то улики могут оказаться в их жилищах. Или убийство случайное – не подлежит раскрытию, и Вадеев здесь не при чем. Алексин не верит в случайности и решил опередить старшего лейтенанта на предполагаемом пути.

12 сентября. Раннее утро.

Время тянется медленно, холод и сырость не могут его ускорить и, тем более, повысить настроение. Почти каждую секунду хлопают тамбурные двери. Люди торопятся по делам, в своих заботах не замечают скучающей фигуры Алексина на скамейке у песочницы. Если бы не всеобщая занятость, он мог бы представлять собой хорошую мишень для насмешек – как блудливый муженек, не принятый оскорбленной женой.

Очень возможно, его ожидания напрасны, черт-те где может носить молодых людей... в случае их виновности. Не зря говорят, на воре шапка горит. Чтобы не терять напрасно время, он оставил насиженное место и вошел в подъезд. Пропустил двух суматошных девчушек со школьными ранцами за плечами, поднялся на второй этаж. Квартира №21. Он прислонился к двери, пытаясь уловить какие-нибудь звуки. Безуспешно. Снаружи дверь плотно обита дерматином по войлоку, и все звуки гаснут в его толще. Степан Михайлович протянул руку, тронул кнопку звонка. Услышав приглушенную трель, он тремя прыжками преодолел верхний марш, забежал на следующие ступеньки, перегнулся через перила. Дверь не открылась и даже не дрогнула после его сигнала.

Прошло не меньше пяти минут, пока щелкнул замок. Вышел Вадеев. Оставил дверь приоткрытой, осмотрелся, и только потом появилась Зуева. В их поведении скованность и даже какая-то подавленность. Выходит, худшие подозрения Алексина оправдались, им есть чего опасаться. Она передала небольшой, но увесистый, сверток приятелю, сама закрыла дверь на ключ. Потом каблучки дробно скатились вниз по ступенькам, хлопнула тамбурная дверь.

Алексин, боясь потерять их окончательно, бросился следом. При выходе из подъезда чудом не сбил с ног встречную пожилую женщину с собачкой. Пробормотал извинение зарывавшей болонке, осмотрелся по сторонам и уже спокойно

пошел за удаляющейся парочкой. Пройдя с полсотни шагов, оглянулся. Увидел, как в подъезд входит кряжистый человек с военной выправкой – старший лейтенант милиции, дядя Юрия Панферова. Глядя на его хмурое лицо, Степан Михайлович не мог сдержать улыбки. Представил головную боль махрового милиционера и коротко рассмеялся. Настроение враз повисилось, а слезка представилась веселой прогулкой. Даже удивление озабоченных прохожих не могло заставить его скрывать радостное удовлетворение. И чего не радоваться, если он в любую минуту может догнать молодых людей, объясниться и пожелать вечной любви.

Они для него совсем дети. Принять их можно за молодоженов, у них все впереди. Идут в обнимку. Иногда останавливаются и украдкой целуются. Спортивная сумка заметно отягощает плечо Вадеева. В ответ мелодичному смеху тоже похохатывает, уже ничто не омрачает им настроение. Тогда почему их состояние перестает радовать следователя? Переход от крайней подавленности, связанной с возможной угрозой разоблачения, к счастливой безмятежности начинает раздражать Алексина, вызывать сомнения в необходимости опеки обнаглевшей парочки. Что-то чересчур они развеселились – в то время, как Степан Михайлович для их безопасности растрчивает личное время. Появилась мысль бросить затею, забыться в текучке повседневных дел. На черта ему заботы каких-то прохвостах. Подумал о моральной нечистоплотности правоохранительных органов в способах добы-

чи информации, их циничном внедрении в частную жизнь. Подглядывание в замочную скважину становится неписанным правилом всякого расследования, является занятием не только специализирующейся на пошлости желтой прессы, но и развлечением следственных органов. Степан Михайлович тоже не лучше, выбрал себе занятие с дурным запашком. Он мысленно ругает себя за малодушие и продолжает начатый путь.

Он бы мог отказаться от не санкционированного наблюдения, но его начинает привлекать даже не само расследование, а феномен объединения совершенно разных людей. Ну, не может быть такого! Он бы мог понять временную увлеченность Вадеева смазливой торговкой, но факт совместного участия в убийстве человека обескураживает. Что-то их должно связывать кроме сексуальной привлекательности. Несомненно, Зуева имеет исключительную внешность, редкий мужчина не оборачивается ей вслед. С такой женщиной небезопасно появляться в общественных местах, обязательно отыщется не в меру рьяный поклонник. При желании она могла бы запросто сцапать какого-нибудь новоиспеченного миллионера, но предпочла скромного архитектора. Почему? Она как будто специально усиливает впечатление, облачившись в легкое не по сезону платье, просвечиваясь соблазнительными формами. Для крепкой сплоченности должна быть очень веская причина. Какая причина? Степан Михайлович, ослепленный солнцем, начинает уже всерьез задумываться

о преступной сущности Вадеева, о его склонности к развратной жизни. Остается неясным мотив убийства Юрия Панфёрова. Возможно, произошло банальное соперничество.

Их окружает сутолока обычного рабочего дня. Все куда-то спешат. Мимо проносятся автомобили, поскрипывая тормозами и оглушая сигналами, реже постукивают трамваи. Осеннее солнце привносит в настроение сограждан грусть и философскую задумчивость. Бесшабашная веселость молодой пары не вписывается в психологию капитализированного общества. И какая веселость!? Люди с утра до ночи только и занимаются построением мошеннических схем и укреплением личного благосостояния. Всеобщая конкуренция в жульничестве погасила счастливый блеск в глазах, привела к язвам желудка и хроническому гастриту. Не улыбка, а геморрой стал отличительной чертой почти каждого состоятельного автовладельца.

Прогулка длится не более получаса. Узкие улочки, трамвайная линия, старая пятиэтажная застройка, сквер при главной площади. Наконец Алексин определил маршрут и приятно оживился. Он и сам не заметил, как интонации внутреннего голоса приобрели благодушную мягкость. Вслух прошептал: *Рискуете, ребята, но молодцы*. Тяжелый сверток плюхнулся с моста в мутный поток широкой реки.

Прошла ни чем не примечательная неделя, скучная и пустая. Так всегда – когда нет свежих впечатлений. Появилась

грусть. Возможно, в отношениях Вадеева и Зуевой наступило серое однообразие, или Алексин сам утомился – не замечает, что происходит. Добросовестно выполнял служебные обязанности, связанные с расследованием преступлений на бытовой почве, а ночью ему сопутствовала бессонница. Сказывалась неудовлетворенность работой, и он, ворочаясь в постели, воссоздавал образ счастливой парочки – Вадеева и Зуевой..

Перед мысленным взглядом возникали совсем юные лица, не омраченные культивируемой жестокостью и постоянным ожиданием опасности. Невероятный факт. Он представлял их фигуры, бредущие вдоль набережной, остановки с объятиями и поцелуями. В их отношениях он видел все признаки искренней любви, казалось бы, невозможной в эпоху духовной деградации и навязанной меркантильности. Лебединая песня этих ребят? Они полюбили друг друга, объединенные общим пониманием человеческой порядочности, – с целью противостоять окружающей гнусности.

Алексин уже не видит разницы между мифом, созданным его воображением, и реально происходящими событиями. Вырастает невероятно прекрасный букет на событиях, сдобренных кровью и слезами. Да, факт невероятный. В то же время он хорошо понимает, что придуманная сказка лучше любого вредоносного наркотика. Серые будни наполняются *живыми* красками, появляется вера в конечную справедливость. Алексин даже полюбил молодых людей, стал как бы

их тенью. Почему спрашивается, такая уничтожительность? Пытался объяснить свою симпатию к ним и пришел к мысли о существовании некоей человеческой гармонии, не совместимой с подлостью. Айтматов в начале своей «Плахи» задается вопросом: *Отчего зло почти всегда побеждает добро...* Почти? Значит, не всегда. Невозможно смириться с торжествующим злом. Пока существует добро, будут находиться человеческие силы его отстаивать, объявлять войну негодяям. Вадеев и Зуева стали орудием добра. И добро питается кровью своих жертв? Со временем возникнет и возрастет бесконтрольная потребность в острых ощущениях. И добро переродится во зло? Прямо-таки! Не тот случай. А все же, по крупному счету, миром правит зло? Внутри страны и в мировом масштабе. Ну и ну! Чингиз Айтматов таким образом дискриминирует любое правительство.

Анархичная мысль о бесконтрольной борьбе со злом привела к более здравым размышлениям. Ничего не стоит, например, привлечь для искоренения преступности воинские части, дислоцированные внутри страны. Нет внешней военной угрозы, так нечего вхолостую башмаки изнашивать. Несомненная двойная польза – воспитание бдительности и, наконец-то, проявление всенародной воли по тотальному оздоровлению общества. Хватит цацкаться с криминальными авторитетами и лояльничать с погаными сутенерами. Неизвестно, будет ли война между странами, а здесь конкретный результат. Казалось бы, ясно и понятно, но прием-

лемо не для всех. Государственные структуры, ввиду своей преступной коррумпированности и показушности, не могут наказывать себя и бороться со своими собратями по жульничеству. Им позарез нужна избирательность в применении уголовного права. Масштабная и честная работа по силам только людям, свободным от власти серебра и не стремящимся к порабощению себе подобных.

Таким вот витиеватым способом Степан Михайлович пытался оправдать своих подопечных. Даже посчитал их закономерным явлением, востребованным временем и необходимым для выживания лучшей части человечества. Срабатывает инстинкт самосохранения, и первый шаг сделан. Остается вычислить очередную жертву. Это может быть кто угодно из окружения Юрия Панферова. Кто именно? Несмотря на фантастичность ночных умозаключений, ответ не заставил себя долго ждать. В «Хронике происшествий» местной газеты указывалось на недоработки в процессе ремонта обветшалых домов, отмечалась халатность работников ЖЭКа. Первые непогодные условия свели на *нет* усилия строителей, появились человеческие жертвы.

В подтверждение объективности статьи упоминался несчастный случай с Геннадием Р. – работником небольшого кинотеатра. После окончания работы тот возвращался домой с любимой девушкой. К вечеру погода испортилась, а сильные порывы ветра вызвали разрушение чердачного окна в доме, недавно прошедшем капитальный ремонт. Все бы

ничего, но крупный обломок стекла вылетел в сторону тротуара и с нарастающей скоростью обрушился вниз. Трагедия свершилась. Составитель «Хроники происшествий» вопрошал: *Когда городские власти наведут должный порядок не только в своих домах с квартирами улучшенной планировки, но и в других жилищах, где ютятся престарелые и больные наши сограждане?*

Резонный вопрос, но интересует Алексина только в плане криминальном. То, что *несчастный случай* – еще одно нераскрытое преступление, не должно вызывать сомнений. Геннадий Р. находился в сфере влияния Юрия Панферова, а после его гибели мог занять лидирующее положение в банде. Вряд ли Зуева хотела терпеть рабскую зависимость. Уже сделан первый шаг в случае с Панферовым, судьба Геннадия была тоже предрешена. И откуда она черпает силы? Хочется сразу дать ответ, однако профессионализм не допускает поспешности. И еще... может ли осколок чердачного окна явиться орудием убийства? Наверное, да, если проявить изобретательность и феноменальную расчетливость. Поверить невозможно, но Вадеев – талантливый архитектор. Только изучив место происшествия, можно дать однозначный ответ.

20 сентября. 16 час. 30 мин.

Не дожидаясь наступления сумерек, он поднялся на пятый этаж, потом по шаткой лестнице проник на чердак

упомянутого в статье дома. После солнечной улицы взгляд не сразу воспринимал мрачную обстановку. Паутина и плесень задрапировали многие детали деревянных конструкций, лучшим образом характеризую недавний ремонт. Лучом света являлось единственное окно, обращенное в небо. Треугольники стекол кровожадными зубьями выглядывали из рамы, поджидая очередную жертву. Крупные куски вонзились в насыпной шлак чердачного перекрытия, тут же россыпь мелких осколков.

Степан Михайлович осмотрел чердак в поисках подручного инструмента, нашел пригодный обломок шиферного листа. Тщательно перерыл шлак под разрушенным окном. Не получив положительного результата, начал осторожно пересыпать руками. Откуда уверенность? Конечно, сказывались ночные размышления, ему очень хотелось убедиться в правильности своих предположений. Что-то вроде спортивного интереса. Даже в душе екнуло, когда среди гнутых ржавых гвоздей блеснуло нечто похожее на свежую крышку от бутылки. Взял в руку, присмотрелся. Обычная пуговица, хотя и декоративная. По внешнему состоянию можно судить о ее недавней потере. Остатки коричневых ниток, будто срезанные ножом, плотно заполнили два отверстия. Или пуговица сорвана стеклом? Например, с рукава. Чего не бывает в спешке и по неосторожности. Но так хочется считать для получения хоть каких-нибудь улик. Пуговицы в качестве улик фигурируют во многих детективах, но не могут повто-

ряться из раза в раз. Деталь явно женская, а идея с чердачным окном могла прийти только мужчине.

Дальнейшие поиски ни к чему не привели. После несчастного случая работники ЖЭКа вытоптали все, что может представлять интерес для расследования. При отсутствии выбора пуговица может оказаться важной находкой. Прямо-таки, находка!?! Ее мог потерять один из многочисленных бомжей, использующих чердаки и подвалы для ночлега. И не обязательно женщина. Если проявить дотошность в раскопках, то можно воссоздать черт-те какую историю дома, внешне похожего на множество подлатанных старых построек с чердаками и их нищими обитателями. И все равно Алексин не хотел расставаться с придуманной версией, он аккуратно завернул находку в лист писчей бумаги, надежно спрятал на груди. Осторожно спустился с чердака на лестничную площадку. Дальше отправился в кинотеатр, расположенный в каких-нибудь ста метрах от места происшествия. Здание, недавно отреставрированное и модернизированное, по возрасту не отличается от всей старой части города. По мраморной табличке на углу фасада можно судить не только об его архитектурной ценности, но и значимости в историческом аспекте, связанном с революционными событиями семнадцатого года.

Входные двери накрепко закрыты изнутри. Он постучал по стеклу, подождал. Разглядел в освещенном холле пожилую женщину, очень упитанную, со сглаженными чертами

лица. Ее медлительность позволяет Алексину присмотреться. Выглядит моложе своих лет, а возраст выдают изрядно посеребренные волосы, стянутые на затылке в тугий узел. Большие с зеленью глаза задумчиво смотрят перед собой. Идет в развалку, перегруженная лишним весом, и – словно нехотя. Одета она в соответствии со своим возрастом. Простенькая вязаная кофта и такого же, серо-коричневого, цвета шерстяная юбка. На ногах домашние тапочки. Если бы ей сбросить лет тридцать...

Щелкнула задвижка, мираж рассеялся. На него смотрела типичная миловидная старушка с раскосыми глазами и радужной улыбкой. Слова потекли певучие и липкие.

– Что ж, милоч, припозднился? Кино идет... или по делу? Так ведь я одна, остальные робят.

– Да, по делу, – закивал он.

– Какие со мной дела, – добродушно рассмеялась она. – Моя работа – караулить стол в холле.

– Я из прокуратуры, – показал удостоверение Степан Михайлович.

– А к нам зачем пожаловали? – вмиг помрачнела старушка и нехотя добавила: – Проходите, коли так.

Она открыла шире дверь, пропустила его вперед. Провела в дальний угол – к рабочему столу, на котором единственным украшением являлся телефон с треснутой трубкой. Тут же испещренные тетрадные листы и целлофановый пакет с вязанием. Отодвинула стул, тяжело опустилась.

– Возьмите сами, – она указала на ряд стульев у стенки, – а то мне, старой, тяжело ходить.

Алексин присел напротив, откинулся на спинку. Осмотрелся, прикинул, с чего бы начать.

– Вы...

– Тетя Рая... Абдурахмановна.

– Раиса Абдурахмановна, всех своих сотрудников знаете?

– А как же! Я, милый человек, как на пенсию вышла, так сразу здесь и поселилась. Уж восемь годков будет.

Из-под тяжеловатых век темнел внимательный и пронзительный взгляд. Неподвижный и завораживающий.

– Что скажете про Геннадия? Меня интересуют его близкие товарищи. Наконец, чем он сам занимался.

Она молчала, глядя в сторону. Неторопливо собрала бумажные листы, отодвинула в сторону вязание. Потом как будто решилась.

– Хулиганы они, да простит мне господь. Как есть хулиганы! – Лицо ее разом вспотело и покраснелось. – А вот чем занимаются, не скажу. На работе, как полагается. А вот после... сам понимаешь, ребята молодые. Там девчата или еще чего-нибудь. Разврат или еще что...

По всему видать, тема не просто волнует ее, а, прямо-таки, выбивает из колеи. Глаза увлажнились, и она прикрыла их пухлой ладонью.

– Вы очень беспокоитесь за них?

– А как же! За всех детей переживаю. Только прошу те-

бя, – она умоляюще положила руку на грудь, – не выдавай меня. Мне ли с ними сладить, коли узнают.

– Останется между нами. А кто они?

– Нет, больше ничего не скажу! Узнавай в отделе кадров.

– И все же? – попытался настоять Алексин.

– Двоих господь прибрал. – Она приложила к глазам носовой платок. – Остались Владимир и Анатолий. По фамилиям не помню. Они для меня всегда были Вовка и Толька. Второй, что помоложе, подрабатывает тренером. Да что уж теперь, компания распалась, стало тише.

Расспрашивать было бесполезно. Женщина знает цену излишней болтливости, больше ничего не скажет. Все равно Степан Михайлович почувствовал душевное тепло и нечто знакомое, но собственные ощущения отмел как не имеющие отношения к делу. Он поднялся, застегнул пуговицы на плаще и с некоторым почтением склонился над старой женщиной.

– Спасибо огромное, Раиса Абдурахмановна! Будет время, обязательно зайду вас проведать и... посмотреть фильм. До свидания!

– Будь счастлив, милоч! – Вид у нее был подавленный и отчужденный, будто она уже никому не верит, и сознавать такое крайне тяжело.

Кто на очереди? Если вдуматься, вопрос не относится к существу того дела, которым занимается Алексин. С та-

ким же успехом он мог бы и другие несчастные случаи приписать своим подопечным. Не просто так, а ради профессионального интереса, распространяющегося в область интеллектуальной игры. С самого начала он ставил задачу только исследовать психологию Вадеева для понимания событий, имевших место в «Лазурной глади». После гибели Геннадия несущественный вопрос в сознании Степана Михайловича выходит за рамки игры и обретает актуальность. Он уже верит в собственную выдумку и реалистичность своих предположений, предугадывает дальнейшее развитие событий.

Опасное занятие, которое затеяли молодые люди, может закончиться крахом раньше, чем они достигнут цели. Налицо их незащищенность перед Законом. Также понятно, банда Панферова не ограничивается Володей и Толиком, ее щупальца простираются в различные сферы городской среды. Как и в случае с Юрой Панферовым, могут объявиться *родственнички* по крови или преступным делишкам. Вадеев и Зуева могут не знать и не учитывать всей опасности ракообразного организма, пустившего метастазы во все слои общества, имеющего доступ к самой конфиденциальной информации. Не надо много ума, чтобы вычислить мстительную парочку и расправиться с ней самым безжалостным образом. Степан Михайлович, благодаря собственным наблюдениям и профессиональному чутью, убедился в неопытности новоиспеченных *робингудов*, но также понимает ограниченность своих возможностей в деле их защиты. В его слу-

чае надо бы пойти на откровенный разговор и остановить безумное *донкихотство*. Но как!? Он не может допустить общения с ними, пока не узнает доли участия Вадеева в криминальных событиях на туристической базе. Важно еще выяснить, что связывало Зуеву и банду Панферова, а потом подвигло молодых людей на тяжкие преступления. Но даже владея правдивой информацией, он не может пойти на переговоры и предупреждать об опасности, минуя официальную власть. Не имеет права укрывать от Закона. Любой факт его сближения с преступниками надо рассматривать уже как соучастие в преступлениях.

Все-таки иногда следователя посещают здравые мысли. Он начинает понимать, что его предположения могут не иметь ничего общего с действительными событиями и являются одной из форм развлечения – как издержки суровой профессии. Пуговица может принадлежать людям, изучавшим обстоятельства *несчастливого* случая, или даже потеряна бомжами. А убийство Юрия Панферова?.. Подозревать можно кого угодно из его окружения. Так ли уж редки недоразумения у соратников по темным делишкам. Сверток, брошенный в реку, и вовсе ни о чем не говорит, как только о загрязнении окружающей среды. Возможно, еще кто-то выпадает из поля зрения, кому Панферов перешел дорогу. Тут есть над чем поломать голову. И напрасно Степан Михайлович включился в игру, ставшую для него психологической ловушкой. В увлекательном забытьи закончился меланхолич-

ный сентябрь, а ежедневная рутинная работа перестала давить на психику – стала второстепенной задачей.

Начало октября.

Следующий месяц вместе с опавшей листвой принес много хлопот, связанных с обострением криминальной обстановки. Область, прямо-таки, лихорадило от гастролирующих бандитов, и рабочий день потерял всякие очертания. Иногда приходилось отсыпаться только в машине. Дело единственного свидетеля ушло на последний план. В короткие промежутки отдыха всплывали в сознании отдельные эпизоды незаконченного расследования, но тут же забывались под давлением нахлынувших новых дел.

Совсем, казалось, не кстати у него в кабинете появилась экстравагантно одетая женщина. Без стука открыла дверь и сходу:

– Здравствуйте! Вы – следователь?

– Да! – непонятно почему смутился Степан Михайлович.

Он даже не разглядел ее лица, все затмевал наряд из ярких разноцветных лент, струящихся из-под красной широкополой шляпки. Видел только удлинённый черный плащ, остроносые сапожки на тонких и высоких каблукках. Ничего не скажешь, модная дамочка.

– Я к вам за советом... присесть можно? – компанейски закончила фразу и, не дожидаясь разрешения, села за стол – напротив.

Самообладание быстро вернулось к Алексину. Так просто и смело к нему никто не входил, кроме своих сотрудников. Покоренный гордым достоинством посетительницы, дружелюбно улыбнулся.

– Вы можете представиться?

– Люся... Людмила, то есть Людмила Николаевна, – скороговоркой ответила она и покраснела.

Теперь он обратил внимание на ее лицо, свежее и почти не знающее парфюмерии. Глаза по-детски светились голубизной – небольшие, но пропорционально расположенные среди редких веснушек. Вздернутый маленький носик, пухлые, чуть подкрашенные губки. *Как хороши, как свежи были розы*, – пропел ему внутренний голос, до неузнаваемости нежный и мелодичный.

– Я слушаю, Людмила Николаевна.

– У меня появились неприятности. Новый сосед по подъезду пронюхал, что я живу одна со старой матерью, не дает спокойно пройти мимо. Иду с работы, поднимаюсь по лестнице, а он выглядывает из-за приоткрытой двери и пошло хихикает в след. Знаете, один раз можно стерпеть, но когда систематически... – Она помолчала, подбирая слова. – Потом эти штучки... и вечно пьяный.

– Вы не пытались обратиться к участковому?

– Не хочу. Мне нужен только квалифицированный совет.

– Так пусть вас проводит крепкий мужчина и между прочим припугнет хулигана.

– Не знаю таких. А если попросить, то взбредет что-нибудь в голову. Я никому не рассказывала о себе... правду, и все знают... я замужем за следователем.

– Вот как! – У Алексина от неожиданности отвисла челюсть и округлились глаза.

Она открыто и звонко рассмеялась, а он понял, что при его профессии растерянность выглядит смешной.

– Нечего сказать, обрадовали. Хотите, чтобы я вас сопровождал?

Она спокойно, уже без эмоций, кивнула. Выжидательно смотрела на него.

– Вы даете отчет в том, что говорите? Я на службе! Дома редко бываю, а вы хотите, чтобы я для вашего удовольствия каждый день разыгрывал мужа оскорбленной женщины.

– Если так... – потупилась она.

– Ничего не пойму. С такой смелостью, с какой вы заявили ко мне, можно самой отбрить хама.

– Вы забываете, я – женщина, – подавлено возразила она. – Мне противен сам разговор с пьяным пошляком.

В следующую ночь Алексин плохо спал. Он ворочался с бока на бок, размышлял, как мог вляпаться в историю с Люсей, Людмилой и Людмилой Николаевной – разом. Хотел припугнуть бестактного соседа – кстати, тоже холостяка. Как договорились, явился к ней на работу – в районную санэпидстанцию, покрутился на глазах у ее коллег. Видел, каким любопытством горят глаза у женщин и тускнеют муж-

ские лица. Однако – женщина!

Шли не спеша, не разбирали улиц. Говорили о родителях, погоде, работе, незаметно перешли к личной жизни. И вдруг – о любви... Какую-то он нес околесицу. Чувствовал себя, как под гипнозом. Что значит жертва личной неустроенности. Кажется, в основном говорил он, она слушала с широко открытыми ясными глазами. Вот где Степан Михайлович подзалетел. Забыл, что лучший способ покорить мужчину – научиться его слушать. Изумительная женщина! Если бы еще не ее хитрость и не его сорок лет. Все время находился под воздействием ее обаяния. Все же, как они не кружили, обратил внимание, что сам он проживает поблизости от... в общем, дамы необычной. Поэтому она выследила его? И далеко идти не пришлось. Теперь уже не имеет значения.

Сосед явно перепил – в упор не видел Алексина, но стоял на своем посту твердо.

– Милочка-Людмилочка, зайди, выпьем, а? – с пьяной хрипотцой прокурлыкал он и добавил в сторону следователя: – А ты шагай покедова!

Степан Михайлович не привык к хамскому обращению. Он резко пихнул наглеца внутрь квартиры и прошел за ним. Терпкий запах пролитого вина и застоявшегося дыма от плохих сигарет несколько одурманили его, а вместе с тем повысили агрессивность. Он приблизился к вонючей физиономии онемевшего пьяницы.

– Если ты, мразь, попадешься хотя бы раз на глаза моей

жены, я тебе шкварник размолочу!

Ему даже показалось, он сказал эти слова как обязательство для себя. Конечно, на пьяного соседа подействовало. Тот стал быстро отрывивать извинения. Уже за спиной продолжали звучать проклятия по поводу его невезучести. А Людмила Николаевна встречала его на площадке с горделивой улыбкой. Взяла под руку и повела знакомить со своей мамой.

– Признаюсь, я счастлива, что не ошиблась в вас.

Не ошиблась... как понимать? Неужели она действительно выслеживала его. Алексин со скрежетом стиснул зубы. Он впервые испытывал такую беспомощность. Сети, в которые он попал, связаны безупречно. Приходится смириться с приятной обязанностью сопровождать Людмилу домой, а значит – он вынужден отложить *Дело* единственного свидетеля.

9 октября. Утро.

На очередной оперативке доклад читал главный прокурор области. Кроме изложения статистических данных сделал акцент на последнем дерзком преступлении – убийстве молодого тренера со стадиона «Динамо».

– Товарищи, прошу вас быть особенно внимательными к данному расследованию. – Не объяснил, в чем исключительность, протер носовым платком очки и сразу перешел к психологической обработке. – Волна преступности формируется в центре и распространяется на периферию. Же-

стокость, с какой действуют преступники, нагоняет на людей страх. Граждане должны знать, что не напрасно платят налоги. И мы обязаны найти убийцу. Поражает изощренность и точность расчета, с какими действовал преступник. Выбран момент, когда компания молодых людей находилась в сауне при спорткомплексе. Веселое настроение, легкие развлечения... вам ли не знать самый что ни есть безгрешный возраст. – Должно быть, главный прокурор услышал дружную усмешку. Прервал монолог, обвел всех суровым взглядом, продолжил медленнее: – Своеобразность обстановки позволила убийце без помех прицелиться и хладнокровно застрелить ни в чем неповинного человека. Неблаговидность экипировки помешала приятелям тренера, кстати – тоже спортсменам, начать преследование.

Последние слова прокурор произнес с сарказмом, но смягчил упоминанием о молоденьких девушках, присутствовавших на месте трагедии, что само по себе требует деликатного обращения со свидетелями. Не надо забывать об их близких родственниках, репутация которых может пострадать.

Эксперты вывели заключение: выстрел произведен из служебного пистолета, ранее похищенного у сотрудника милиции при пикантных обстоятельствах. Сам убийца молод и силен, так как бегство с места преступления требовало больших физических усилий. Установлено: он скрылся через окно второго этажа, быстро пробежал до ограждения стадио-

на и легко его преодолел. Каких-либо свидетелей, видевших преступника, не оказалось. Этому содействовали поздний час и не освещенность территории стадиона.

Алексин достаточно вжился в созданный им образ Вадева, чтобы легко представить его в качестве разработчика и исполнителя дерзкого плана. Тренер принадлежал к когорте особо приближенных к Панферову людей, мог подозревать Зуеву в причастности к гибели их лидера, и Вадев поторопился оградить подругу от насильственных разбирательств. Нечто похожее на гордость за своего подопечного проскользнуло в сознании. Тут же разозлился на себя за безответственность. Если его версия подтвердится, то поступки следователя можно рассматривать как непростительное попустительство и даже соучастие в преступлении. Тут же нашлось оправдание собственной пассивности. Нет у него твердой уверенности в преступной направленности любовного тандема. Все его интеллектуальные изыскания соотносятся только с игровыми элементами и не имеют ничего общего с профессиональным расследованием. А мечтать, как известно, никому не вредно, оправдываться – тем более, не надо. Как еще относиться к Вадееву?

Для него давно стало ясным, что в основном склонность к преступлениям порождается социальными и экономическими факторами, неудовлетворенностью нравственным состоянием общества и отсутствием лучших перспектив. На дурных примерах выстраивается мировоззрение.

Например, глупо говорить о каком-нибудь перевоспитании в местах заключения. Еще смешней выглядит раскаяние в процессе суда. Никто не сомневается в искренности раскаяния, потому что в нем проявляется боль за недочеты и ошибки при совершении преступлений. Судьи и присяжные притворяются глупенькими и подыгрывают неисправимым преступникам. Если наказание имеет какое-нибудь значение, то в качестве запугивания. Судебная машина перемалывает всех подряд, не вникая в конечную цель противоправных поступков, ей наплевать на благие намерения и положительные результаты. Из мест лишения свободы выходят все с одинаково изуродованной психикой.

Надо бы смотреть в корень, но государство не пытается решать общенародные проблемы, оно отстаивает самые *теплые* места для продажных и жуликоватых чиновников, способных подавить любые революционные идеи. Властям не нужны умные люди с их совестью и прагматичностью, все решает стихийный рынок. Зато есть служебные квартиры и машины, подарки и приглашения на банкеты. В иных случаях трудовая деятельность превращается в сплошной праздник, а реальная зарплата повышается в разы. Чиновники деликатно объясняют недовольство налогоплательщиков их непониманием специфики работы государственных служащих, прямо-таки, сгорающих на работе. Тогда почему в стране растет преступность, понизился уровень культуры, старики заканчивают жизнь суицидом? В утрен-

них новостях передали о задержании старушки с возрастом около восьмидесяти за кражу куска масла из холодильника соседа. Стыдно ей за собственный голод, а еще больше – за кражу. Дали полтора года условно.

Речь прокурора здорово повлияла на Алексина, если состояние общества представилась ему, прямо-таки, устрашающим. Время от времени жизнь выдвигает людей исключительных – с обостренным восприятием действительности. Именно бескорыстные правозащитники спасают от гибели множество ни в чем неповинных людей. Судей же не интересует факт торжества справедливости, их также раздражает стихийный процесс наведения порядка в обществе. Недоверие к государственной правозащитной системе возрастает. Иногда возникает совсем абсурдная мысль, что государство по каким-то своим тайным причинам специально назначает на судейские должности неадекватных людей, выносящих несправедливые приговоры. Хотя, чего греха таить, нередко виной становится несовершенная система наказаний, распisanная в уголовном кодексе и которого судьи обязаны придерживаться. И за державу обидно. Это же как надо облажаться, чтобы в огромной стране не найти достойных мозгов для создания умного законодательства.

Как всякий думающий и добросовестный специалист Степан Михайлович старается найти объяснение действующему законодательству. За превышение пределов необходимой обороны несостоявшиеся жертвы получают приличные сро-

ки, хотя в момент трагедии не понимали, как защищаться иначе. Общество несет огромный моральный урон, зато педофилы и сексуальные насильники отделяются легким испугом. Например, негодяй, изнасиловавший более тридцати девочек, получил пятнадцать лет колонии, реально отсидел всего двенадцать. Это что же, за каждую покалеченную жизнь меньше полугода? Разумно интерпретировать иначе: все нормальные девочки убиты, а вместо них появились душевные калеки.

Очень может быть, российские законы пишут инопланетяне, чтобы окончательно истребить порядочных людей. А какое еще объяснение?.. Трудно вообразить, чтобы законодатели целенаправленно вредили народу. Часто справедливость восстанавливается уже в тюремных камерах. Получается черт-те что! И что это за государственная система, если роль объективных судей выполняют уголовники. А как на фоне всей судейской вакханалии относиться к похождениям Вадеева и Зуевой? Их поступки совершаются с целью залатать существующие в правоохранительной системе прорехи? Не было бы этой парочки, вместо них появились бы другие. Пример, достойный подражания, поэтому с ними церемониться не станут. Чтобы другим неповадно было. Зато самые отъявленные преступники, получившие пожизненное заключение, цепляются за такую милую, пусть даже унижительную, жизнь. В тюрьме их тщательно оберегают от непосильного труда, войны и голода.

Не надо себя обманывать, всей душой Степан Михайлович всегда был на стороне *донкихотов* и *робингудов*, большинство людей видит в них высшую справедливость. Желая остаться простым наблюдателем, он сам подсознательно включился в криминальные разбирательства. Не упускает молодых людей из поля видимости, чтобы в нужный момент прийти им на помощь. Для работника МВД – неслыханный случай. А круг деятельности преступной парочки расширяется, приобретает масштабы карательной операции по уничтожению банды. Уничтожение? Да, так предполагает Степан Михайлович, чтобы таким, умозрительным, способом выпустить пар. Обвинять его не в чем, предположения, как говорится, к делу не пришьешь. Уже и мир видится светлее.

Он бы мог и дальше рассуждать для собственного оправдания, но факты говорят за себя – троих человек нет. *Кто следующий?* Вопрос уже сам слетает с языка, и никакой связи с событиями на туристической базе. Имеет ли Вадеев причастность к убийствам на туристической базе? А если нет, то зачем повернул на преступный путь, и преступник ли он вообще? Всюду предположения. Выводы без доказательств не годятся, и к Алексину пришло озарение. Выражаясь точнее, он почувствовал, в каком направлении надо искать ответы.

15 октября.

Воскресный день, теплая солнечная погода, но Степан

Михайлович отказался пригласить Людмилу Николаевну в осенний сад на прогулку. Решение потребовало немалых усилий. Совместные мероприятия создавали особый душевный подъем на всю неделю, когда работа ладилась, дни не казались однообразными и серыми. Утром позвонил и объяснил, каким образом появилось неотложное дело, и, если она не возражает, встречу лучше отложить до вечера.

Дальнейшие действия Алексина соответствовали отработанной схеме, благодаря которой ему всегда удавалось выследить свою парочку. То есть к девяти часам он сидел в тени деревьев напротив подъезда Зуевой. На этот раз они никуда не спешили, а в праздном настроении отправились в ближайший кафетерий. Степан Михайлович остался снаружи и, ввиду выходного дня, наконец-то увидел все прелести бабьего лета. Как в природе, так и в расторможенных взглядах прохожих теплилась надежда. Конечно, вершиной всякой мечты может быть только любовь. Кому как не Алекси-ну знать тайные пружины жизнелюбия, теперь на нем самом сказывается общение с Людмилой Николаевной. Все бы ничего, но долгое отсутствие молодых людей не может радовать Степана Михайловича, зря он, что ли, жертвует личным временем. Потеряв терпение, вошел в просторный остекленный тамбур и увидел, как они оживленно беседуют за уютным столиком, мало обращая внимания на остывающий кофе. Их лица, разгоряченные и счастливые, совсем не соответствуют образу той жизни, какую приходится им ве-

сти. Скорее, состояние людей, не отягощенных угрызениями совести. И Степан Михайлович почувствовал нечто вроде оскорбленного самолюбия. В это же самое время он мог беседовать с Люсей и также счастливо улыбаться.

Вышел на улицу, осмотрелся по сторонам. Обнаружил на углу кафетерия телефонную будку с выбитыми стеклами. Проверил диафрагму и выдержку на своем «Зените», подошел поближе к телефону. Вовремя, потому что в тамбуре кафетерия показались размытые отраженным солнцем фигуры его подопечных. Итак, скорее в будку! Наводка на резкость, щелчок, и Алексин с улыбкой посмотрел на удаляющихся влюбленных. Потом увидел снаружи престарелого человека, ждущего своей очереди, опустил в аппарат монету, набрал номер.

– Алло! Людмила Николаевна?.. Да, освободился. Предлагаю встретиться у кинотеатра «Аврора». Посидим в кафетерии и вместе решим, как провести вечер... До встречи!

Остаток дня показался призрачным. Степан Михайлович вряд ли мог дословно восстановить разговор с Людмилой Николаевной или назвать маршрут их прогулки. Зато он отчетливо помнит свой рассказ об отношениях между молодыми людьми и своей версии. Нежно-голубые глаза восторженно смотрели на него, и... Нет, к дьяволу все! Лишь бы еще раз увидеть ее ласковый взгляд.

Большую часть ночи просидел в ванной, в которой уже давно оборудовал компактный и удобный фотоуголок. Нико-

му не признавался, но все последние пять лет хотел заняться художественной фотографией. Наверное, поэтому придирался к Федору, когда тот при всякой паузе в работе старался запечатлеть на пленке фрагменты неповторимой природы. Сказывалась легко объяснимая зависть, но именно Федор стал делиться с ним секретами фотоискусства. Алексину черт-те как надоели казенные отношения и жесткая дисциплина, а творчество уже подразумевает духовную свободу и закономерно приносит моральное удовлетворение. Желание сохраняется, и даже собрана приличная библиотека для самообразования, но только сейчас Степан Михайлович почувствовал себя истинным фотографом. Им двигает страсть к искусству, а не какая-то производственная необходимость.

Надо признаться, влияние Федора сказалось в полной мере, и полученные результаты не радуют. Он критически оценивает фотоснимки, выполненные в различном масштабе, и все больше тускнеет. Сделано штук пятнадцать фотографий с одного кадра, но не достигнуто удовлетворительного качества. Он не раз посещал фотовыставки и понимает посредственный уровень своей работы. Подумал о значении фотографий при сборе материалов в ходе расследования. Вспомнил репродукции с картин Сальвадора Дали и мысленно согласился с жутковатой притягательностью кровавой тематики. Смерть ассоциируется с роковой чертой, за которой существует загадочный мир. Опасная привлекательность, когда разочарованные в жизни люди тешатся надеж-

дой обрести счастье в каком-то другом измерении. Не догадываются, что счастье в них самих. Получается, фотоискусство оказывает на мировоззрение не меньшее влияние, чем изобразительное искусство и кино.

Тишина, красный свет, личное недовольство – все выплескивается в невеселых размышлениях о примитивной человеческой психологии. *Как часто бывают неразумны люди, когда в погоне за мишурой лишаются главного смысла в жизни – счастья, походя отравляют жизнь другим, калечат судьбы собственных детей.* Потеряв надежду на положительный результат, он сбросил снимки в воду, пошел на кухню. Посмотрел на часы и, приняв полтаблетки димедрола, отправился на диван.

16 октября.

Пробуждение не доставило приятных ощущений. В памяти всплывали обрывки фраз, жесты, улыбки и тут же неудачные фотоснимки. Хаос, и только. Помнится, к вечеру день казался одним из самых удачных, а ночная работа оказалась вроде капли дегтя. В общении с Людмилой поверил в свою значимость, решил тут же проверить себя в художественной фотографии. Какая самонадеянность! Ничего у него не получится. Работа гениального сыщика происходит на грани с искусством, не случайно Шерлок Холмс находил отдохновение в игре на скрипке – поднимался над земной убогостью.

Степан Михайлович обречено встал, сделал несколько

упражнений из *Ушу*, пошел в ванную. При первом же взгляде на фотографии лицо его просветлело. То, что казалось плохим ночью, сейчас могли бы устроить даже избалованного Федора. Увеличенные кадры выглядят четкими, не требуют ретуши. Теперь он убедился в справедливости своей догадки. Разложил снимки для просушки, а сам засобирился на работу. Пришел к приятному выводу, что внеслужебное расследование приобретает особенный смысл с появлением в его жизни Людмилы Николаевны.

Ездил с группой на объект по поводу ограбления, изучал обстановку, допрашивал свидетелей, но мыслями часто обращался к воскресным впечатлениям. Пытался анализировать наблюдения за своими подопечными, но всякий раз видел перед собой восторженный нежно-голубой взгляд. Кое-как управился с текущими делами и прямо с объекта поехал домой.

В шестнадцать часов он сидел на кухне, прихлебывал горячий кофе и рассматривал уже просушенные фотографии. Улыбка удовлетворения не сходила с его лица. Наконец сложил посуду в раковину, собрал снимки в целлофановый пакет, оделся и поторопился к знакомому кинотеатру на краю города. Фильм еще не начался, и в вестибюле сновали люди. Раиса Абдурахмановна стояла у дверей в зрительный зал и методично проверяла входные билеты. Теперь это была уставшая старушка. Ее как будто огорчал наплыв посетителей, а отсутствие стула вызывало неуверенность. Не замеча-

ла Степана Михайловича, и он присел у стены, откуда мог наблюдать за ее жестами и выражением лица.

Положил на колени две наиболее удачные фотографии. На первой – изображение в полный рост. Зуева, раскинув руки, спускается по ступенькам крыльца, а Вадеев прикрывает дверь кафетерия. На другой – фрагмент первого снимка, лицо крупным планом. Дугообразные брови, раскосые глаза, на переносице едва заметная родинка – то, чем вызвано озарение. У Раисы Абдурахмановны родинка на том же месте, но более заметная, как бы искусственно поставленная. Разрез глаз совпадает, а брови... тоже. Нос незначительно отличается, у Зуевой – длиннее и аккуратней. Рот... трудно говорить о полном сходстве, но что-то общее есть. Самое главное – именно общее восприятие. Одинаковая психология? Уже и сомнений нет, они являются родственницами. В какой степени? Или Степан Михайлович нашел почти двойников. Разница в возрасте.

Как только закрылись двери в зрительный зал, Раиса Абдурахмановна заняла место за служебным столом, остановила на нем взгляд. Он не стал томить ее в ожиданиях, тут же подошел, поздоровался и положил фрагмент снимка перед ней.

– Извините, побеспокоил. Вот...

Она опустила глаза на изображение и оцепенела. С минуты смотрела в одну точку, потом суетливо задвигала ящиками стола.

– Где мои очки... совсем глаза не видят. А ты, милый человек, присаживайся. Помню тебя, помню. Как же не помнить, – себе под нос твердила старая женщина.

Раиса Абдурахмановна сразу узнала девушку, теперь разыгрывает спектакль. И как не узнать, если Зуева систематически посещает кинотеатр, поддерживает связь с воровской группой. Понятно, тянет время и собирается с мыслями.

– Возможно, девушка приходила сюда. Посмотрите внимательно.

Она отложила найденные очки, протерла глаза носовым платком, отрешенным голосом проговорила:

– Это моя дочь.

– Как ваша... дочь!?

– Да, Любочка. Моя кровиночка, – подтвердила и оперлась щекой на пухленький кулачок.

– Где она сейчас?

– Не знаю, дорогой. Пропала Любка, а Николку мне оставила. Это внука, значит.

– Может, знают друзья?

– У нее один приятель, и тот исчез.

– Кто?

– Есть... Валерик. Уж такая любовь! – Она в отчаянии заломила руки. – Нет их, а тебе что за дело?

Несчастье матери выглядит искренним и производит на Алексина далеко не радостное впечатление. Пусть его

догадка оправдалась, но исчезновение молодых людей грозит непредсказуемыми последствиями, вызывает наихудшие предположения.

– Скажите, Раиса Абдурахмановна, она летом была на туристической базе? – проникновенным голосом спросил он, доверчиво глядя в глаза смятенной женщины.

– Оставьте меня в покое! Она бывает только на торговых базах. – Взмахнула руками, как бы отталкивая нежелательные воспоминания.

– Жаль, если не знаете или... скрываете.

– У нее своя жизнь, – всхлипнула несчастная мать.

При ее душевном состоянии дальнейшие расспросы не могут иметь успеха, и Алексин направился к выходу. Во время сообразил, вернулся.

– Я, Раиса Абдурахмановна, занимаюсь этим неофициально и хочу помочь молодым людям. За ними охотится нехороший участковый. – Положил перед ней визитную карточку. – Звоните!

Она проводила его пронзительным взглядом из-под тяжелых век. Его он ощущал даже тогда, когда давно за спиной захлопнулась дверь. Взгляд мудрой и душевно истерзанной женщины.

Вечер.

Поскольку его игра раскрыта, о чем он позаботился сам, то решил и дальше действовать открыто. Прежде всего, за-

шел в дом к Вадееву. Звонил с перерывами не меньше пяти минут. Слышал, как внутри надывается звонок, но признаков жизни не обнаружил. Повернулся на шорох за спиной. Мимо него проходила очень привлекательная женщина – в обтянутых джинсах, модной коричневой куртке из натуральной кожи, с молодой овчаркой на поводке. Посмотрела на него и неопределенно хмыкнула. Голова высокомерно поднята, причудливыми локонами спадают на плечи длинные рыжие волосы. Вставила ключ в замок соседней двери.

– Барышня, простите за вопрос! Вы когда последний раз встречали хозяина двадцать первой квартиры?

От его голоса собака вздрогнула, угрожающе зарычала, а женщина приняла вызывающую позу.

– А вы кто будете!?! Не инструктор ли по сексу? Было бы кстати, о то у бедных детишек фантазия истоцилась. Судя по звукам из квартиры, их любовные отношения грешат повторами.

Алексин показал удостоверение и на приглашающий жест вошел следом за ней и собакой в квартиру. Сразу за порогом остановился, через открытую дверь комнаты оценил обстановку. Отделка и меблировка выполнены по высочайшим стандартам, повсюду расставлены и развешены антикварные вещи. Судя по манере держаться, женщина ведет независимый образ жизни. И трудно представить, чтобы она одна могла с таким комфортом обустроить двухкомнатную квартиру.

– Вы живете одна?

– Что ж, вы сообразительны, – улыбнулась она, снимая и вешая на крючок куртку и открывая все прелести обтянутого блузкой торса. – Уже давно счастлива... Наденьте тапочки и ступайте в комнату.

Степан Михайлович с удовольствием принял приглашение и слушал, как на кухне она возится с псом, что-то ему скармливая. Когда вернулась в комнату, его сердце учащенно забилось. Внешний облик предстал настолько соблазнительным, что он не решался говорить о деле. Вспомнил Людмилу, попытался взять себя в руки.

– Вижу, вы окрепли. Так что за дело? – небрежно обронила она, усаживаясь в кресло напротив.

Он смотрел, как она демонстративно закидывает ногу на ногу, вытягивает стройный торс, складывает на коленке узкие ладошки. Невольно обратил взгляд на крутые бедра и обнаружил на джинсах вдавленные округлые полосы – следы от резинок. Что там надето?.. Поднял глаза и мгновенно покраснел.

– Ха-ха! – развеселилась она. – Вы действительно следователь, а я, уж было, усомнилась. Так вы спрашиваете, видела ли я соседа. И я вам отвечаю: не видела, но слышала. Его с подружкой невозможно не слышать.

Черт-те что! – мысленно проворчал Алексин. – *Мерилин Монро, только рыжая.* Сделал над собой усилие, спросил:

– Что и когда слышали?

– Ну-у, два дня назад, если так важно. И слышала, как они

за стеной занимались любовью. Да вы не смущайтесь. Это так естественно: скрипы дивана, аханья, чмоканья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.